ЧУВАШСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
ИНСТИТУТ КУЛЬТУРЫ
И ИСКУССТВ

2020 | 16+
ISSN 2713-1688 (print)
ISSN 2713-1696 (online)

ЭТНИЧЕСКАЯ КУЛЬТУРА

Международный научный журнал
Выпуск №2 (3)

ETHNIC CULTURE

International academic journal
Issue №2 (3)

Этническая культура

Международный научный журнал
Выпуск 2 (3) | 2020

«Этническая культура» – междисциплинарный научно-практический рецензируемый журнал, представляющий результаты исследований в области этнических процессов и явлений. На страницах журнала публикуются статьи, проводятся дискуссии по широкому кругу проблем, касающихся методологических подходов к изучению этнических культур и их роли в истории человеческой цивилизации; различных аспектов межъязыковой и межкультурной коммуникации; вопросов сохранения культурных традиций в условиях глобализации и передачи этнокультурного опыта будущим поколениям.

Миссия журнала – предоставить возможность авторам ознакомить со своими идеями широкий круг профессионалов, а читателям – быть в курсе актуальных вопросов изучения, сохранения и развития этнических культур в современном мире.

ОСНОВНЫЕ РАЗДЕЛЫ ЖУРНАЛА:

- Проблемы сохранения этнических культур
- Вопросы истории и теории искусств
- Проблемы межъязыковой и межкультурной коммуникации
- Вопросы методологии изучения этнических процессов
- История, теория и практика этнокультурного образования
- Современные социокультурные процессы
- Дискуссионный клуб: прогнозы, идеи и инновации
- Этнокультурные и социокультурные проблемы образования

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР:

Баскакова Наталья Ивановна, канд. филос. наук, доцент, ректор БОУ ВО «Чувашский государственный институт культуры и искусств» Минкультуры Чувашии, член-корреспондент Международной академии культуры и искусства, Чебоксары, Российская Федерация

ЗАМЕСТИТЕЛИ ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА:

Петров Геннадий Николаевич, канд. пед. наук, доцент, проректор по научной и творческой работе БОУ ВО «Чувашский государственный институт культуры и искусств» Минкультуры Чувашии, Чебоксары, Российская Федерация

Арестова Вероника Юрьевна, канд. пед. наук, доцент, ведущий научный сотрудник БОУ ВО «Чувашский государственный институт культуры и искусств» Минкультуры Чувашии, Чебоксары, Российская Федерация

ОТВЕТСТВЕННЫЙ СЕКРЕТАРЬ:

Фомин Эдуард Валентинович, канд. филол. наук, доцент, заведующий кафедрой гуманитарных и социально-экономических дисциплин БОУ ВО «Чувашский государственный институт культуры и искусств» Минкультуры Чувашии, Чебоксары, Российская Федерация

ПЕРЕВОДЧИК:

Кузьмина Анастасия Анатольевна

КОРРЕКТОР:

Миронова Людмила Сергеевна

ДИЗАЙН:

Фирсова Надежда Васильевна

КОМПЬЮТЕРНАЯ ВЕРСТКА:

Кузьмина Анастасия Анатольевна

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

Артеменко Ольга Ивановна, канд. биол. наук, член-корреспондент РАЕН, доцент, руководитель Центра этнокультурной стратегии развития образования ФГБУ «Федеральный институт развития образования», Москва, Российская Федерация

Арябкина Ирина Валентиновна, д-р пед. наук, профессор ФГБОУ ВО «Ульяновский государственный педагогический университет имени И.Н. Ульянова», Ульяновск, Российская Федерация

Бушуева Любовь Ивановна, канд. искусствоведения, доцент БОУ ВО «Чувашский государственный институт культуры и искусств» Минкультуры Чувашии, старший научный сотрудник БНУ ЧР «Чувашский государственный институт гуманитарных наук» Минобразования Чувашии, заслуженный работник культуры ЧР, Чебоксары, Российская Федерация

Васильев Владимир Александрович, д-р культурологии, канд. ист. наук, профессор ФГБОУ ВО «Чувашский государственный университет имени И.Н. Ульянова», Чебоксары, Российская Федерация

Гордеева Татьяна Юрьевна, д-р культурологии, доцент ФГБОУ ВО «Казанский государственный институт культуры», Казань, Российская Федерация

Жерносенко Ирина Александровна, д-р филос. наук, доцент, профессор РАЕ, проректор ФГБОУ ВО «Алтайский государственный институт культуры», Барнаул, Российская Федерация

Иванова Алена Михайловна, д-р филол. наук, заведующая кафедрой, декан факультета ФГБОУ ВО «Чувашский государственный университет имени И.Н. Ульянова», Чебоксары, Российская Федерация

Кузнецова Людмила Васильевна, д-р пед. наук, профессор ФГБОУ ВО «Чувашский государственный педагогический университет им. И.Я. Яковлева», Чебоксары, Российская Федерация

Кульчар Валерия, канд. ист. наук, доцент кафедры археологии Университета Сегеда, Сегед, Венгрия

Куцаева Марина Васильевна, канд. филол. наук, научный сотрудник ФГБУН «Институт языкознания РАН», Москва, Российская Федерация

Лобачевская Ольга Александровна, д-р искусствоведения, профессор Белорусского государственного университета культуры и искусств, Минск, Республика Беларусь

Луутонен Йорма, д-р филос. наук, доцент, научный сотрудник Университета г.Турку, Турку, Финляндия

Масанори Гото, д-р гуманитарных наук, профессор, научный сотрудник Хоккайдского университета, Хоккайдо, Япония

Мухтарова Шакира Мукашовна, д-р пед. наук, профессор Карагандинского государственного университета им. Е.А. Букетова, Караганда, Республика Казахстан

Панькин Аркадий Борисович, д-р пед. наук, профессор ФГБОУ ВО «Калмыцкий государственный университет им. Б.Б. Городовикова», Элиста, Российская Федерация

Сайдашева Земфира Нурмухаметовна, д-р искусствоведения, профессор ФГБОУ ВО «Казанская государственная консерватория им. Н. Жиганова», Казань, Российская Федерация

Спиридонова Анастасия Александровна, канд. пед. наук, доцент ФГБОУ ВО «Ульяновский государственный педагогический университет им. И.Н. Ульянова», Ульяновск, Российская Федерация

Султанбаева Клавдия Ивановна, д-р пед. наук, профессор ФГБОУ ВО «Хакасский государственный университет им. Н.Ф. Катанова», Абакан, Российская Федерация

Терехов Павел Петрович, д-р пед. наук, профессор ФГБОУ ВО «Казанский государственный институт культуры», Казань, Российская Федерация

Тихонова Анна Юрьевна, канд. пед. наук, д-р культурологии ФГБОУ ВО «Ульяновский государственный педагогический университет им. И.Н. Ульянова», Ульяновск, Российская Федерация

Федорова Светлана Николаевна, д-р пед. наук, профессор ФГБОУ ВО «Марийский государственный университет», Республика Марий Эл, Российская Федерация

Хайруддинов Мухиддин Айиддинович, д-р пед. наук, профессор ГБОУ ДПО РК «Крымский республиканский институт постдипломного педагогического образования», Симферополь, Российская Федерация

Хрисанова Елена Геннадьевна, д-р пед. наук, профессор ФГБОУ ВО «Чувашский государственный педагогический университет им. И.Я. Яковлева», Чебоксары, Российская Федерация

Цаллагова Зарифа Борисовна, д-р пед. наук, ведущий научный сотрудник ФГБУН Ордена Дружбы народов Института этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая, Москва, Российская Федерация

Шкалина Галина Евгеньевна, д-р культурологии, профессор, заведующая кафедрой ФГБОУ ВО «Марийский государственный университет», Республика Марий Эл, Российская Федерация

Яниогло Мария Александровна, д-р пед. наук, доцент Комратского государственного университета, Комрат, Республика Молдова

Наименование органа, зарегистрировавшего издание	Журнал зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций 09 октября 2019 года (Свидетельство о регистрации ПИ №ФС77-76946 от 09 октября 2019 г.)
DOI	10.31483/a-160
Год основания	2019
Периодичность	4 раза в год
Учредители журнала	БОУ ВО «Чувашский государственный институт культуры и искусств» Минкультуры Чувашии; ООО «Издательский дом «Среда»
Издатель журнала	ООО «Издательский дом «Среда»
Адрес редакции и издателя	428023, Россия, Чувашская Республика, г. Чебоксары, ул. Гражданская, д. 75, офис 12
Сайт	https://journalec.com
E-mail	info@journalec.com
Телефон	+7 (8352) 655-731
Подписка и распространение	Подписка на журнал осуществляется через систему электронной редакции на сайте, а также по e-mail info@journalec.com. Свободная цена.
Типография	Студия печати «Максимум», 428005, Чебоксары, Гражданская, д. 75, тел.: +7 (8352) 655-047 Печать цифровая. Бумага мелованная. Формат 60×84 ⅛. Усл. печ. л. 13,72. Заказ К-675.Тираж 100 экз.
Подписано в печать	20.06.2020
Дата выхода в свет	30.06.2020

Предназначено для детей старше 16 лет

Ethnic Culture

International academic journal
Issue 2 (3) | 2020

"Ethnic Culture" is an interdisciplinary scientific and practical peer-reviewed journal that presents the results of studies in the field of ethnic processes and phenomena. The journal publishes articles and debates on a wide range of issues related to methodological approaches to the study of ethnic cultures and their role in the history of human civilization; various aspects of crosslinguistic and intercultural communication; issues of cultural traditions preservation in the context of globalization and the transfer of ethnocultural experience to future generations.

The mission of the journal is to provide an opportunity for authors to familiarize a wide range of professionals with their ideas, and for readers to be aware of current issues of studying, preserving and developing ethnic cultures in the modern world.

SECTIONS:

- Problems of Ethnic Cultures Preservation
- History and Theory of Art Questions
- Problems of Crosslinguistic and Intercultural Communication
- Methodological Questions for Studying Ethnic Processes
- History, Theory and Practice of Ethno-cultural Education
- Modern Sociocultural Processes
- Debating Club: Forecasts, Ideas and Innovations
- Ethno-Cultural and Socio-Cultural Problems of Education

CHIEF EDITOR:

Natalya I. Baskakova, candidate of philolosophic sciences, associate professor, rector of BEI of HE "Chuvash State Institute of Culture and Arts" of the Ministry of Culture of the Chuvash Republic, associate fellow of International Academy of Culture and Art, Cheboksary, Russian Federation

DEPUTY CHIEF EDITORS:

Gennadij N. Petrov, candidate of pedagogical sciences, associate professor, vice-rector of BEI of HE "Chuvash State Institute of Culture and Arts" of the Ministry of Culture of the Chuvash Republic, Cheboksary, Russian Federation

Veronika Yu. Arestova, candidate of pedagogical sciences, associate professor, leading research fellow of BEI of HE "Chuvash State Institute of Culture and Arts" of the Ministry of Culture of the Chuvash Republic, Cheboksary, Russian Federation

EXECUTIVE SECRETARY:

Eduard V. Fomin, candidate of philological sciences, associate professor, head of the Humanities and Socio-Economic Disciplines Department of BEI of HE "Chuvash State Institute of Culture and Arts" of the Ministry of Culture of the Chuvash Republic, Cheboksary, Russian Federation

TRANSLATOR:

Anastasiya A. Kuzmina

PROOF-READER:

Lyudmila S. Mironova

DESIGN:

Nadezhda V. Firsova

COMPUTER LAYOUT:

Anastasiya A. Kuzmina

EDITORIAL BOARD:

Olga I. Artemenko, candidate of biological sciences, corresponding member of RANS, associate professor, head of Center for ethnocultural strategy of education development FSBI "Federal Institute of education development", Moscow, Russian Federation
Irina V. Aryabkina, doctor of pedagogical sciences, professor of FSBEI of HE "Ilya Ulyanov State Pedagogical University", Ulyanovsk, Russian Federation
Lyubov I. Bushueva, candidate of art history, associate professor of BEI of HE "Chuvash State Institute of Culture and Arts" of the Ministry of Culture of the Chuvash Republic, senior research fellow BSI "Chuvash State Institute of Humanities" of the Ministry of Education of the Chuvash Republic, Honored worker of culture of the Chuvash Republic, Cheboksary, Russian Federation
Vladimir A. Vasilev, doctor of cultural studies, candidate of historical sciences, professor of FSBEI of HE "I.N. Ulianov Chuvash State University", Cheboksary, Russian Federation
Tatyana Yu. Gordeeva, doctor of cultural studies, associate professor of FSBEI of HE "Kazan State Institute of Culture", Kazan, Russian Federation
Irina A. Zhernosenko, doctor of philosophical sciences, aqssociate professor, professor of Russian Academy of Science, vice-rector of FSBEI of HE "Altai State Institute of Culture", Barnaul, Russian Federation
Alena M. Ivanova, doctor of philological sciences, head of the department, dean of the faculty of FSBEI of HE "I.N. Ulianov Chuvash State University", Cheboksary, Russian Federation
Lyudmila V. Kuznetsova, doctor of pedagogical sciences, professor of FSBEI of HE "Chuvash State Pedagogical University named I. Y. Yakovlev", Cheboksary, Russian Federation
Kulcsár Valéria, candidate of historical sciences, associate professor of Archaeology Department of University of Szeged, Szeged, Hungary
Marina V. Kutsaeva, candidate of philological sciences, research fellow of FPFIS "Institute of Linguistics of Russian Academy of Sciences", Moscow, Russian Federation
Olga A. Lobachevskaya, doctor of art history, professor of The Belarusian State University of Culture and Arts, Minsk, Republic of Belarus
Luutonen Jorma, doctor of philosophical sciences, associate professor, research fellow of University of Turku, Turku, Finland
Masanori Goto, doctor of humanities, professor, research fellow of Hokkaido University, Hokkaido, Japan
Shakira M. Muhtarova, doctor of pedagogical sciences, professor of Karaganda State University named after academician E.A. Buketov, Karaganda, Republic of Kazakhstan
Arkadij B. Pankin, doctor of pedagogical sciences, professor of FSBEI of HE "Kalmyk State University named after B.B. Gorodovikov", Elista, Russian Federation
Zemfira N. Sajdasheva, doctor of art history, professor of FSBEI of HE "Kazan State Conservatoire named after N. Zhiganov", Kazan, Russian Federation
Anastasiya A. Spiridonova candidate of pedagogical sciences, associate professor of FSBEI of HE "Ilya Ulyanov State Pedagogical University", Ulyanovsk, Russian Federation
Klavdiya I. Sultanbaeva, doctor of pedagogical sciences, professor of FSBEI of HE "N.F. Katanov Khakas State University", Abakan, Russian Federation
Pavel P. Terekhov, doctor of pedagogical sciences, professor of FSBEI of HE "Kazan State Institute of Culture", Kazan, Russian Federation
Anna Yu. Tihonova, candidate of pedagogical sciences, doctor of cultural studies of FSBEI of HE "Ilya Ulyanov State Pedagogical University", Ulyanovsk, Russian Federation
Svetlana N. Fedorova, doctor of pedagogical sciences, professor of FSBEI of HE "Mari State University", the Republic of Mari El, Russian Federation
Muhiddin A. Hajruddinov, doctor of pedagogical sciences, professor of SBEI of FPE of the Republic of Crimea "Crimean Republican Institute of Postgraduate Pedagogical Education", Simferopol, Russian Federation
Elena G. Hrisanova, doctor of pedagogical sciences, professor of FSBEI of HE "Chuvash State Pedagogical University named I. Y. Yakovlev", Cheboksary, Russian Federation
Zarifa B. Tsallagova, doctor of pedagogical sciences, leading research fellow of FPFIS Order of Peoples' Friendship "The Russian Academy of Sciences N.N. Miklouho-Maklay Institute of Ethnology and Anthropology (IEA)", Moscow, Russian Federation
Galina E. Shkalina, doctor of art history, professor, head of the department of FSBEI of HE "Mari State University", the Republic of Mari El, Russian Federation
Mariya A. Yanioglo, doctor of pedagogical sciences, associate professor of State University of Comrat, Comrat, Republic of Moldova

Authority registered	Journal was registered by the Federal Service for Supervision of Communications, Information Technology, and Mass Media on October 9th, 2019 (The certificate of printed edition registration: ПИ №ФС77-76946 of 9 October 2019)
DOI	10.31483/a-160
Year of Foundation	2019
Publication Frequency	Quarterly
Founders	BEI of HE "Chuvash State Institute of Culture and Arts" of the Ministry of Culture of the Chuvash Republic; LLC "Publishing house "Sreda"
Publisher	LLC "Publishing house "Sreda"
Postal adress	75 Grazhdanskaya St., off 12, Cheboksary, 428023, Russian Federation
Web-site	https://journalec.com
E-mail	info@journalec.com
Tel.	+7 (8352) 655-731
Subscription and distribution	The journal content is free. Subscribe form on the web-site and via e-mail: info@journalec.com
Printing House	Print Studio «Maximum», 75 Grazhdanskaya St., Cheboksary, 428023, Russian Federation, tel.: +7 (8352) 655-047. Digital print. Coated paper. Format 60×84 ⅛. Conditional printed pages 13,72. Order K-675. Circulation 100 copies.
Signed in the print	20 June 2020
Date of publication	30 June 2020

Designed for children over 16 years old

СОДЕРЖАНИЕ

От редактора 5

Проблемы сохранения этнических культур

Жерносенко И.А. Этнокультурный код Алтая 6
Кедрова И.В. Этнотуризм как перспективная форма сохранения этнической культуры 10
Краснощеков В.А. Особенности внутреннего убранства жилища народов Среднего Поволжья конца XIX – первой половины XX веков 14
Кукенков В.И. Фуд-дизайн и кино в сохранении этнокультуры 20
Куцаева М.В. Этническая музыкальная культура московских мари (I) 24
Матасова О.В. Изыскания немецких ученых в исследовании золотоордынского Укека: обзор этнографических источников 31
Моисеева Р.И., Дутова Т.Н. Этнокультурное воспитание путём изучения жизнедеятельности коренных малочисленных народов Томской области 35
Невзорова Е.Д. Возрождение культурных традиций кацкого стана на страницах краеведческого издания «Кацкая летопись» 39
Рябков В.М. Масленица в историографии социально-культурной деятельности 42
Степанова О.Б. Традиционный селькупский пояс: происхождение, изготовление, символика, применение 52
Эргашев П.С. Статика и динамика этнических автостереотипов узбекской молодежи (из опыта пятнадцатилетнего исторического среза) 58

Вопросы истории и теории искусств

Мочалова Н.Ю. Персональная идентичность художника как условие и результат творчества в искусстве 62

Проблемы межъязыковой и межкультурной коммуникации

Дорощук Е.С. Инновационный потенциал формата фотокниги в этнокультурной коммуникации 68
Савицкая Е.В., Савицкий В.М. Когнитивный субстрат языкового мышления: семиотический аспект 74
Федоров В.В., Федоров М.В., Ханыгин Д.А. Визуальная семиотика неравенства в структуре архитектурного текста 78
Шимичев А.С. Формирование межкультурной компетенции младших школьников при обучении иноязычному аудированию 83
Шишлянникова Н.П. Опыт формирования культуры межнациональных отношений у студентов и школьников .. 88

Вопросы методологии изучения этнических процессов

Яковлева Е.Л. Методологические основания изучения национальной кухни как феномена гастрономической культуры 92

Этнокультурные и социокультурные проблемы образования

Александрова Л.Ю., Ваторопина С.В. Реабилитационные ресурсы новгородской считалки в логопедической коррекции моторной алалии 97
Иксанова Л.Г. Работа национальной президентской школы-интерната по удовлетворению языковых прав и этнокультурных потребностей обучающихся 101
Качалова С.М. Организационно-педагогические условия развития научно-исследовательской деятельности студентов вуза 107
Куликова И.Г., Ахмадуллин Ф.Р. Методика выстраивания и проведения интерактивной этнографической экскурсии в музее образовательного учреждения 111
Яшина Н.Ю. Преподавание русского языка как родного в начальной школе: проблемы и пути их решения .. 115

From the editor-in-chief....5

Problems of Ethnic Cultures Preservation

Irina A. Zhernosenko Ethno-Cultural Code of Altai....6
Irina V. Kedrova Ethno-Tourism as a Perspective Form of Preserving Ethnic Culture....10
Vladimir A. Krasnoshchyokov Features of the Interior Environment of the Dwellings of the Peoples of the Middle Volga Region at the End of the XIX – the First Half of the XX Centuries....14
Valeri I. Kukenkov Food Design and Film Art in the Preservation of Ethnic Culture....20
Marina V. Kutsaeva Ethnic Musical Culture of Moscow Mari (I)....24
Oksana V. Matasova German Contribution to Archeological Study of the Golden Horde Ukek: A Review of Ethnographic Sources....31
Raisa I. Moiseeva, Tatyana N. Dutova Ethno-Cultural Education by Studying the Life Activities of Indigenous Small-Numbered Peoples of the Tomsk Region....35
Ekaterina D. Nevzorova Revival of Cultural Traditions of Katsky Stan on the Pages of Regional Publication "Katsky Chronicle"....39
Vladimir M. Riabkov Maslenitsa in the Historiography of Socio-Cultural Activities....42
Olga B. Stepanova Traditional Selkup Belt: Origin, Manufacture, Symbolism, Application....52
Pulat S. Ergashev Statics and Dynamics of Ethnic Autostereotypes of Uzbek Youth (On the Experience of a Fifteen-Year Historical Cross-Section)....58

History and Theory of Art Questions

Nadezda Y. Mochalova Personal Identity of the Artist as a Condition and Result of Creativity in Art....62

Problems of Crosslinguistic and Intercultural Communication

Elena S. Doroschuk Innovative Potential of Photobook Format in Ethnocultural Communication....68
Ekaterina V. Savitskaya, Vladimir M. Savitskij Cognitive Substrate of Linguistic Thinking: The Semiotic Aspect....74
Viktor V. Fedorov, Mikhail V. Fedorov, Dmitry A. Hanygin Visual Semiotics of Inequality in the Structure of an Architectural Text....78
Alexey S. Shimichev Formation of Intercultural Competence of Primary Schoolchildren in Mastering Listening Comprehension Skills....83
Nina P. Shishliannikova Experience of the International Cultural Relations Formation in Students and Pupils....88

Methodological Questions for Studying Ethnic Processes

Elena L. Iakovleva Methodological Bases of Studying National Cuisine as a Phenomenon of Gastronomic Culture 92

Ethno-Cultural and Socio-Cultural Problems of Education

Lada Y. Aleksandrova, Svetlana V. Vatoropina Rehabilitation Resources of the Novgorod Counting-Out Rhyme in the Speech Therapy Correction of Motor Alalia....97
Lidiya G. Iksanova Work of the National Presidential Boarding School on Establishing Linguistic Rights and Filling Ethno-Cultural Needs of Students....101
Svetlana M. Kachalova Organizational and Pedagogical Conditions for the Development of Research Activities of University Students....107
Irina G. Kulikova, Fanis R. Akhmadullin Methods of Composing and Conducting an Interactive Ethnographic Excursion in the Museum of an Educational Institution....111
Natalya Y. Yashina Teaching the Russian Language as a Native at Elementary School: Problems and Ways of Their Solution....115

Дорогие читатели и авторы!

Журнал «Этническая культура» продолжает публиковать материалы современных исследований, в которых рассматриваются самые разные вопросы: место и роль этнических культур в истории человеческой цивилизации; механизмы образования этнокультурных традиций и методологические подходы к их изучению; различные компоненты культуры, выражающие ее этническую сущность; и в целом – удивительно богатый и сложный мир этнокультурных явлений и процессов.

2020 год в России объявлен Годом памяти и славы. Для наших авторов мы предлагаем новую рубрику, в которой разместятся статьи историко-биографического характера. Мы будем рады опубликовать статьи, посвященные персоналиям – ярким представителям своего народа, сыгравшим важную роль в общей победе в Великой Отечественной войне.

В числе наших авторов сегодня представители самых разных областей знаний: педагогики, психологии, филологии, истории, искусствоведения, культурологии. Мы намерены продолжить творческое сотрудничество с ними и последовательно будем выполнять главную миссию журнала – развитие плодотворного диалога, обмен опытом в области искусства, культуры, науки и образования для представителей различных этносов. Редакционный совет, научный коллектив и руководство Чувашского государственного института культуры и искусств желают авторам и читателям новых научных открытий и творческих свершений!

Главный редактор,
кандидат философских наук, ректор,
Баскакова Наталья Ивановна

Этнокультурный код Алтая

DOI 10.31483/r-75407
УДК 140.8

Жерносенко И.А.
ФГБОУ ВО «Алтайский государственный институт культуры»,
Барнаул, Росийская Федерация.
https://orcid.org/0000-0002-8571-6205, e-mail: irina.jernosenko@gmail.com

Резюме: В статье раскрывается сущность этнокультурного кода коренных жителей Алтая, основанная на комплексе устойчивых мировоззренческих концептов: мифологеме перекрестка, философеме «Jол» («Путь»), концепте сакрального центра и др., составляющих каркас духовной системы кочевых народов Евразии – тенгрианства. В ходе исследования эксплицируются ключевые маркеры менталитета коренных жителей Алтая, проявляющиеся как в бытовых реалиях, так и в ритуальных практиках; обосновывается их актуализация в современной социокультурной ситуации и выявляется их потенциал для разработки стратегии социально-культурного развития региона, основанной на интеграции биосферно-ноосферного потенциала территории с ее культурным кодом. Подчеркивается, что менталитет алтайского народа свободен от религиозных и политических догм; он чувствителен к изменениям, появляющимся в природной и социальной среде; сосредоточен на событиях, происходящих сегодня.

Методы. В исследовании использовались методы структурно-функционального и семиотического анализа.

Делается вывод о том, что сакральные центры на территории Алтая не утратили своей значимости в современных условиях, поэтому новая модель социально-экономического развития региона – ноосферная модель – основана на синтезе науки, экологии, почитании святынь своего народа, этнокультурном многообразии и природосообразных законах социального устройства как основы устойчивости бытия.

Ключевые слова: Алтай, кочевая культура, сакральный центр, тенгрианство, мифологема перекрестка, философема «Jол» («Путь»), ноосферная модель развития общества.

Для цитирования: Жерносенко И.А. Этнокультурный код Алтая // *Этническая культура*. – 2020. – № 2 (3). – С. 6-9. DOI:10.31483/r-75407.

Ethno-Cultural Code of Altai

Irina A. Zhernosenko
FSBEI of HE "Altai State Institute of Culture",
Barnaul, Russian Federation.
https://orcid.org/0000-0002-8571-6205, e-mail: irina.jernosenko@gmail.com

Abstract: The article reveals the essence of the ethno-cultural code of the indigenous people of Altai, based on a complex of stable worldview concepts: the mythologema of the crossroads, the filosofeme “Jol” (“Path”), the sacral center concepts, etc., which make up the framework of the spiritual system of the nomadic peoples of Eurasia – Tengrianism. The study exposes key markers of the mentality of the indigenous inhabitants of Altai, manifested both in everyday life and in ritual practices; their actualization in the current sociocultural situation is substantiated and their potential for developing a strategy for the sociocultural development of the region, based on the integration of the biosphere and noosphere potential of the territory with its cultural code is revealed. It is emphasized that the mentality of the Altai people is free from religious and political dogmas; it is sensitive to changes that occur in the natural and social environment; it is focused on events occurring today.

Methods. The methods of structural and functional and semiotic analysis were applied in the study.

It is concluded that the sacral centers on the territory of Altai are of great significance in modern conditions, so the new model of socio-economic development of the region – the noosphere model – is based on the synthesis of science, ecology, veneration of the holy places of their people, ethno-cultural diversity and natural laws of social structure as the basis for the stability of life.

Keywords: Altai, nomadic culture, sacral center, Tengrianism, the mythologema of the crossroads, the filosofeme “Jol” (“Path”), noospheric model of society development.

For citation: Zhernosenko I.A. (2020). Ethno-Cultural Code of Altai. *Etnicheskaya kultura = Ethnic Culture, 2(3)*, 6-9. (In Russ.) DOI:10.31483/r-75407.

Введение

В традиционной философии коренного населения Алтая всегда тонко подмечается неразрывная связь между природой и человеком. «Вмещающий ландшафт» Алтая, пользуясь термином З. Хайнади, густо насыщен «локусами памяти» [6] – сакральными центрами, возникшими в древности, и не утратившими своей значимости в современных условиях. Это храмовые, археоастрономические и ритуальные комплексы, некрополи правителей и великих воинов, нередко охватывающие весьма крупные территории, а также отдельно стоящие алтари или особые природные объекты, обладающие значимыми семиотическими смыслами. За многие столетия эти объекты превратились в многослойные культурные тексты (палимпсесты), когда архаические семантические коды обрастали новыми смыслами, актуальными в конкретную историко-культурную эпоху. В свою очередь, эти древние святилища, алтари и современные священные объекты становятся «квинтэссенцией», «экстрактом», социокультурных процессов той эпохи, когда были возведены, формируя *этнокультурный код алтайского народа*, проявляющийся через этнические ценности, представления об устройстве мира, реализующиеся через ритуально-обрядовые действия и предназначенные для трансляции следующим поколениям. Такие территории и объекты с изначальных времен объявлялись священными, заповедными.

Алтай и сегодня – край заповедных территорий. Здесь в первозданной чистоте сохраняются уникальные ландшафты, водятся редкие виды животных и птиц, произрастают эндемичные и реликтовые растения, охраняемые государством. Сегодня более 22 про-

CC BY

центов площади Республики Алтай занимают особо охраняемые природные территории (ООПТ), бóльшая часть которых совпадает с древними сакральными объектами и территориями. Гора Белуха, Телецкое озеро, Каракольская долина, долина реки Юстыд, Чулышманский каньон и другие – это не только уникальные по своей красоте ландшафты. В них по сей день сохранились десятки и сотни древних археологических и исторических памятников, почитаемых местным населением как святыни, что подтверждает устойчивую метафору, столь излюбленную туристами, посещающими Алтай – «Алтай сакральный».

Методы

В исследовании использовались методы структурно-функционального и семиотического анализа, позволившие выявить существенные характеристики феномена «сакральный центр», его семантический код и способы его функционирования как в древности, так и в современном социокультурном пространстве.

Результаты

Географическое положение Алтая – в центре евразийского континента – изначально обусловило его значение перекрестка между Востоком и Западом, Севером и Югом, что находило свое воплощение в перекочевках и великих переселениях племен и народов на протяжении всей обозримой истории. Мифологема перекрестка содержит в себе мощный потенциал преображения, выхода на качественно новый уровень бытия, когда в центре креста – «средокрестии» – происходит «ключевое действие», «переход количества в качество». Возникнув из бытового действия – добычи огня трением двух деревянных дощечек, когда из мертвого дерева рождается божественная субстанция – огонь, эта мифологема экстраполируется человеком на разные уровни бытия. Вспомним известный сказочный сюжет «витязь на распутье»: принимая условия магического камня на перекрестке – идти прямо, где его ждет смерть, совершая подвиг и «умирая», герой преображается из Ивана-дурака в Ивана Царевича. Распятый на кресте Иисус, умирая, преображается, становится Богом. В медитативной практике четвертая, сердечная, огненная чакра, также определяется как «средокрестие» человека, в которой, благодаря огню любви, происходит трансформация грубых энергий нижних чакр и холодных энергий верхних чакр – происходит то, что делает человека человеком.

Названная мифологема задает основной тон в «семантическом аккорде» (термин Г. Лебедева) *культурного ландшафта Алтая* [4]. Отталкиваясь от гумилевской дефиниции о том, что «вмещающий ландшафт» формирует культуру, рассмотрим культурный код Алтая, проявляющийся в структуре национального мировоззрения, в устойчивых мифологемах, архетипах и бытовых реалиях, ибо, как утверждает И.И. Киреева: «Существование культуры задано двумя осями координат: во-первых, это реально существующие предметы, созданные человеком и связанные во временном континууме; во-вторых – смыслы, порождаемые в сознании человека вышеуказанными артефактами» [3, с. 97].

С древнейших времен человеку, осваивавшему пространство, необходим был некий «центр», «точка сборки» (К. Кастанеда) актуальных культурных смыслов, обеспечивающих устойчивое бытие для социума, проживающего на данной территории. Легитимизация подобного центра осуществлялась через ритуальную деятельность, циклически повторявшую главный космологический акт – Сотворение мира, тем самым обеспечивая жизнеспособность и устойчивость социума. Таким образом, становление культурного ландшафта начиналось с сакрализации топоса, превращавшегося в так называемое «место силы», в котором человек может совершать «ключевое действие», соизмеримое с божественным актом.

По сути, каждый сакральный центр представляет собой структуру Мировой Оси, объединяющей все три уровня мироздания (мир богов, мир людей и мир демонов) по вертикали. По горизонтали каждый храм или алтарь, или даже природный сакральный объект имеют обязательную привязку по сторонам света, представляя собой «средокрестие» – «середину креста», центрирующую все семантические смыслы данного топоса как в синхронии, так и в диахронии.

Обсуждение

Храм – «дом Бога на земле» всегда в традиционном обществе имел сходную семантическую структуру с домом человека. Так, на Алтае, дом кочевника – это модель Его мира – открытого во все стороны, но в центре обязательно имеющего свою «точку сборки». Вплоть до середины XX века, алтайцы не закрывали двери своего дома: дом у кочевника – не крепость, а приют для путника – всегда открыт. Он не отгораживает человека от мира, а лишь дает временное укрытие. Так же открыты дома на перекочевках и охотничьи домики в тайге, неукоснительно соблюдавшие закон тайги: любой, кто набредет на такой домик, всегда найдет там спички, крупу, сухие дрова. Но и гость, уходя, должен оставить для следующего путника припасы и сухие дрова.

Как и дом кочевника, Алтай для мигрирующих племен и народов – одновременно распахнут миру и сосредоточен сам в себе. Поэтому совершенно органичным оказывается доминирование в системе ценностей кочевников философемы «Пути» (Jол). В самом начале жизненного пути будущего кочевника совершается обряд «разрезания пут», который открывает пути-дороги маленькому тюрку, едва вставшему на ножки. В этот момент звучат благопожелания: «Пусть у тебя будет Путь». Каждый важный шаг на своем жизненном Пути тюрк сопровождает ритуальной практикой, памятуя о его духовной составляющей.

В божественном пантеоне тюрков упоминаются два Jол тенгри: «Божество пути на пегом коне», которое дает человеку душу – кут, и «Божество пути на вороном коне», покровительствующее государству. И в отличие от мировых религий, где концепт «Путь» определяет движение к какому-либо конечному пункту: конкретному географическому, как библейский путь к Земле Обетованной, либо к духовному – достижение просветления буддистами и т. д., Путь тюрка подобен

CC BY

«Пути Воина» американских индейцев – как способ накопления мудрости и воинского мастерства[1].

Кочевник всегда в Пути. Он движется как в пространстве, так и во времени – и эти категории в его восприятии имеют свои характеристики: пространство перед ним расширяется, не имея границ, но при этом – четко ориентировано по сторонам света; а время – циклично, движется от сезона к сезону, закрепляемое в ритуальных практиках. Все это обеспечивает жизнеспособность мироздания, не позволяя ему распасться в энтропии. И, вероятно, именно тюркский концепт Пути оказался воплощенным в главном тенгрианском символе – *аджи*, представляющем собой равноконечный крест в круге. Он же символизирует Великое Синее Небо Тенгри – вечный космический закон: «все течет, все изменяется… все восходит и нисходит». Как справедливо замечает Н.Г. Аюпов: «Тогда не может быть раз и навсегда застывших форм… сами явления динамичны. И сознание, следуя такой открытости, не стремится к формализации и обязательной дефиниции, созданию логических схем» [1, с. 18]. Это проявляется в особенностях алтайского менталитета – свободного, не приемлющего догм (ни религиозных, ни политических); чутко реагирующего на изменения в окружающем пространстве (особенно в природной среде, в меньшей степени – в социальной), сосредоточенного на событиях, происходящих «здесь и сейчас». Выстраивая свои отношения с окружающим миром, кочевники общаются с ним как с одухотворенной, живой реальностью, почитая его мудрое устройство и не навязывая ему своих интерпретаций, подбирая наиболее эффективные и актуальные только данный момент способы взаимодействия с ним, и осознавая, что в иной ситуации эти действия могут быть не только неэффективными, но и разрушительными для человека или пространства.

Именно поэтому на Алтае сегодня оказывается очень сложная ситуация с определением титульной религии алтайского народа. Тенгрианское мировоззрение с его фундаментальным принципом первичного монотеизма – поклонение Великому Синему Небу Тенгри как космическому закону бытия – с одинаковым успехом оказалось восприимчивым к любой из мировых религий, будь то православное христианство, ислам или буддизм. Более того, оно в начале XX века само трансформировалось в синтезийную религию бурханизм (сегодня она определяется как Ак Јанг – Белая Вера). Природа конфессионального многообразия Алтая была нами подробно проанализирована в работе «Межконфессиональный диалог как культурообразующий феномен в постиндустриальном обществе на примере алтайского региона» [2], где было обосновано положение о том, что многообразие элементов системы (в данном случае – это культурная идентичность жителей Алтая) является необходимым условием для ее устойчивости как против внешних, так и внутренних возмущений.

Выводы

И сегодня из бурной полемики алтайской интеллигенции, ищущей основы своей национальной идеи, постепенно выкристаллизовывается концепт новой духовности: ноосферная модель развития общества, основанная на синтезе науки, экологии, почитании святынь своего народа, этнокультурного многообразия и природосообразных законов социального устройства как основы устойчивости бытия. Впервые в истории России идея В.И. Вернадского о существовании «великой геологической силы» – разума человека, способного осуществить гармоничное соразвитие природы, социума и техносферы, была воспринята как базовый концепт выстраивания новой стратегии государственного развития. Глава Республики Алтай А.В. Бердников обратился к Президенту РФ с предложением по реализации программы развития эколого-экономического региона и создания на территории Республики Алтай пилотной площадки по отработке ноосферной модели развития [5]. 16 декабря 2015 года в Общественной Палате РФ проходили слушания на тему «Горный Алтай – ноосферная модель развития будущего человечества», на которой был дан старт новой модели социально-экономического развития, сначала отдельно взятого региона.

Подводя итог нашим исследованиям, отметим: Алтай является одной из значимых территорий России, обладающей уникальными ландшафтами, богатейшим биоразнообразием и глубокими культурными традициями. И непреходящую ценность ей придает способность коренных жителей (алтайцев и русских старожилов) сохранять и актуализировать в условиях современности древние культурные коды.

Примечание

[1)] Более подробно об этом сказано в монографии: Жерносенко И.А. Сакральные центры Алтая: На перекрестке времен и смыслов: монография. – Барнаул: ШЭД «Тенгри», 2016. – 445 с.

Список литературы

1. Аюпов Н.Г. Тенгрианство как открытое мировоззрение: монография. – Алматы: КазНПУ им. Абая, изд-во «КИЕ», 2012. – 256 с.
2. Жерносенко И.А. Межконфессиональный диалог как культурообразующий феномен в постиндустриальном обществе на примере алтайского региона // Мир науки, культуры, образования. – 2012. – №5 (36). – С. 214–216.
3. Киреева И.И. Этнокультурные коды как способ символизации окружающей действительности // Поволжский педагогический вестник. – 2015. – №2(7). – С. 97–100.
4. Основания регионалистики. Формирование и эволюция историко-культурных зон / В.А. Булкин, А.С. Герд, Г.С. Лебедев [и др.]; под ред. А.С. Герда, Г.С. Лебедева. – СПб., 1999. – 389 с.
5. Проект Федерального закона №930186–6 «О развитии эколого-экономического региона в Республике Алтай» (ред., внесенная в ГД ФС РФ, текст по состоянию на 16.11.2015) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=PRJ&n=138534#027819506971792407 (дата обращения: 27.09.2016).
6. Хайнади З. Архетипический топос // Литература. – 2004. – №29. – С. 7–13.

CC BY

References

1. Ayupov, N. G. (2012). Tengrism as an open worldview., 256. Almaty: Abai Kazakh National Pedagogical University, Publishing House "KIE".
2. Zhernosenko I.A. Interfaith Dialogue as a Cultural Creative Phenomen of Post-Industrial Society: The Case of the Altai Region. Mir nauki, kul'tury, obrazovania, 5 (36), 214-216.
3. Kireeva, I. I. (2015). Etnokul'turnye kody kak sposob simvolizatsii okruzhaiushchei deistvitel'nosti. Volga pedagogical Bulletin, 2(7), 97-100.
4. Gerda, A. S., Lebedeva, G. S., Bulkin, V. A., Gerd, A. S., & Lebedev, G. S. (1999). Osnovaniia regionalistiki. Formirovanie i evoliutsiia istoriko-kul'turnykh zon., 389. SPb.
5. Proekt Federal'nogo zakona 930186-6 "O razvitii ekologo-ekonomicheskogo regiona v Respublike Altai" (red., vnesennaia v GD FS RF, tekst po sostoianiiu na 16.11.2015). Retrieved from http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=PRJ&n=138534#027819506971792407
6. Khainadi, Z. (2004). Archetypical Topos. Literature, 29, 7-13.

Информация об авторе

Жерносенко Ирина Александровна – Почетный работник общего образования РФ, д-р филос. наук, канд. культурологии, профессор, доцент ФГБОУ ВО «Алтайский государственный институт культуры», Барнаул, Российская Федерация

Information about the author

Irina A. Zhernosenko – Honored Worker of the General Education of the Russian Federation, doctor of philosophical sciences, candidate of cultural studies, professor, associate professor of FSBEI of HE "Altai State Institute of Culture", Barnaul, Russian Federation

CC BY

Этнотуризм как перспективная форма сохранения этнической культуры

DOI 10.31483/r-75044
УДК 379.85

Кедрова И.В.
ФГБОУ ВО «Донской государственный технический университет»,
Ростов-на-Дону, Росийская Федерация.
https://orcid.org/0000-0002-6637-1889, e-mail: ivkedrova@yandex.ru

Резюме: Автор подчеркивает, что с целью поддержания и сохранения интереса к этнической культуре в период цифровизации личного пространства для населения, интересующегося этносом своих и других регионов, необходимо постоянно расширять варианты экскурсионных программ этнографического туризма, насыщать их эксклюзивной, востребованной широкими целевыми группами, тематикой, дополнять традиционные, порой консервативные, туристские маршруты новыми объектами показа и новыми экскурсионными технологиями.

Цель статьи – определить перспективы использования разных видов этнической культуры в различных форматах туристского продукта (тур, экскурсия) для повышения интереса граждан к отечественной истории на фоне участившихся случаев ее искажения и вольных трактовок.

Методы. Автором был проведён анализ некоторых видов услуг в области этнографического туризма в Ростовской области, которые способствуют поддержанию интереса к этнической культуре данного региона.

Выводы. Автором делается вывод и представляется взгляд на будущее сохранения этнической культуры в комплексе туристско-экскурсионных предложений. Показано, что для этого нужен анализ и трансформация традиционных туристских и экскурсионных маршрутов и программ, а также активное взаимодействие не только с современным человеком, но и с организациями, представляющими и продвигающими этническую культуру и, соответственно, со смежными предприятиями, поддерживающими их в этом. Делается вывод о том, что академические методы и инструменты сохранения этнической культуры, конечно, остаются, но не только они определяют будущее данного процесса.

Ключевые слова: этнографический тур, этнокультурный туризм, этнокомплексы, этнографические музеи, этнографические экскурсии.

Для цитирования: Кедрова И.В. Этнотуризм как перспективная форма сохранения этнической культуры // *Этническая культура*. – 2020. – № 2 (3). – С. 10-13. DOI:10.31483/r-75044.

Ethno-Tourism as a Perspective Form of Preserving Ethnic Culture

Irina V. Kedrova
FSBEI of HE "Don State Technical University",
Rostov-on-Don, Russian Federation.
https://orcid.org/0000-0002-6637-1889, e-mail: ivkedrova@yandex.ru

Abstract: The author outlines that in order to maintain interest in ethnic culture during the digitalization of personal space for people interested in the ethnos of their and other regions, it is necessary to constantly expand the options for ethnographic tourism excursion programs, enrich them with exclusive topics that are in demand by wide target groups, as well as complement traditional, sometimes conservative, tourist routes with new display facilities and new excursion technologies.

The purpose of the article is to determine the prospects of using different types of ethnic culture in various formats of a tourist product (tour, excursion) to increase the interest of citizens in Russian history against the background of cases of its distortion and free interpretations that became more frequent nowadays.

Methods. The author analyzed some types of ethnographic tourism services in the Rostov Region, which contribute to maintaining interest in the ethnic culture of the region.

Conclusions. The author concludes and presents a look at the future of preserving ethnic culture in the complex of tourist and excursion offers. It is shown that this requires analysis and transformation of traditional tourist and excursion routes and programs, as well as active interaction not only with modern people, but also with organizations representing and promoting ethnic culture and, accordingly, with related enterprises supporting them in this. It is concluded that the academic methods and tools for preserving ethnic culture, of course, remain, but not only they already determine the future of this process.

Keywords: ethnographic tour, ethnocultural tourism, ethno-complexes, ethnographic museums, ethnographic excursions.

For citation: Kedrova I.V. (2020). Ethno-Tourism as a Perspective Form of Preserving Ethnic Culture. *Etnicheskaya kultura = Ethnic Culture, 2(3)*, 10-13. (In Russ.) DOI:10.31483/r-75044.

Введение

Желание знать истоки зарождения понимания человеком собственной национальной принадлежности, следствия, сформированной на основе этого, понимания культуры, традиций, обычаев и быта, дают возможность в процессе их изучения проникнуть в атмосферу событий, осуществлявшихся в далеком прошлом, формирования и современного существования этноса, и осмысленно стать частью его, и его культуры. Одну из таких возможностей в решении проблемы сохранения этнических культур предоставляет этнографический туризм. Это одна из наиболее перспективных разновидностей тематического туризма, которая представляет относительно новую форму оказания туристских услуг по удовлетворению потребностей в осознании истории становления определенного народа, проживающего в данный момент времени или жившего когда-то на той ли иной территории [1]. На сегодняшний день в научном сообществе Российской Федерации немало ученых занимается исследованием вопросов развития этнографического туризма и его значения для различных регионов РФ. К их числу относятся Е.Н. Трофимов, Н.И. Птуха, А.Г. Бутузов.

CC BY

В процессе изучения данного вопроса был сформирован базовый понятийный аппарат, который необходим для применения в подобном исследовании. Основным для исследователей в этой области стало понятие «этнотуризм».

Этнотуризм – это путешествие в целях ознакомления с обычаями разных народов, их ремеслами, традициями и бытом, а также изучение посредством личной визуализации истории и творчества коренного населения. В некоторых литературных источниках понятие «этнический туризм» связано с понятием «этнокультурный туризм», или используется как его синоним [2].

Методы

На основе изучения различных источников с применением описательного метода исследования была проанализирована следующая информация и получены соответствующие результаты.

Актуальность в современном мире этнографического туризма возрастает с каждым годом. Туристу становится недостаточно удовлетворять только рекреационные потребности, он желает не просто получить новые знания о месте пребывания, но и окунуться в атмосферу быта и поразмышлять над историческими особенностями того или иного народа. Почувствовать себя особенным и отыскать свои возможные этнические корни с глубинной историей – это становится интересным для современного человека. Исследовать, а также на короткий период стать частью истории и культуры определенного этноса – это в большей степени повышает ценность этнографического тура и является целью этнического туризма. Следствием этого является и разделение этнического вида туризма на два подвида: ностальгический (генеалогический) и этнографический.

Ностальгический туризм – подвид туризма, участники которого путешествуют с целью посещения мест своего рождения или же места, где жили ранее их предки. Известно, что данный вид туризма появился в конце XX века. Связано его появление с решением Британского туристского управления (British Travel Association) призвать потомков, некогда иммигрировавших жителей страны, вернуться на родину с целью узнать свои исторические корни. Далее такой вид туризма стал популярен среди туристов из стран Центральной Европы. Именно следствие миграции населения, вынужденного бежать из страны в связи с непростым военным положением во время Второй мировой войны, рождает интерес к истории этого переселения. В России ностальгический вид туризма имеет место быть в Ленинградской области, когда финские туристы посещают с ностальгическими целями Санкт-Петербург. Также можно отнести туры немцев в Калининградскую область и путешествие японских туристов на остров Сахалин.

Генеалогический туризм – это разновидность ностальгического туризма, при котором туристы посещают страну с целью найти своих родственников. Ностальгический вид туризма в последние годы имеет прогрессирующий рост в европейских странах, и это дает возможность изучить примеры таких туров для разработки и продвижения подобных на территории нашей страны, где они еще не имеют таких сравнительно масштабных успехов.

Познавательные и развлекательные особенности этнографических туров дают возможность проникнуть в атмосферу мест посещения, изучить обычаи, фольклор, языковые особенности, этническое творчество, костюмы и другие необычные факты, имеющие отношение именно к культуре этноса. Такой вид туризма основан на посещении исторически важных сельских поселений, в которых сохранен архитектурно-планировочный облик, элементы народных промыслов, культуры и творчества местного народа [3].

Сами же этнографические поселения бывают демонстративными и реальными. В демонстративных поселениях, как правило, никто не живет, а лишь приходят туда, как на работу. И поэтому современные авторы выделяют подвиды внутри этнографического туризма:

– аборигенный, где коренной народ вовлечен в организацию туристских маршрутов по их территории. При таком туризме разрабатывается экскурсионная программа, которую проводят сами жители. Туристы посещают деревни аборигенов, знакомятся с их историей, культурой, танцами, музыкой и национальной кухней, а также осматривают достопримечательности местной природной фауны и флоры;

– антропологический туризм, который предполагает изучение культур тех этнических общностей, которые уже исчезли (перестали существовать). Туристы посещают места их бывшего проживания с целью знакомства с нынешней современной культурой. Так же к данному виду туризму относят поездки с целью поселения в местах компактного проживания народов, находящихся под угрозой вымирания, для их изучения [4];

– джайлоо-туризм – этот подвид туризма появился сравнительно недавно, в результате практик туристских предприятий Великобритании, Германии, России и Швейцарии, и его также, по мнению автора, можно отнести к разновидности этнографического туризма, в котором присутствуют элементы экстремального туризма. Название переводится с киргизского языка, как «альпийский луг или горное пастбище», зародилось такое направление в Кыргызстане, где проложен популярный туристский маршрут близ берега высокогорного озера Иссык-Куль.

Сущность данного туристского маршрута, давшего название новому подвиду этнографического туризма, заключается в том, что во время путешествия современный человек тесно взаимодействует с первозданной и дикой природой, попадая в условия примитивной обстановки существования этноса, когда приходится отказываться от многих, важных для современного человека бытовых вещей (таких, как телефон, душ и даже обычая кровать). На таком маршруте предполагается полное погружение в дикую природу и есть возможность познакомиться с уникальной флорой и фауной, окунуться в традиции, и осмыслить жизнь населения, с уважением принимая правила и законы их жизни. Особенность джайлоо-туризма заключается в том, что он предоставляет возможность полностью отрешиться от привычной цивилизации.

Во время этнографического тура от туриста требуется погружение в его этническую атмосферу, а также соблюдение культуры поведения, проявление деликатности к местному колориту, представленным обычаям, что предполагает определенный уровень об-

CC BY

разованности. Разработка подобного рода туров предполагает предоставление возможностей желающим туристам не только осмотреть достопримечательности и познакомиться с национальными особенностями и традициями, но полностью погрузиться в этническую атмосферу посредством участия в различных видах деятельности, создающих данную атмосферу. Это могут быть незатейливые ремесла, народные танцы, пешие и конные прогулки по особенным исторически важным местам, различные интерактивы для детей, общение с домашним скотом. Сувенирная продукция для такого рода места тоже в большинстве случаев отображает традиционную культуру местного этноса: предметы быта, или украшения, связанные с историей народа, ремесленные изделия и прочее [5].

На данный момент на территории каждого региона РФ государство поощряет развитие проектов, связанных с этнографией, и подобные туры становятся все более популярными. Сибирь зачастую предлагает именно этнографические туры. Например, Алтай предлагает автобусный тур по «Алтайскому золотому кольцу», который характеризует исторические и природные места со стороны этнических качеств. Туристы совершают поездку через: «Каракольскую долину»; реку «Катунь»; «Пазырыкские курганы»; «Телецкое озеро». Красноярский край предлагает ряд этнографических туров. В Хакасию (Тува): «Великое Саянское кольцо», «Тайны Саянского кольца», «Сибирские обряды»; в Эвенкию: «Этнографический тур в Эвенкию» и по городу Красноярску. Однако не только Сибирь может похвастаться своими красочными этнографическими турами. Россия имеет много этнографических музеев, в том числе музеи-заповедники и музеи под открытым небом: «Архитектурно-этнографический музей Вологодской области»; «Хохловка»; «Усадьба Василево»; «Вепсский лес», «Витославлицы», «Ибресинский этнографический музей», «Мышкинский музей», «Музей-заповедник народного быта» на территории Ивановского района, «Музей архитектуры и быта народов Нижегородского Поволжья», «Этнографический музей народов Забайкалья».

Изучение неповторимого говора и фольклора, который у каждого народа свой, позволяет отметить некоторую закономерность: в городах этнографические особенности утрачиваются. Следовательно, для туриста, живущего в мегаполисе, интересно будет отправиться в глубинку, чтобы окунуться в атмосферу непосредственного, отличающегося своими традиционными особенностями этнос. Для некоторых цель такого путешествия – единение с природой, или изучение национальных корней, или то и другое вместе.

Обсуждение

В результате нашего исследования нужно определить ряд дискуссионных позиций для актуализации вопросов развития этнографического туризма в Ростовской области.

Ростовская область представляет собой уникальную территорию с богатым историческим и культурным наследием, которое в последние десятилетия предстаёт перед туристами в новых формах и видах. И сегодня в области есть разнообразные музеи с этнографической тематикой и этнические туристские комплексы, в том числе и гостинично-ресторанной направленности. Соответственно этнографические туры включают, как посещение и знакомство с музейными комплексами, так и погружение в народную этническую атмосферу в формате проживания в воссозданных и приближенных к реальным этническим комплексам. К таковым территориям относятся старейшие и значимые в истории Области войска донского станицы: Раздорская, Старочеркасская, хутор Пухляковский, куда на постоянной и традиционной основе турфирмы организуют этнографические экскурсии и туры.

Одновременно с муниципальными этнографическими музеями появляются современные частные этнографических комплексы, имеющие воссозданные быт и обычаи, расположенные также на территории старейших казачьих поселений Ростовской области. Это позволяет дополнять и разнообразить представление об этнической культуре. Например, этно-археологический комплекс «Затерянный мир», который располагается неподалеку от станицы Раздорской, в хуторе Пухляковский. Эти территории считаются одними из живописных уголков Ростовской области. Они отличаются необычайно красивыми ландшафтами, и разнообразной растительностью. Комплекс располагает не только природными рекреационными ресурсами, но и, что особенно важно для этнографического тура, туристской инфраструктурой для организации полноценного отдыха. На территории комплекса постоянно организуют различные празднования: «День ухи», реконструкции поединков в исторических доспехах, фольклорные мероприятия, концерты в русском народном стиле, а также вечерние костры с угощениями, чаепитием и песни под гитару.

Подобный этнографический комплекс «Казачий Стан» также находится в хуторе Пухляковском. Описываемый этнографический комплекс выполнен в лучших традициях вольной казачьей станицы. В данном поселении также развита своя туристская инфраструктура, есть собственное подворье, набор разнообразных экскурсионных программ. Характерной особенностью для донского казачества всегда было гостеприимство. Хорошо встретить гостя и принять его со всеми почестями, было важно для казака. Именно так туристов встречает этно-комплекс «Казачий Стан», соблюдая один из традиционных обычаев [6].

Относительно недавно на территории Ростовской области открылся новый этнографический комплекс «Тихий Дон». Связано это событие с тем, что в 2015 году для съемок сериала по роману Михаила Шолохова «Тихий Дон» режиссером С.В. Урсуляком использовались декорации, которые были перевезены после окончания съёмок именно в хутор Старозолотовский Константиновского района Ростовской области (легкодоступное место). Хутор – это то место у реки Дон, которое очень похоже по своему образу на описанное в романе Михаилом Шолоховым. Данный этнографический комплекс – это уникальный музей этнографии и событий жизни донских казаков на этих землях. Он состоялся, благодаря экранизации романа [7]. Таким образом, этот молодой этнографический комплекс, открытый в 2017 году, становится уникальным музеем под открытым небом.

Необходимо особенно отметить этнографический ресторанно-гостиничный комплекс «Казачий Дозор»

CC BY

недалеко от столицы ЮФО – Ростова-на-Дону. Комплекс полностью передает атмосферу донского казачества: туристы располагаются в специальных казачьих домах – «куренях», ресторан комплекса в каждом своем зале украшен в лучших донских традициях, на территории комплекса есть этнографический музей, конюшня, а также организовано все для рыболовства, что всегда было одним из важных видов деятельности донского казачества. Интерьер в куренях полностью выдержан в казачьем стиле (белые стены, деревянная мебель, лампады, домотканые коврики на полу), в дополнение ещё и немаловажная составляющая всего этого прекрасного комплекса – это свежий и чистый воздух, щебетание птиц, звук реки. Следует отметить, что конюшня занимает особое место в комплексе. Невозможно представить усадьбу казака без коня. С рождения и до смерти конь сопутствовал ему во всех земных делах: будь то военные походы, простые соревнования между казаками, по силе и ловкости, или обрядовое событие. Гордость этнографического ресторанно-гостиничного комплекса – конюшня с породистыми скакунами, которая открыта для гостей комплекса. И в дополнение ко всему представляется гостям шоу-программа «Джигитовка» (с трюками на конях в исполнении потомственных казаков).

Данный комплекс имеет развитую инфраструктуру и все возможные ресурсы для организации этнографического тура – это идеальное место, чтобы окунуться в атмосферу казачества.

Исходя из вышесказанного, автор считает необходимым применять инновации в программах этнографического туризма, насыщая их дополненной реальностью, новыми объектами показа и технологиями из сферы туристкой индустрии, а именно – ресторанно-гостиничными этническими комплексами, располагающими возможностью погружения в особенности этноса через элементы «живой истории». Следовательно, потенциал развития этнографических туров достаточно широк, но еще не до конца раскрыт как на всей территории России, так и в Ростовской области, в частности.

Выводы

Познание туристами этнических особенностей разных народностей дает им понимание широты этого разнообразия при сравнении их традиций, быта, культур. Порождает осознание того, что многообразие мира и заключается в такой неохватной многоликости и многозначности всех культур этноса.

Следовательно, мир, в котором культурное наследие сохраняют и используют без ущерба, является основной целью этнографического направления туризма. Дополнительными компонентами при разработке этнических программ становятся формирование условий приема туристов, как в сельских поселениях, так и в стилизованных комплексах; разнообразные мероприятия, относящиеся к всевозможным праздникам, сохранившимся у местного населения. В дальнейшем изучение и развитие особенностей подвидов этнотуризма, таких, как ностальгический (генеалогический) и этнографический с его разновидностями – аборигенным, антропологическим, джайлоо-туризмом возможно во всех регионах Российской Федерации.

Список литературы

1. Птуха Н.И. Этнографический туризм: учебное пособие [Текст]. – М.: Грифон, 2019. – 90 с.
2. Бутузов А.Г. Этнокультурный туризм: учебное пособие [Текст]. – М.: КноРус, 2013. – 248 с.
3. Трофимов Е.Н. Развитие этнографического туризма в России // Вестник РМАТ. – 2013. – №4. – С. 3–12 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.rmat.ru/wyswyg/file/about/vestnik/2013/4_2013.pdf
4. Святоха Н.Ю. Подходы к классификации этнического туризма / Н.Ю. Святоха, И.Ю. Филимонова // Вестник Оренбургского государственного университета. – 2014. – №6(167). – С. 179–183 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: www.tourlib.net/statti_tourism/svyatoha.htm
5. Монахова Н.С. Этнографический туризм основные виды и факторы развития // Вестник Российского нового университета. –2010. – №2. – С. 164–168 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: www.vestnik-rosnou.ru/2010/164
6. Официальный сайт Министерства культуры Ростовской области [Электронный ресурс]. – Режим доступа: mkro.donland.ru
7. Этнографический музей под открытым небом «Тихий Дон» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://тихийдонмузей.рф/

References

1. Ptukha, N. I. (2019). Etnograficheskii turizm., 90. Moscow: Grifon.
2. Butuzov, A. G. (2013). Etnokul'turnyi turizm., 248. Moscow: KnoRus.
3. Trofimov, E. N. (2013). Development of ethnographic tourism in Russia. Bulletin of the RIAT, 4, 3-12. Retrieved from http://www.rmat.ru/wyswyg/file/about/vestnik/2013/4_2013.pdf
4. Svyatokha, N. Y., & Filimonova, I. y. (2014). Approaches to ethnic tourism classification. Bulletin of the Orenburg State University, 6(167), 179-183. Retrieved from www.tourlib.net/statti_tourism/svyatoha.htm
5. Monakhova, N. S. (2010). Ethnographical tourism in russia: basic forms and factors of development. Vestnik Rossiiskogo novogo universiteta [Bulletin of the Russian New University], 2, 164-168. Retrieved from www.vestnik-rosnou.ru/2010/164
6. Ofitsial'nyi sait Ministerstva kul'tury Rostovskoi oblasti. Retrieved from mkro.donland.ru
7. Etnograficheskii muzei pod otkrytym nebom "Tikhii Don". Retrieved from http://тихийдонмузей.рф/

Информация об авторе

Кедрова Ирина Владимировна – канд. пед. наук, доцент ФГБОУ ВО «Донской государственный технический университет», Ростов-на-Дону, Российская Федерация

Information about the author

Irina V. Kedrova – candidate of pedagogical sciences, associate professor of FSBEI of HE "Don State Technical University", Rostov-on-Don, Russian Federation

CC BY

Особенности внутреннего убранства жилища народов Среднего Поволжья конца XIX — первой половины XX веков

DOI 10.31483/r-75069
УДК 39

Краснощеков В.А.
ФГБОУ ВО «Поволжский государственный университет сервиса»,
Тольятти, Росийская Федерация.
https://orcid.org/0000-0003-0275-4490, e-mail: kulbiaka@yandex.ru

Резюме: В статье уделяется внимание внутреннему убранству жилищ Среднего Поволжья конца XIX – первой половины XX веков, которое, в силу обусловленных этнонациональных и историко-культурных факторов, предположительно, обладает определенной спецификой. *Цель статьи* – выявить особенности внутреннего убранства жилища народов Среднего Поволжья конца XIX – первой половины XX веков. Подчеркивается, что элементы интерьера, позволяют судить о духовной и материальной сферах жизнедеятельности их носителей.

Методы статьи основаны на сочетании культурологического, исторического (в сочетании со сравнительным) и системного подходов.

В *результате* изучения культуры народов, населяющих регион, литературы, посвященной анализу особенностей организации внутреннего пространства традиционного жилища народов Среднего Поволжья в исследуемый период, документов различного характера, данных полевых исследований, а также фондов музеев, делается вывод о том, что при неизбежном разнообразии внутреннего убранства жилищ народов Среднего Поволжья, наблюдается однотипность внутренней планировки жилого пространства. Отмечается взаимопроникновение национальных культур, выраженное в наличии общих черт в убранстве жилищ разнородных этнических групп, позволяющих говорить о региональной средневолжской культуре, нашедшей проявление в предметно-бытовой среде и устройстве интерьера.

Ключевые слова: Среднее Поволжье, традиционная культура, жилище, быт, интерьер, этническое взаимовлияние.

Для цитирования: Краснощеков В.А. Особенности внутреннего убранства жилища народов Среднего Поволжья конца XIX — первой половины XX веков // *Этническая культура*. – 2020. – № 2 (3). – С. 14-19. DOI:10.31483/r-75069.

Features of the Interior Environment of the Dwellings of the Peoples of the Middle Volga Region at the End of the XIX – the First Half of the XX Centuries

Vladimir A. Krasnoshchyokov
FSBEI of HE "Volga Region State University of Service",
Togliatti, Russian Federation.
https://orcid.org/0000-0003-0275-4490, e-mail: kulbiaka@yandex.ru

Abstract: The article pays attention to the interior environment of the dwellings of the Middle Volga region at the end of the 19th – first half of the 20th centuries, which due to ethnonational and historical and cultural factors, may have some specific features. The *purpose of the article* is to reveal the features of the interior environment of the dwellings of the peoples of the Middle Volga region at the end of the XIX – the first half of the XX centuries. It is emphasized that the interior elements allow us to judge the spiritual and material spheres of life of their carriers.

The *methods* of the article are based on a combination of cultural, historical (in combination with comparative) and systems approaches.

As a *result* of studying the culture of the peoples living in the region as well as literature devoted to the analysis of the peculiarities of the organization of the internal space of the traditional dwellings of the peoples of the Middle Volga region during the study, various documents, data from field studies, as well as museum funds, it is concluded that, with the inevitable variety of interior environment the dwellings of the peoples of the Middle Volga region, the same type of internal layout of the living space is observed. It is noted that one can observe the interpenetration of national cultures, expressed in the presence of common features in the interior of the dwellings of diverse ethnic groups, which makes it possible to talk about the regional Middle Volga culture, which is manifested in the object-household environment and design of interior.

Keywords: traditional culture, Middle Volga Region, housing, life, interior, ethnic mutual influence.

For citation: Krasnoshchyokov V.A. (2020). Features of the Interior Environment of the Dwellings of the Peoples of the Middle Volga Region at the End of the XIX – the First Half of the XX Centuries. *Etnicheskaya kultura = Ethnic Culture, 2(3)*, 14-19. (In Russ.) DOI:10.31483/r-75069.

Введение

Формированию бытовой среды человека во все времена придавалось большое значение. Устройство быта, подбор и характер его элементов являются мерой самоопределения человека, где дом выступает как один из основных источников и передатчиков информации. Дом служил своеобразной «книгой и вместе с тем активно содействовал формированию представлений об эталонных связях в системе мир – человек» [2, с. 12–13].

Значительная часть традиционной культуры региона дошла до нас в виде предметов быта и обихода, элементов интерьера, что позволяет судить о духовной и материальной сферах жизнедеятельности их носителей. Внутреннее содержание дома, наличие и характер имеющихся в нем вещей является важной составной частью национальной повседневной культуры. В городской среде индустриального общества, нередко, только особенности внутреннего убранства жилища позволяют длительное время сохранять этническую уникальность.

Будучи полиэтничной в силу определенных исторических и экономических факторов, повседневная культура Среднего Поволжья[1] в ее бытовом предметно-средовом выражении обладает этносоциальной

CC BY

спецификой, своей логикой исторического развития. При этом наблюдается взаимопроникновение и взаимодействие национальных культур, различные инонациональные заимствования, а также ряд общих черт культуры и быта разнородных этнических групп, позволяющих говорить о региональной средневолжской культуре, нашедшей проявление в предметно-бытовой среде и устройстве интерьера. В более же широком масштабе изучение истории Среднего Поволжья дает богатый материал для осмысления отечественной культуры в целом.

Культурные формы, нередко, носят синтетический характер, что соответствует общей концепции развития российской культуры, обладающей механизмами по продвижению наиболее удачных своих феноменов. В данной работе делается попытка найти подтверждение этому теоретическому положению на эмпирическом материале, связанном с традиционными элементами внутреннего убранства жилища, устройства быта и характера его элементов народов, проживающих на территории Среднего Поволжья.

Хронологические рамки исследования в основном охватывают конец XIX – первую половину XX века.

Обзор литературы

Большая часть использованной в ходе исследования литературы посвящена анализу особенности внутреннего убранства жилища народов Среднего Поволжья конца XIX – первой половины XX веков.

Изучение национальной специфики народов, населяющих регион в XVIII-XIX веках, и их культуры базировалось на трудах И. И. Лепехина [23] и М.Н. Рагозина [24]. Исследование традиционных народных предметов повседневного быта региона с точки зрения их символического содержания опиралось на работу советского и российского фольклориста, этнографа и антрополога А.К. Байбурина [2]. Источником фактического материала послужили публикации по истории дореволюционного и советского быта, собранные в работах П.В. Алабина [1], А.С. Говорова [10], В.А. Барадулина [3], Н.Ф. Мокшина [15], М.Н. Романовой и Л.Н. Щанкиной [26], а также А.К. Салмина [27], Д.Н. Сулеймановой [28] и М.В. Сульдинского [29], в которых описана бытовая и обрядовая стороны жизни, этнические взаимовлияния культуры народов региона.

При описании особенностей организации внутреннего пространства традиционного жилища региона (черты интерьера, меблировка) большую роль сыграла информация, содержащаяся в работах Л.В. Беловинского [4], Е.Э. Бломквист [5; 6] и О.А. Ганцкой [6].

При разработке темы были проанализированы архивные и опубликованные документы, данные полевых исследований и прикладные материалы: неопубликованные источники (архивные документы различного характера) в Российском государственном архиве древних актов (РГАДА, г. Москва); комплекс документов научного архива Института этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая Российской академии наук (ИЭА РАН, г. Москва), содержащий информацию об этнографических экспедициях на территории Среднего Поволжья в 1951–1967 гг.; коллекции предметов быта традиционной повседневной культуры и декоративного искусства, представленные в экспозициях и хранящихся в фондах музеев: ГБУК «Самарский областной историко-краеведческий музей (СОИКМ) им. П.В. Алабина» (г. Самара); МБУ «Краеведческий музей г. о. Сызрань»; МБУК «Димитровградский краеведческий музей» (г. Димитровград, Ульяновская обл.); МБУК г. о. Тольятти «Городской музейный комплекс «Наследие» (экомузей)» (Самарская обл.); ФГБУК «Всероссийский музей декоративно-прикладного и народного искусства» (ВМДПНИ, г. Москва); МБУК «Сергиевский историко-краеведческий музей» муниципального района Сергиевский (Самарская обл.).

Материалы и методы

В ходе исследования использовалось сочетание нескольких методологических подходов: культурологического (в котором материальная составляющая повседневной культуры – предметы быта и домашнего обихода, интерьер – рассматриваются как показатель условий, способствующих совершенствованию жизнедеятельности человека, с точки зрения реализации способностей его как субъекта культуры); исторического (предполагающего изучение особенностей внутреннего убранства жилища народов, населяющих Среднее Поволжье, в широкой исторической перспективе) и системного (позволяющего всесторонне охватить традиционную повседневную культуру Среднего Поволжья, представить ее как нечто самостоятельное, обладающее системными качествами). Исторический подход дополняет идея самоорганизации, успешно развитая синергетикой.

Для изучения общего и специфического в быту и убранстве жилища этносов Среднего Поволжья применялся сравнительно-исторический метод, позволяющий раскрыть сущность явлений в процессе их развития и реконструкции внутреннего убранства жилища в исследуемый период (конец XIX – первая половина XX века) путем описания, сопоставления и сравнения.

Результаты исследования

Внутренняя планировка традиционного жилого помещения в Среднем Поволжье конца XIX – первой половины XX веков зависела от трех факторов: расположения печи, переднего угла и направления устья печи. Исследователи выделяют четыре типа внутренней планировки жилого дома: северно-среднерусский, восточный южнорусский, западный южнорусский и западнорусский [6, с. 138]. А поскольку в Среднем Поволжье проживали выходцы из разных областей европейской части России [1, с. 73; 23, с. 163], то в регионе встречаются все вышеперечисленные типы внутренней планировки жилища. С некоторым преобладанием северо-среднерусской планировки [17, л. 11/об, 12/об, 21, 23, 24/об, 40; 18, л. 15/об, 17, 43, 44/об; 19, л. 27, 67, 28, 31–34].

Неизменными считались следующие правила расположения печи: «1) чтобы печь помещалась в углу диагонально противоположном тому, в котором помещаются иконы, а последние чтобы были видны тотчас же, как закроется входная дверь; 2) чтобы печь помещалась у глухой стены. Таким образом, печь помещалась при входе в избу возле той стены, которая выходит не на двор, так как именно эта стена и делается глухой» [21, л. 52].

CC BY

Помимо традиционных русских печей были дополнительные прямоугольные или цилиндрические кирпичные печи-голанки [11, с. 376], они же «подтопки» [19, л. 4/об], с толстыми наружными стенками и хорошо развитым вертикальным дымооборотом, которые клались «… около русской печи, … замыкая чуланную перегородку, которую называют «стойник» [22, л. 8]. Часто роль такой перегородки выполняла занавеска [22, л. 7/об]. В Среднем Поволжье преобладали голанки цилиндрической формы.

Расписывать печь в Среднем Поволжье было не принято. Единственными элементами декора печи являлись припечные доски, закрывавшие устье топки. И то их украшали росписью в основном переселенцы с Верхней Волги и Прикамья [3, с. 62, 151]. Более распространены были чугунные заслонки, с заводским штампованным орнаментом [13, №2807].

Рядом с печью висел рукомойник – глиняный или металлический кувшин. Под ним стояла деревянная, бондарной работы, лохань или корчага для грязной воды и помоев. Позднее появился металлический рукомойник со стержнем, выполняющим роль запирающего клапана. Лохань же стали заменять тазами.

Посуды в избе было немного. Она располагалась в «бабьем» углу у печи на полках вдоль стен [19, л. 3–69; 20, л. 1–31]. В этом углу находилась широкая «стрянущая» [4] судная лавка, идущая от печи вдоль стены. Она располагалась выше других лавок в доме, чтобы удобно было работать стоя, имела внизу полки, закрывающиеся створчатыми или раздвижными дверцами или занавеской или просто доской. Тем самым представляя собой невысокий напольный ящик-шкаф, который служил для хранения посуды и продовольствия [11, с. 613]. Со временем он трансформировался в знакомый нам кухонный стол.

Над судной лавкой крепился посудный шкафчик «разинька», без дверцы, от чего и получил свое название» [22, л. 7/об], а также «ложкарник», на котором висели ложки и черпаки [20, л. 13, 16, 21].

Лавки шли вдоль стен, начиная от входа, и служили для сидения, спанья, хранения различных хозяйственных мелочей. Лавка, находившаяся около печки, называлась кутно́й или «припёком». На нее ставили ведра с водой, горшки, чугунки, укладывали только что выпеченный хлеб. Лавка, которая шла вдоль стены, где расположена дверь, называлась пороговая. Она использовалась женщинами в дополнение кухонному столу. С другой стороны двери устраивалась лавка, называемая «конек» [7, с. 101].

Другим видом мебели была переносная скамья. Скамьи были шире лавок, до 1,4 метров шириною, длиною делались до 3 метров; на одном конце их приделывалось возвышение, называемое приголовником или подголовником. Подголовник мог быть и переносным. На скамьях не только сидели, но и спали.

Обеденный стол был обычно значительных размеров, с соотношением сторон 1:2 и 1:5 [16, №2606], в расчете на большую семью, и, как правило, из дуба.

Практически в каждом доме в центре, недалеко от голанки, висела колыбель – детская люлька (зыбка). Она крепилась к потолку на вставленный в потолочную балку (матицу) шест. Колыбель украшалась росписью, токарными деталями, фигурными вырезами в досках или резьбой [9, КП 15646, 22526, 26162; 25, №100]. Люльки встречались полностью деревянные, выполненные из досок, включая дно (северорусский вариант). Другой вид люлек представлял собой раму из деревянных брусков, к которой крепилось матерчатое или плетеное изо льна, лыка дно (средне- и южнорусский вариант). Такую люльку называли пяльчатой. Для Среднего Поволжья характерен свой оригинальный тип люлек, сочетающий в себе особенности вышеупомянутых вариантов: каркас из досок, выполненный столярным способом и матерчатое дно. Сверху люльку покрывали цветным вышитым покрывалом, старой юбкой или одеялом [16, №1663; 14, КП 5809].

Колыбели имели национальные особенности. Так, например, в мордовских семьях встречалась люлька, представлявшая собой корзину, в которую была положена подушка [20, л. 20]. Встречались колыбели из луба, «наподобие продолговатого лукошка, которое веревкой прикрепляется к гибкому рычагу, вставленному где-нибудь в отверстие над печью», что позволяло использовать гибкость рычага и раскачивать колыбель в вертикальной плоскости [22, л. 9].

Для замеса теста употреблялись деревянные корыта [12, КП-1090; 14, НВ 626] и большие чаны. Также в корытах рубили овощи, и использовали их для мытья белья. Воду носили ведрами, кумганами, корчагами [19, л. 3–69; 20, л. 1–31].

На женской половине около печи располагался деревянный сундук. Сундуки в исследуемый период были обязательной принадлежностью избы. В них хранили одежду, холсты и домашнюю утварь. Сундуки делали большие – до 2 м [16, КП-Д141 №4971; 30, КП 8929, ДМ 173; КП 9901, ДДР 591]. Укрепляли сундуки металлическими деталями, которые одновременно служили и украшениями [16, КП-Д114, №4664/2]. В металлических полосках делали прорезной орнамент. Затейливо украшали ручки, размещенные с боков сундука, личины замков и ключи [31]. Сундуки украшали и внутри геометрическим или растительным узором [16, КП-Д141, №4971].

Нужно сказать, что сундуки получили распространение в регионе только к концу XIX века. До этого их функцию выполняли различной формы лубочные короба [22, л. 10/об]. Например, архаичный предмет национального свадебного ритуала – мордовский свадебный короб цилиндрической формы, выдолбленный из ствола липы, верхняя половина которого оформлялась трехгранновыемчатой резьбой геометрического орнамента с условными изображениями человеческих фигур и орудий труда. Сверху короб покрывала крышка, которая запиралась на чугунную скобу ключом [30, КП 10507, № ДМ 187, КП 10508, № ДМ 188; 8, ДП 537].

Внутренняя же планировка жилища у мордвы была под стать среднерусской «…с тем отличием, что сбоку печи, в стороне шестка [11, с. 650] имелся котел, в котором приготовляли пищу» [24, с. 49]. В летнее время котел выносился на улицу, под навес. У мокши встречалась и южнорусская планировка, при которой печь стояла в дальнем углу избы. Для мордовских изб были характерны полати над дверью. У мокши встречался дощатый настил перед печью [26, с. 150] высотой 25–30 см

CC BY

от пола. Вдоль передней стены устраивались нары для сна, которые застилались войлочными покрывалами. Внутри нар хранилась одежда, украшения, деньги. Полок, в отличие от русского жилища, было мало.

Декоративно-художественное оформление мордовского жилища, как, впрочем, и русского и чувашского, носило ярко выраженный знаковый характер, тесно связанный как с древними языческими верованиями и магическими заклинаниями, так и с семантикой самих внешних границ дома, призванных защитить его обитателей от негативного воздействия внешнего мира. Весьма разработанное в религиозных верованиях мордвы обожествление, как самого жилища, так и его отдельных зон, границ и даже локативов, а также локализация собственно божеств (в общем, она совпадает с локализацией домового в русской избе) [15].

В конце XIX века внутреннее убранство эрзянского жилища «…стало фактически подобным русскому дому, и только мокшанские строения сохраняли ряд архаических черт» [31, с. 7]. Типологически близкие русской избе аналоги консервировали в своем архитектурном облике и внутреннем устройстве некоторые традиционные для мордвы черты. Например, наличие асимметрично расположенного окна на главном фасаде, которое помещалось ближе к одному из углов избы, так как другой угол занимала печь и др.

В чувашском жилище начала XX века «в избах по стенам стоят неподвижные лавки, обыкновенно плотно приделанные к стене, которые заменяют стулья и кровать. Кровать заменяют также полати, устраиваемые над самой дверью в заднем углу. Вообще чуваши очень скупы на мебель. У них мебели, кроме одного стола и одного стула, почти не имеется. В редких домах можно встретить шкафчик с посудой и несколько передвижных скамеек и табуретов; для сиденья служат просто чурбаки, обрубки бревен, небольшие кадушки, пудóвки и даже вёдра. Над лавками выше окон тянутся полки, предназначенные для хранения различных мелких принадлежностей» [10, с. 52–53]. К середине же XX века интерьер чувашского жилища стал сходен с русским.

Жилище татар Среднего Поволжья делилось на две половины – переднюю и заднюю. Их соединяли сени, большей частью не крытые, где проходило домашнее богомолье. В передней половине более или менее зажиточного татарина-мещанина справа от входа в комнату располагалась большая печь [23, с. 149] и при ней котел, в котором варили пищу. На печи обычно стояли два медных, луженых кувшина, один – мужу, другой – жене. Это было связано с конфессиональными запретами умываться из одного кувшина мужу и жене. Справа от печи висел занавес, аналог русского «стойника», за которым обедала хозяйка, когда у хозяина были гости. У печи, как правило, стоял самовар. За печью в углу – большой медный таз для умывания. Далее, направо у стены за занавесом, располагались широкие глухие нары. Нары служили и кроватью, и ларем. Татары традиционно имели много перин и подушек, сшитых на русский манер. Особым уважением считалось посадить гостя на покрытую лавку [23, с. 148]. Сундуки являлись украшением дома и покрывались коврами. В задней избе производились повседневные работы, хранились кое-какие домашние пожитки, и летом здесь спали хозяева [24, с. 168–169].

Обсуждение и заключение

Опираясь на разноплановый материал, можно констатировать, что для композиции внутреннего убранства домов различных этносов Среднего Поволжья была характерна целостность и замкнутость пространства. При неизбежном разнообразии, вызванном притоком переселенцев из различных регионов европейской части России и традициями ими привносившимися, в сочетании с традициями благоустройства жилого пространства проживающего на территории региона коренного населения, наблюдается однотипность внутренней планировки жилища. Она тяготеет к среднерусской, сочетающей в себе расположение печи в углу, у «глухой» стены, диагонально противоположного «красному» углу, в котором помещаются иконы.

Ведущей цветовой гаммой жилища Среднего Поволжья была естественная древесная – золотисто-охристая (стены, деревянная мебель, с хорошо просматривающейся текстурой, посуда, утварь). В обстановке избы не было ни одного лишнего случайного предмета, каждая вещь имела свое строго определенное практическое и семантическое назначение, подкрепленное многовековой традицией.

В обычном рядовом интерьере региона главенствовал горизонтальный ритм мебели: сиденья лавок и скамеек, плоскости полок и полатей. Для сна использовали лавки, скамейки, сундуки с плоской крышкой, полати, встроенные и передвижные кровати – широкие лавки. Национальные черты в жилище Среднего Поволжья были представлены различного рода декором. В основном это резной орнамент, восходящий к истокам древнеславянской и финно-угорской языческой культуры, соединенный с элементами русской городской и помещичьей культуры.

Благодаря сбалансированности утилитарных и символических функций, можно говорить о жилище как о феномене региональной средневолжской культуры, нашедшей проявление в предметно-бытовой среде и устройстве интерьера через взаимопроникновение и взаимодействие национальных культур, различных инонациональных заимствований. И выразившейся в ряде общих черт культуры и быта внутреннего убранства жилища разнородных этнических групп Среднего Поволжья.

Примечание

1) Исторически границы Среднего Поволжья в исследуемый период менялись, как правило, вследствие причин административного характера. В данном контексте понятие «Среднее Поволжье» основывается на сочетании природно-географических, национально-экономических и этно-демографических факторов. Принимая во внимание эти условия, мы относим к Среднему Поволжью территорию, на которой в настоящее время расположены южная часть Республики Чувашия, Республика Татарстан, Республика Мордовия, Самарская, Ульяновская, Пензенская области, а также север Саратовской области.

CC BY

Список литературы

1. Алабин П. В. Двадцатипятилетие Самары, как губернского города: (историко-статистический очерк). – Самара: Издание Самарского статистического комитета, 1877. – 744 с.
2. Байбурин А.К. Жилище в обрядах и представлениях восточных славян. – М.: Наука, 1983. – 191 с.
3. Барадулин В.А. Искусство Прикамья. Народная роспись по дереву. – Пермь: Перм. книжное изд-во, 1987. – 184 с.
4. Беловинский Л.В. Изба и хоромы: Из истории русской повседневности. – М.: Профиздат, 2002. – 352 с.
5. Бломквист Е.Э. Крестьянские постройки русских, украинцев и белорусов (поселения, жилища и хозяйственные строения) // Восточнославянский этнографический сборник. Т. 31. – М.: АН СССР, 1956. – С. 3–458.
6. Бломквист Е.Э. Типы русского крестьянского жилища середины XIX – начала XX в. / Е.Э. Бломквист, О.А. Ганцкая // Русские: Историко-этнографический атлас: Земледелие. Крестьянское жилище. Крестьянская одежда (сер. XIX – начало XX в.). – М.: Наука, 1967. – С. 131–165.
7. Военно-статистическое обозрение Российской империи. Т. 5. Ч. 3: Самарская губерния. – СПб.: Тип. Деп. Ген. Штаба, 1853. – 185 с.
8. ГБУК «Мордовский республиканский музей изобразительных искусств им. С.Д. Эрьзи» (г. Саранск) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://erzia-museum.ru/ru/
9. ГБУК «Самарский областной историко-краеведческий музей (СОИКМ) им. П.В. Алабина» (г. Самара) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.alabin.ru/
10. Говоров А. С. Ивановка: монографическое описание села Екатериновской волости Самарской губернии. – Самара: Тип. Селькредсоюза, 1926. – 98 с.
11. Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка. в 4 т. Т. 1. – СПб.: Изд-во М. О. Вольфа, 1880. – 723 с.
12. МБУК «Димитровградский краеведческий музей» (г. Димитровград, Ульяновская обл.) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://museum.dimitrovgrad.ru/?page_id=59
13. МБУК «Сергиевский историко-краеведческий музей» муниципального района Сергиевский (Самарская обл.) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.muzei163.ru/
14. МБУК г. о. Тольятти «Городской музейный комплекс «Наследие» (экомузей)» (Самарская обл.) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://musnasl.ru/index_pc.html
15. Мокшин Н.Ф. Религиозные верования мордвы. – Саранск: Морд. кн. изд-во, 1998. – 244 с.
16. МБУ «Краеведческий музей г. о. Сызрань» (Самарская обл.). Основной фонд. Научно-вспомогательный фонд.
17. Научный архив ИЭА РАН. Ф. 35. Оп. 1. Д. 509.
18. Научный архив ИЭА РАН. Ф. 35. Оп. 1. Д. 510.
19. Научный архив ИЭА РАН. Ф. 35. Оп. 1. Ед. хр. 2895.
20. Научный архив ИЭА РАН. Ф. 47. Оп. 12. Д. 1012.
21. Научный архив ИЭА РАН. Ф. ОЛЕАЭ. Д. 92.
22. Научный архив ИЭА РАН. Ф. ОЛЕАЭ. Д. 100.
23. Полное собрание ученых путешествий по России 1818–1825 гг. Т. III. Записки Академика И.И. Лепехина. Ч. 1. – СПб.: Императорская Академия Наук, 1821. – 540 с.
24. Рагозин В.И. Волга: в 3 т. Т. 3. От Оки до Камы. – СПб.: Типография К. Ретгер, 1881. – 496 с.
25. Районный Детский музей МУ УКиМП Администрации м. р. Нефтегорский (г. Нефтегорск, Самарская обл.) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.museum.ru/m2963
26. Романова М.Н. Планировка и внутреннее обустройство жилища мордвы республики мордовия и Дальнего востока / М.Н. Романова, Л.Н. Щанкина // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. Ч. 1. – Тамбов, 2011. – №4. – С. 148–152.
27. Салмин А.К. Семантика дома у чувашей. – Чебоксары: ЧГИГН, 1998. – 64 с.
28. Сулейманова Д. Н. Интерьер жилища волго-уральских татар: развитие и этнокультурная специфика: дис. ... канд. ист. наук. – Казань, 2007. – 289 с.
29. Сульдинский М.В. Семантика крестьянского жилища мордвы: Автореф. дис. ... канд. культурологии. – Саранск, 2007. – 20 с.
30. ФГБУК «Всероссийский музей декоративно-прикладного и народного искусства» (ВМДПНИ, г. Москва). [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.vmdpni.ru/
31. Хозяйство и быт русских крестьян. Памятники материальной культуры. Определитель / А.С. Бежкович, С.К. Жегалова, А.А. Лебедева [и др.]. – М.: Советская Россия, 1959. – 254 с.

References

1. Alabin, P. V. (1877). Dvadtsatipiatiletie Samary, kak gubernskogo goroda: (istoriko-statisticheskii ocherk)., 744. Samara: Izdanie Samarskogo statisticheskogo komiteta.
2. Baiburin, A. K. (1983). Zhilishche v obriadakh i predstavleniiakh vostochnykh slavian [Dwelling in rites and representations of Eastern Slavs]., 191. Moscow: Nauka.
3. Baradulin, V. A. (1987). History of Kama area. Folk Wood-Painting., 184. Perm: Perm. knizhnoe izd-vo.
4. Belovinskii, L. V. (2002). Izba i khoromy: Iz istorii russkoi povsednevnosti. Moscow: Profizdat.
5. Blomkvist, E. E. (1956). Krest'ianskie postroiki russkikh, ukraintsev i belorusov (poseleniia, zhilishcha i khoziaistvennye stroeniia) [Peasant buildings of the Russians, Ukrainians, and Belorussians]. Vostochnoslavianskii etnograficheskii sbornik. Vol. 31, 3-458. Moscow: AN SSSR.
6. Blomkvist, E. E., & Gantskaia, O. A. (1967). Tipy russkogo krest'ianskogo zhilishcha serediny XIX. Russkie: Istoriko-etnograficheskii atlas: Zemledelie. Krest'ianckoe zhilishche. Krest'ianskaia odezhda (ser. XIX, nachalo XX v.), 131-165. Moscow: Nauka.

CC BY

7. (1853). Military Statistical Review of the Russian Empire. Vol. 5. Ch. 3: Samarskaia guberniia., 185. St. Peterburg: Tip. Dep. Gen. Shtaba.
8. SBIC "Mordovskii respublikanskii muzei izobrazitel'nykh iskusstv im. S. D. Erzi" (g. Saransk). Retrieved from http://erzia-museum.ru/ru/
9. SBIC "Samarskii oblastnoi istoriko-kraevedcheskii muzei (SOIKM) im. Alabina, P. V.." (g. Samara). Retrieved from http://www.alabin.ru/
10. 1Govorov, A. S. (1926). Ivanovka., 98. Samara: Tip. Sel'kredsoiuza.
11. Dal, V. I. (1880). Tolkovyi slovar' zhivogo velikorusskogo iazyka. in 4 vol. Vol. 1., 723. Saint Petersburg: Izd-vo M. O. Vol'fa.
12. SBIC "Dimitrovgradskii kraevedcheskii muzei" (g. Dimitrovgrad, Ul'ianovskaia obl.). Retrieved from http://museum.dimitrovgrad.ru/?page_id=59
13. SBIC "Sergievskii istoriko-kraevedcheskii muzei" munitsipal'nogo raiona Sergievskii (Samarskaia obl.). Retrieved from http://www.muzei163.ru/
14. SBIC of Togliatti "Gorodskoi muzeinyi kompleks "Nasledie" (ekomuzei)" (Samarskaia obl.). Retrieved from http://musnasl.ru/index_pc.html
15. Mokshin, N. F. (1998). Religioznye verovaniia mordvy., 244. Saransk: Mord. kn. izd-vo.
16. MBI "Kraevedcheskii muzei g. o. Syzran'" (Samarskaia obl.). Osnovnoi fond. Nauchno-vspomogatel'nyi fond.
17. Nauchnyi arkhiv IEA RAN. F. 35. Op. 1. D. 509.
18. Nauchnyi arkhiv IEA RAN. F. 35. Op. 1. D. 510.
19. Nauchnyi arkhiv IEA RAN. F. 35. Op. 1. Ed. khr. 2895.
20. Nauchnyi arkhiv IEA RAN. F. 47. Op. 12. D. 1012.
21. Nauchnyi arkhiv IEA RAN. F. OLEAE. D. 92.
22. Nauchnyi arkhiv IEA RAN. F. OLEAE. D. 100.
23. (1821). Polnoe sobranie uchenykh puteshestvii po Rossii 1818-1825 gg. T. III. Zapiski akademika Lepekhina, I. I. Ch. 1., 540. St. Petersburg: Imperatorskaia Akademiia Nauk.
24. Ragozin, V. I. (1881). Volga., 496. St. Petersburg: Tipografiia K. Retger.
25. Raionnyi Detskii muzei MU UKiMP Administratsii m. r. Neftegorskii (g. Neftegorsk, Samarskaia obl.). Retrieved from http://www.museum.ru/m2963
26. Romanova, M. N., & Shchankina, L. N. (2011). Planirovka i vnutrennee obustroistvo zhilishcha mordvy respubliki mordoviia i Dal'nego vostoka. Istoricheskie, filosofskie, politicheskie i iuridicheskie nauki, kul'turologiia i iskusstvovedenie. Voprosy teorii i praktiki. Ch. 1, 4, 148-152. Tambov.
27. Salmin, A. K. (1998). Semantika doma u chuvashei., 64. Cheboksary: ChGIGN.
28. Suleimanova, D. N. (2007). Inter'er zhilishcha volgo-ural'skikh tatar: razvitie i etnokul'turnaia spetsifika., 289. Kazan'.
29. Sul'dinskii, M. V. (2007). Semantika krest'ianskogo zhilishcha mordvy: Avtoref. dis., 20. Saransk.
30. FSBIC "Vserossiiskii muzei dekorativno-prikladnogo i narodnogo iskusstva" (VMDPNI, g. Moskva). Retrieved from http://www.vmdpni.ru/
31. Bezhkovich, A. S., Zhegalova, S. K., & Lebedeva, A. A. (1959). Khoziaistvo i byt russkikh krest'ian. Pamiatniki material'noi kul'tury. Opredelitel'., 254. Moscow: Sovetskaia Rossiia.

Информация об авторе

Краснощеков Владимир Александрович – канд. ист. наук, ФГБОУ ВО «Поволжский государственный университет сервиса», Тольятти, Российская Федерация

Information about the author

Vladimir A. Krasnoshchyokov – candidate of historical sciences, associate professor of FSBEI of HE "Volga Region State University of Service", Togliatti, Russian Federation

CC BY

Фуд-дизайн и кино в сохранении этнокультуры

DOI 10.31483/r-74950
УДК [745;641]:392.8+778.5

Кукенков В.И.
ФГАОУ ВО «Российский государственный профессионально-педагогический университет», Екатеринбург, Росийская Федерация.
https://orcid.org/0000-0003-3189-5428, e-mail: kvi-dpi@yandex.ru

Резюме: Автор подчеркивает, что исследование фуд-дизайна и кино как составных частей этнической культуры страны рассматривает проблему сохранения и развития традиций и межэтнических связей. С учетом того, что народные традиции имеют особенность развиваться, находятся в постоянном поиске новых решений, появляются новые материалы, технологии и информационные средства, возникла идея объединить потенциал кино и фуд-дизайна в исследовании. Отмечается, что поиск аналогов данной темы не дал положительных результатов.

Целью исследования является теоретическое обоснование для использования различных видов искусств как средств, позволяющих раскрыть возможности и многозначность искусства еды и киноискусства.

На основе изучения различных источников, обнаружено, что тема сохранения этнических культур России является актуальной и новой ввиду необычного соединения искусства еды и кино.

Гипотеза. В статье выдвинуто теоретическое предположение о том, что сохранение и развитие этнических культур страны и межкультурных связей возможно, если при моделировании различных форм и пространств в кинематографе будут использованы наработки и достижения фуд-дизайна как важнейшей части культуры народа.

Результаты. По результатам исследования можно сделать вывод о том, что гипотеза выдвинутого теоретического обоснования имеет исторические подтверждения в трудах таких ученых, как Н.И. Костомаров, А.В. Орловская и В.В. Похлебкин. Опираясь на их опыт и знания, возможны: формирование новых подходов, поиск новых решений и разработка новых форм и пространств с использованием достижений в областях фуд-дизайна, кинематографа и культуры народа.

Ключевые слова: этническая культура, межкультурные взаимосвязи, народные традиции, киноискусство, фуд-дизайн.

Для цитирования: Кукенков В.И. Фуд-дизайн и кино в сохранении этнокультуры // *Этническая культура*. – 2020. – № 2 (3). – С. 20-23. DOI:10.31483/r-74950.

Food Design and Film Art in the Preservation of Ethnic Culture

Valeri I. Kukenkov
FSAEI of HE "Russian State Vocational Pedagogical University", Yekaterinburg, Russian Federation.
https://orcid.org/0000-0003-3189-5428, e-mail: kvi-dpi@yandex.ru

Abstract: The author outlines that the study of food design and film art as part of the country's ethnic culture examines the preservation and development of traditions and interethnic ties. Given that folk traditions have a peculiarity to develop, being in constant search of new solutions, taking into account the emergence of new materials, technologies and information tools, an idea to combine the potential of film art and food design in research has started up. It is noted that the search for analogues of the issue studied has no positive effect.

The purpose of the study is a theoretical justification for the possibility of using different art forms as tools to unlock the possibilities and diversity of the art of food and filmmaking.

Based on the study of various sources, it has been found that the topic of preserving the ethnic cultures of Russia is relevant and new, due to the unusual combination of the art of food and filmmaking.

Hypothesis. It is suggested that the preservation and development of the country's ethnic cultures and intercultural ties is possible if best practices and achievements of food design as an essential part of people's culture will be applied while modelling different forms and spaces in film art.

Results. Based on the results of the study, it can be concluded that the hypothesis put forward has historical evidence in the works of such scientists as: Kostomarov N.I., Orlovskaya A.V. and Pokhlebkin V.V. Based on their experience and knowledge the following is possible: formation of new approaches, serch for new solutions and development of new forms and spaces, using advances in food design, film art and people's culture.

Keywords: ethnic culture, intercultural exchange, folk traditions, film art, food design.

For citation: Kukenkov V.I. (2020). Food Design and Film Art in the Preservation of Ethnic Culture. *Etnicheskaya kultura = Ethnic Culture, 2(3)*, 20-23. (In Russ.) DOI:10.31483/r-74950.

Введение

Для проведения данного исследования послужила проблема, связанная со снижением не только общей культуры общества, но более всего потери самобытных явлений в этнокультуре. Вопрос сохранения национальных традиций в современных условиях стоит остро из-за многих социальных различий. Современное общество, развивая межкультурные взаимосвязи, относится недостаточно внимательно к сохранению существующих культурных традиций и ценностей. Кино как развитая гибридная форма визуального искусства способно расширить возможности межкультурных связей и коммуникаций общества. Для современного кинематографа и фуд-дизайна данное исследование имеет направленность налаживания межкультурных и межнациональных связей, которые формируют новый взгляд на культурное наследие и его сохранение.

Возникший союз фуд-дизайна и киноискусства определил цель исследования как теоретическое обоснование использования различных видов искусств, объединяя их различия и возможности, для получения новых результатов в сохранении и развитии этнических культур. Выдвинутое теоретическое предположение основывается на том, что этническая культура со-

CC BY

хранится и получит развитие в том случае, если будут использованы возможности изобразительных средств в моделировании формы и пространства фуд-дизайна и кино. Используя подобные важнейшие компоненты культуры народа в искусстве кино, древняя и современная история человечества раскрывается не только через межкультурные связи, но также через культуру приготовления еды и ее потребление.

Для реализации цели исследования поставлены следующие задачи:

– изучение существующих аналогов по данной теме;

– формирование новых решений;

– поиск связи кинематографа и искусства приготовления еды с опорой на историю, мифологию, ритуалы, обряды, обычаи, национальные и народные традиции.

В процессе исследования обнаружены взаимосвязи дизайна еды, этнической культуры и кинематографа, которые ранее не рассматривались в таком сочетании до настоящего времени. Труды ученых, рассматривающих влияние фуд-дизайна на формирование и развитие межкультурных взаимосвязей и новых решений в кинематографе, не обнаружены. Учитывая то, что данный вопрос ранее не рассматривался, возникла потребность исследовать это направление, так как искусство еды является основополагающим инструментом развития как древних цивилизаций, так и современного прогрессивно развивающегося общества.

Гипотезой данного исследования является предположение о том, что три вида культур: фуд-дизайн, этнокультура и кинематограф изменят свое развитие в лучшую сторону, если будут предприняты меры к их сотрудничеству, и поскольку каждый из этих видов искусства самодостаточен и, например, кино не только как средство познания всеобщей культуры, но также некая «реконструкция» развития этнокультуры и искусства приготовления еды, взаимосвязан с историей и культурой России. Рассматривая фуд-дизайн и этнокультуры и используя изобразительные возможности кинематографа, возникает новое представление о многогранности развития этих культур.

Методы исследования

Материал данной статьи сформировался, используя следующие теоретические методы исследования:

1) анализ для определения исторического и культурного опыта в кинематографе, фуд-дизайне и этнокультуре;

2) синтез, для объединения компонентов исследования в единую структуру;

3) моделирование объекта, состоящего из нескольких частей;

4) аналоговый метод для сравнения созданной модели с существующими образцами и последующей его доработкой.

Теоретическое обоснование данного исследования опирается на труды Н.И. Костомарова, А.В. Орловской, В.В. Похлебкина, опыт автора и его наблюдения в течение длительного периода работы в кинематографе и преподавательской деятельности. Наиболее значимым методом следует обозначить метод моделирования, так как образца (модели) в готовом виде не существует, а вектор деятельности направлен не только на моделирование пространства, но также на цвет и тональность объектов, имеющие различные форму и объем. Учитывая то, что формирование объекта тесно связано со стилем, соединенным со знаковой системой (семиотикой), и имеет универсальные свойства и характеристики, цвет и тон объекта становятся ключевыми и наиболее значимыми в моделировании пространства. По вопросу цвето-тонального моделирования пространства аналоги не обнаружены и в выборку не включены.

Связующим звеном в культуре разных народов является искусство приготовления еды, вне зависимости от климатических, географических, национальных, религиозных, социальных и политических особенностей стран, учитывая позитивное отношение к искусству приготовления еды, используя национальные традиции в развитии технологий фуд-дизайна.

Кино как уникальное средство межкультурных коммуникаций влияет на взаимодействия и проявления культуры, объединяя между собой архитектуру, изобразительное искусство, фуд-дизайн, ДПИ, искусство костюма, музыку, хореографию и другие виды искусств. При создании кинофильма необходимо углубленное изучение культуры общества, обычаев и нравов, особенностей и традиций приготовления и потребления пищи в существующей системы питания данного народа, учитывая климатические особенности места проживания героя фильма.

Необходимо учитывать то, что существование человека возможно только в комфортной среде обитания, при наличии чистой воды и воздуха, а также еды приготовленной и употребляемой в горячем и холодном виде. Где бы ни находились люди, формируется и развивается система питания. Этому развитию способствуют историческая память, народное искусство, нравы и обычаи, киноискусство, театр, музыка, танцы, средства массовой информации и реклама.

Анализируя историю и традиции народной культуры, формируется некий «срез» знаний о фуд-дизайне, последовательно преобразовываясь и развиваясь посредством метода моделирования формы и пространства объектов в кино, фуд-дизайне и этнокультуре, сохраняются и расширяются возможности межкультурных связей. Моделируя форму и содержание фильма, развивается взаимосвязанная структура как некое сплетение визуальной информации, осью которой является искусство питания, а также здоровый образ жизни и деятельности человека. Использование метода моделирования изобразительного пространства художественных фильмов посредством фуд-дизайна и этнокультуры делает возможными формирование системных взаимосвязей и их углубленное развитие.

Отличительные признаки и особенности культуры России и зарубежных стран проявляются в кино, где современник может исследовать историю кухни во всем ее многообразии: от старины до современного фуд-дизайна. Формирование и развитие искусства питания зависит от влияния и взаимоотношений этнических групп, находящихся в одних климатических

CC BY

условиях, но проживающих в условиях различного комфорта. В суровых климатических условиях Севера люди приспособились за короткое полярное лето заготавливать необходимые объемы рыбы, мяса, ягод, трав и грибов, необходимых для питания. Для людей, ведущих хозяйство в условиях кочевого образа жизни, важно потреблять экологически чистые продукты питания без использования химических веществ, влияющих на качество еды и здоровье человека.

Сравнивая условия проживания в северных районах России, следует отметить, что люди, проживающие в южных районах, способны вырастить, переработать и сохранить большие объемы продуктов питания, которые являются экологически безопасными для потребления. Народы, занимающиеся земледелием, используют зерновые и овощи, из которых готовят соленья, *супы, каши* и *хлебобулочные* изделия. В старину из ржаной, гороховой, и овсяной муки готовили не сладкие кисели, а сладкие (современные) кисели появились позднее с появлением картофельного крахмала [3]. Огромное влияние на использование экологически чистых продуктов, полученных в природной (дикой) среде, в национальной кухне многих народов, проживающих в степной и лесной зонах, преобладают блюда из грибов, рыбы, зерна, овощей, лесных ягод и трав.

В искусстве приготовления еды важное место занимала и занимает рыба: морская, речная и озерная. Кроме ухи, с рыбой готовили щи и рассольник, из нее делали начинку для пирогов, рыбу протирали и варили вместе с крупой («рыбная каша»), готовили блюдо под названием «тельное» – что-то вроде рыбных котлет с мукой, маслом и специями. К боярскому и княжескому столу из Карелии привозили свежую лососину, с Волги – осетра, белорыбицу. Рыбу ели не только в свежем виде, но и соленую, вяленую, копченую, сушеную. Вопреки распространенному мнению, что икра в те времена не была такой уж роскошью, зернистая икра из осетрины и белорыбицы присутствовала только на столе знатных бояр и князей, простые же люди довольствовались паюсной, мешочной и мятой икрой [3]. Употребляли в старину также икру, которая считалась особым лакомством, особенно свежую зернистую из осетра и белорыбицы, не только просоленную, но и варенную в уксусе и маковом (миндальном) молоке. В период поста, несмотря на отсутствие мяса, яиц и молочных продуктов, стол был чрезвычайно богат и разнообразен [1].

На Руси издавна выращивали разные сорта зерновых, капусту, репу, горох, огурцы, редьку. Русские леса были богаты ягодами и грибами, реки и озера – рыбой. Все эти продукты появились на русском столе очень давно и блюда, приготовленные из них, даже во время поста давали людям необходимые питательные вещества. Скоромных дней в году было намного меньше, чем постных. Наверное, поэтому скоромные блюда не отличались особым разнообразием: их готовили достаточно редко и не было необходимости придумывать что-то новое [2]. Учитывая то, что молоко является продуктом животного происхождения, его потребляли весь год только дети. Из качественного молока, как базового продукта, производят сливки, сметану, сливочное масло, простоквашу, творог и сыры.

Национальная кухня славянских народов не забыта, как и сотни лет назад остаются популярными такие продукты, как хлеб, пироги, супы и каши. Современное питание ориентировано на дешевое и быстрое питание, качество продуктов стоит на втором месте, массовое приготовление пищи не ориентировано на национальные признаки и качество русской кухни. В современном обществе четко обозначились такие тенденции в организации питания, как портативные обеды, фаст-фуды, Макдональдс, трансфер-автоматы и др., что привело к стиранию национальных свойств пищи.

В литературе и искусстве вопрос питания как составной части культуры и быта постоянно востребован в работах писателей А.С. Пушкина, П.А. Вяземского, Е.А. Баратынского, Д.И. Фонвизина, И.А. Крылова, А.С. Грибоедова, Н.В. Гоголя, И.С. Тургенева, А.К. Толстого, Л.Н. Толстого, а также в живописи В.Г. Перовым, Г.Г. Мясоедовым, В.М. Максимовым, К.Е. Маковским, П.А. Федотовым, Б.М. Кустодиевым.

Результаты исследования

Так, опираясь на вышеизложенное, следует сделать вывод о том, что данная тема тесно связана не столько с культурой приготовления тех или иных блюд, сколько с художественным и творческим подходом в оформлении пищи, используемым в кино и этнокультуре. Культура оформления блюд имеет не только традиции и исторические корни, но также новаторские «оттенки» и авторские «цвета», тесно связанные с пространством стола и интерьером столовой, где принимают пищу. Рассматривая кино как явление в развитии визуальных искусств, следует отметить, что комплексный подход требует глубокого исследования этнической культуры для использования в кино. Без такого рассмотрения невозможно получение качественного продукта изобразительного и визуального искусства. К сожалению, в современном обществе появилась тенденция не очень аккуратно обращаться с национальными традициями и культурным наследием и сохранением традиций в этнокультуре. Недостаточно широко используются комплексный подход, более углубленное исследование культуры различных этносов и народов, моделирование фуд-дизайна и стилевое решение кинокартин. Дизайнеры, используя какие-либо пластические особенности природных форм в стилевом решении, не всегда удачно их развивают и применяют.

Заключение

Для проверки достоверности тех или иных данных в изобразительном искусстве, кино, дизайне, особенно связанных с цветом, колоритом, гармонией, невозможно использовать какие-либо измерительные приборы или датчики, определяющие красоту и пластику творческого решения в кино, фуд-дизайне и народной культуре. Оценка качества этих объектов имеет в какой-то мере субъективный подход, связанный с ощущениями, интуицией и представлениями, влияющими на формирование и определение качества в области

CC BY

кино, фуд-дизайна и народного творчества. Так в кинофильме, как емком и цельном арт-объекте, возможно формирование нового представления о этнокультуре, благодаря участию фуд-дизайна, который является составной и дополняющей частью фильма, влияет на образное решение фильма.

Опираясь на выдвинутые теоретические предпосылки и обоснования проведенного исследования, можно сделать выводы, о том, что поставленные цель и задачи имеют историческое подтверждение в трудах Н.И. Костомарова, А.В. Орловской и В.В. Похлебкина. Гипотеза выдвинутого теоретического обоснования подтверждает возможное формирование новых подходов и развитие взаимосвязей различных видов деятельности, используя методику моделирования изобразительного пространства художественных фильмов посредством фуд-дизайна и этнокультуры. Опираясь на данный материал, возможны формирование и поиск новых решений в областях фуд-дизайна, кинематографа и культуры народа.

Список литературы

1. Костомаров Н.И. Очерк о домашней жизни и нравов великого русского народа в XVI и XVII столетиях. – Смоленск: Русич, 2011. – 512 с.
2. Орловская А.В. Кухни Северной Европы: Финляндия, Голландия, Норвегия, Швеция, Дания. – СПб.: Невский проспект, 2001. – 160 с.
3. Похлебкин В.В. Из истории русской кулинарной культуры. – М.: Центрполиграф, 2009. – 449 с.

References

1. Kostomarov, N. I. (2011). Essay on the Home Life and Customs of the Great Russian People in the 16th and 17th Centuries., 512. Smolensk: Rusich.
2. Orlovskaia, A. V. (2001). Kukhni Severnoi Evropy: Finliandiia, Gollandiia, Norvegiia, Shvetsiia, Daniia., 160. Saint Petersburg: Nevskii prospekt.
3. Pokhlebkin, V. V. (2009). Iz istorii russkoi kulinarnoi kul'tury., 449. Moscow: Tsentrpoligraf.

Информация об авторе

Кукенков Валерий Игнатьевич – канд. пед. наук, доцент ФГАОУ ВО «Российский государственный профессионально-педагогический университет», Екатеринбург, Российская Федерация

Information about the author

Valeri I. Kukenkov – candidate of pedagogical sciences, associate professor of FSAEI of HE "Russian State Vocational Pedagogical University", Yekaterinburg, Russian Federation

CC BY

Этническая музыкальная культура московских мари (I)

DOI 10.31483/r-75842
УДК 811.511.151

Куцаева М.В.
ФГБУН «Институт языкознания Российской академии наук»,
Москва, Росийская Федерация.
https://orcid.org/0000-0002-0112-2961, e-mail: marina.kutsaeva@iling-ran.ru

Резюме: Статья посвящена вопросу поддержания и сохранения этнической музыкальной культуры марийцев в условиях диаспоры. *Цель статьи:* определить перспективы сохранения этнической музыкальной культуры членов марийской диаспоры в рамках интеграционных процессов в поликультурном пространстве московского региона. *Методы*. Автором статьи было проведено социолингвистическое обследование в марийской диаспоре московского региона; выборка составила 100 респондентов, все они являются уроженцами Республики Марий Эл или мест традиционного компактного расселения марийского этноса, в настоящее время проживают в Москве или в Московской области. Одним из аспектов обследования являлось изучение языковой лояльности респондентов, которая косвенно находит свое воплощение в знании и сохранении этнической музыкальной культуры. Респондентам, в частности, были заданы вопросы о том, на каком языке или языках им доводится слушать или петь песни; какое значение – в условиях проживания вдали от малой родины – имеет для них песня на марийском языке. На основе ответов, полученных в ходе интервью, составлены таблицы.

Результаты. Как показали результаты социолингвистического обследования в марийской диаспоре, подавляющее большинство респондентов (96%) так или иначе слушают (и/или поют) песни на этническом языке, при совершенно различных обстоятельствах и с использованием широкого спектра современных технологий и средств телекоммуникации. Представители диаспоры принимают активное участие в различных культурных и музыкальных мероприятиях, которые проводятся не только в рамках землячества, но и по частной инициативе молодых активистов. Автором *делается вывод о том, что* этническая музыкальная культура, связь с которой члены диаспоры поддерживают как самостоятельно, так и коллективно, несомненно, играет важную роль в сплочении московских марийцев и привлечении все новых членов марийской диаспоры, не позволяя им полностью ассимилироваться в поликультурном пространстве мегаполиса и способствуя сохранению их этнической и культурной идентичности.

Ключевые слова: марийская диаспора, московский регион, этническая культура марийцев, луговые марийцы, горные марийцы, восточные марийцы.

Для цитирования: Куцаева М.В. Этническая музыкальная культура московских мари (I) // *Этническая культура*. – 2020. – № 2 (3). – С. 24-30. DOI:10.31483/r-75842.

Ethnic Musical Culture of Moscow Mari (I)

Marina V. Kutsaeva
FPFIS "Institute of Linguistics of the Russian Academy of Sciences",
Moscow, Russian Federation.
https://orcid.org/0000-0002-0112-2961, e-mail: marina.kutsaeva@iling-ran.ru

Abstract: The article deals with the problem of maintaining and preserving the ethnic musical culture of the Mari people in the conditions of the diaspora. The *purpose of the article* is to determine the prospects for preserving the ethnic musical culture of members of the Mari diaspora in the framework of integration processes in the multicultural Moscow region. *Methods*. The article is based on the data obtained when conducting a sociolinguistic survey in the Mari diaspora of the Moscow region; the selective sampling includes 100 respondents, all of them are natives of the Republic of Mari El or places of traditional compact settlement of the Mari ethnic group, currently living in Moscow or in the Moscow region. One of the aspects of the survey was to study the respondents' language loyalty, which indirectly manifests itself in in the knowledge and observance of ethnic musical culture. In particular, the respondents were asked questions about the language or languages in which they are likely to sing or listen to songs, about the value and significance of Mari songs in their lives. Based on their answers, tables, reflecting the results, were drawn.

Results. According to the results of the sociolinguistic survey in the Mari diaspora, a vast majority of the respondents (96%) listen to (and/or sing) songs in their ethnic language one way or another, under completely different circumstances and using a wide range of modern technologies and telecommunications. The representatives of the Mari Diaspora take an active part in various cultural and musical events, which are held not only within the framework of the ethnic Mari community in Moscow, but also on the private initiative of young Mari activists. *The author concludes that* the ethnic musical culture, which the members of the Diaspora maintain both independently and in groups, undoubtedly plays an important role in uniting the Moscow Mari people and attracting new members of the Mari Diaspora, it slows down assimilation processes and contributes to the preservation of their ethnic and cultural identity.

Keywords: Mari diaspora, Moscow Region, Mari ethnic culture, Meadow Mari, Hill Mari, Eastern Mari.

For citation: Kutsaeva M.V. (2020). Ethnic Musical Culture of Moscow Mari (I). *Etnicheskaya kultura = Ethnic Culture, 2(3)*, 24-30. (In Russ.) DOI:10.31483/r-75842.

1. Введение

1.1. Величина этнической группы. В Российской Федерации, согласно данным переписи 2010 года, насчитывается 547605 марийцев, из них 290863 проживают в Республике Марий Эл и составляют 41,8% от населения республики. Остальные марийцы (46,9% от всего марийского населения РФ) проживают как компактно (в Башкортостане, Татарстане, Удмуртии, Кировской, Свердловской, Нижегородской областях, Пермском крае), так и дисперсно во многих регионах страны, в том числе и в московском [3].

CC BY

1.2. Диаспора и диаспоризация. Диаспора представляет собой совокупность лиц определенной этнической принадлежности, проживающую за пределами основного традиционного места расселения этого народа (в том числе в рамках многонационального государства), объединенную общим этническим самосознанием и, как правило, сохраняющую свой этнический язык в качестве одного из средств общения [13, с. 57].

Марийцы отличаются сильной диаспоризацией (см. п. 1.1.), образуя мощную внутреннюю диаспору на территории Российской Федерации. Они занимают второе место среди всех финно-угорских народов РФ после мордвы по количеству марийцев, проживающих за пределами своей исторической родины [8, с. 746].

В ситуации смены ценностных координат в условиях глобализации и свойственных этому процессу стиранию границ, информатизации жизненного пространства, интенсификации экономической деятельности, люди, лишенные необходимой жизненной опоры, находят ее в своей этнической или религиозной принадлежности, ведь именно через эти локусы традиции легче всего универсализировать. Таким образом, в поисках моральной, религиозной, культурной опоры человек обращается к своим этническим, религиозным корням и включается в соответствующую группу, какой может быть диаспора. То есть диаспора – востребованная на данном этапе исторического развития форма социальной адаптации [15, с. 288].

С точки зрения акад. В.А. Тишкова, диаспора – это культурно-отличительная общность на основе представления об общей родине и выстраиваемых на этой основе коллективной связи, групповой солидарности и демонстрируемого отношения к родине. Диаспора – это стиль жизненного поведения, а не жесткая демографическая и тем более этническая реальность. Данный феномен не есть статистико-демографические или этнокультурные группы, а прежде всего – конкретные ситуации и стиль поведения части сообществ, действующих от имени данных социальных коалиций. Отмечается крайне подвижный характер диаспоры, способной как пребывать в пассивном состоянии, так и быть подверженной при определенных обстоятельствах быстрой мобилизации [14, с. 444–445]. Имеются в виду прежде всего лидеры и активисты диаспоры, которые при условии того, что они будут действовать успешно, смогут внушить чувство ностальгии по родине даже людям, никогда там не жившим (например, собственным детям, то есть представителям второго поколения диаспоры); им удастся «противостоять напору полной ассимиляции, и члены идентификационной группы будут культивировать культурные знания, имена, передавать свой язык из поколения в поколение и память о принадлежности их предков» (Лейтин, цит. по: [5, с. 29]).

В итоге, мы уходим от таких идеологем, как «утрата», «изгнание», связанных с традиционным представлением о «диаспоре», и понятие диаспоры больше отражает конструктивные жизненные стратегии успешной адаптации [14, с. 466].

Как показали результаты обследования, проведенного автором статьи в марийской диаспоре московского региона, одной из таких стратегий и форм социальной адаптации этнической группы в условиях ее диаспорного проживания является поддержание и продвижение этнической музыкальной культуры.

2. Методы

Социолингвистическое обследование проводилось автором в марийской диаспоре московского региона в декабре 2019 – мае 2020 гг. По данным переписи населения 2010 г., численность марийцев в Москве и Московской области составила 4655 человек [3].

Выборка составила 100 человек, все респонденты принадлежат первому поколению марийской диаспоры: они являются уроженцами Республики Марий Эл, а также мест компактного проживания марийского этноса (Республика Башкортостан, Татарстан, Кировская и Свердловская обл.), переехавшими по разным (экономическим, личным, профессиональным и иным) причинам в московский регион. Все респонденты идентифицируют себя в качестве этнических марийцев (см. таблицу 1).

Таблица 1

Table 1

Место рождения респондента	Доля респондентов, в %
РМЭ, один из районов распространения лугового марийского	58
РМЭ, Горномарийский район, район распространения горномарийского	13
Республика Башкортостан	18
Республика Татарстан	3
Кировская область	5
Свердловская область	2
Районы дисперсного расселения марийцев	1

В социолингвистическом обследовании респондентам, представителям марийской диаспоры, проживающим в московском регионе, в отрыве от основного ареала проживания марийцев, были заданы вопросы в том числе и относительно поддержания и сохранения этнической музыкальной культуры.

В ходе обследования автором использовался комплекс следующих методов: непосредственное наблюдение, включенное наблюдение, структурированное интервью респондентов, документальная фиксация ответов, статистический анализ данных (подробнее о социолингвистических методах см [1, с. 201–246]).

3. Результаты и обсуждение

3.1. Приверженность этнической музыкальной культуре

Результаты опроса показали, что большинство респондентов в выборке так или иначе слушают (поют) песни в том числе на марийском языке (см. таблицу 2).

Как видим, подавляющее большинство респондентов (96%) так или иначе слушают (и/или поют) песни на этническом языке.

CC BY

Таблица 2

Table 2

Языки	Доля респондентов, в %
Русский и марийский	75
Русский, марийский, иностранный	19
Русский, иностранный	4
Русский, татарский, марийский	2

Степень интенсивности, с которой опрошенные поддерживают связь с этнической музыкальной культурой, однако, разная: одни, по их признанию, почти всегда слушают песни на марийском, другие – часто, третьим доводится это делать крайне редко. *«Конечно, на марийском! Это вот у меня так заложено, и я всегда на марийском»* (О. М., 35). *«В данный момент я если слушаю, то марийские слушаю большинство. Ну просто нравится. Вот и все!»* (А. М, 44). «*Больше на русском. На марийском – на втором месте, получается»* (В. Ш., 69). *«На русском, конечно, чаще. Наверное, процентов 80 – русский, а 20 – на марийском»* (Е. К., 25).

Для ряда респондентов соприкосновение с марийской музыкальной культурой происходит главным образом на малой родине: *«Ой, ну если я в деревне, я могу по-марийски петь. А здесь в основном по-русски»* (О. М., 36), *«Я меломан, я все подряд слушаю. Русский да зарубежные, марийские – редко. Обычно дома, там, в Москве-то я почти не слушаю марийский»* (Р. А., 25). Некоторые опрошенные отметили, что марийские песни заняли место в их жизни именно в последнее время: *«Я больше слушаю в последнее время на марийском языке. Два года последние, наверное. Потому что тянет на малую родину! Скорее всего с этим связываю»* (О. П., 27).

3.2. Эмоциональная сфера

Песня, как отмечается исследователями, издавна была самым любимым и популярным жанром марийского фольклора. Она сопровождала человека в течение всей его жизни, от рождения до смерти, звучала как во время работы, так и на отдыхе, в ходе обрядов и праздников. С ее помощью передавались мысли, чувства и переживания человека, песня служила своеобразной эмоциональной разрядкой в моменты радости и душевных невзгод. «Песня – душа народа», «С песней легче живется» – так говорится о песне в марийских пословицах. В ней отражаются представления мари об окружающем мире, настроение и взгляды на жизнь» [11, с. 5–6]. Кажется, и ныне марийцы сохраняют особое отношение к этнической песне. Приведем лишь некоторые цитаты.

«Слушаю, мне очень нравится. Во-первых, сам язык марийский, он очень такой мягкий, мелодичный! Песни, мелодии очень мне на сердце ложатся» (А. С., 50). *«Мне нравится иногда музыка, мне нравится иногда песня и слова. Слова, которые ... ну больше нигде не сказаны так!»* (А. Т., 51).

«А когда послушаешь, какая-то наполненность, как-то весело, в них есть именно кодировка энергетическая» (Т. К., 32). *«У марийцев никогда грустного не бывает, в основном все веселое. Мы люди позитивные, не упаднический народ, мы – трудоголики, песни поем, гуляем, отдыхаем и работаем!»* (И. К., 35). *«Песни в основном марийские – где живут, о том и поют. Если про ту местность, где я жил, те песни, естественно, акцентированно более слушаешь»* (Ю. М., 60). *«Эти песни – они логически очень верно построены как раз-таки. Там берется две строчки из природы. Две строчки из жизни человека. И они вот сопоставляются и сравниваются. Проводится параллель, по сути. Именно эта схема мне очень нравится. По сути, марийцы увидели какую-то параллель с природой связанную и – уже поют»* (А. Ш, 29)[1].

«Вот эта тяга к песне – это у нас это внутри» (Е. К., 33). *«Все эти песни – это все равно в крови там, в подсознании лежит. И как бы выдавать даже танцы на марийском – для меня как раздва!»* (М. С., 31). *«У нас настолько народ творческий, настолько он любит праздники! Поэтому на всех посиделках, свадьбах, у нас всегда это все на национальном языке, и все песни, которые бабушка мне пела в детстве, сидя около печки, либо летом где-то на лужайке мы гуляли, либо где-то на праздниках каких-то опять же, все это мне близко»* (К. М., 41).

«Марийцы – они такие, все творческие. С кем ни встретишься, этот умет петь, этот умеет танцевать. Этот играет на каком-то музыкальном инструменте» (А. Б., 47). *«А в целом у нас народ музыкальный! Вот недавно в 2014 году марийцы, которые в Москве проживают – и луговые, и башкирские, и диаспора, проживающая в Петербурге. Мы отсюда поехали на четвертый международный конкурс-фестиваль. «Под небом Парижа» – называется фестиваль. Гран-при взяли, как раз марийская наша диаспора. Мы вот так вот собрались на один автобус, и до Парижа так и ехали. Интересная поездка, конечно, была! У нас же еще народ какой! Я тогда еще инструмент с собой вез, а они глаза открывают и давай песни петь! «Давай, – говорят, – играй!» Я им: «Да вы глаза сначала протрите, потом начинайте петь!»* (А. Е., 60).

Обстоятельства, при которых московские мари имеют возможность послушать или спеть песни на марийском, чрезвычайно разнообразны: дома во время отдыха или уборки; по дороге на работу, в спортзал или в кафе; находясь в пути в машине; собираясь с друзьями и родственниками по праздникам или на застольях, наедине в выходной день; на природе – в лесу или на даче; проводя мелкий ремонт в квартире. Порой встреча с песней на марийском происходит совершенно случайно, когда кто-то в компании включил этническую музыку, иногда – намеренно, когда респондент повинуется собственному порыву (*«Ну, то есть это такой редкий порыв. Просто ходишь-ходишь и думаешь: «А дай-ка послушаю!»* (В. Е., 27) или готовится к встрече с малой родиной (*«Вот едешь, например, домой, ну взял загрузил себе пару песен и послушал. Ну то есть, когда на родину едешь. Как бы настраиваешься»* (К. Т., 36).

Подавляющее большинство опрошенных подчеркнули, что, благодаря использованию современных технологий и средств телекоммуникации, они не испытывают сложностей с тем, чтобы найти подходящие песни для прослушивания. *«Были диски, раньше поку-*

CC BY

пал, а сейчас в телефоне – папка с песнями» (А. Б., 47). *«Я вот постоянно сейчас сижу в интернете. И вот в контакте, в одноклассниках, на таких сайтах марийских»* (И. Е., 53). *«Мне проще всего в контакте слушать. Потому что проще всего там найти и на флешку перекачать»* (М. Е., 31). *«Марийские песни – ну, некоторые есть, да. Кое-что я из детства помню, но в основном по ютубу: разные клипы там есть. Если интересно, пересылаем друг другу. Делимся!»* (А. П., 52). *«Я вообще люблю смотреть марийские песни на ютубе. В основном. Телевизор большой у нас есть. И вот сижу на сайте, захаживаю. Там еще у нас в деревне ансамбль есть, вот их смотрим. Все марийское смотрим. Все это мы видим, что там происходит»* (Ю. Л., 56). Один из респондентов подчеркнул, что ему нравится самому записывать на диктофон песни, когда идет живое исполнение в деревне на малой родине, и потом прослушивать записи в Москве. Другой респондент признался, что предпочитает иногда слушать именно песни своей матери, записанные на диск.

Респондентам был также задан вопрос, в каком настроении они пребывают, когда им доводится слушать песни на марийском. Результаты приводятся в таблице 3.

Как выяснилось, в большей мере респонденты в выборке при прослушивании или исполнении песни на марийском склонны испытывать грусть, тоску, ностальгию (41%). *«Вы знаете, есть такие песни марийские, которые мама пела. Если такие, то слезы бегут, когда пою»* (В. П., 60). *«Больше, наверное, настроение такое ностальгическое, детское. Как вот в детстве. Ну а мы на моей даче – пять человек марийцев соберемся и поем марийские песни. Такие, которые мы раньше пели»* (А. К., 60).

Таблица 3

Table 3

Настроение или чувство, с которым респондент слушает (или поет) песню на марийском	Доля респондентов, в %
Ностальгия, грусть и тоска	41
Разное	39,5
Веселье и радость	15,5
Успокоение, расслабление	5

В 39,5% случаев в выборке московские мари слушают или поют песни в различном настроении: *«И в грусти, и в радости»* (И. К., 29). *«Под настроение. Когда споешь? Ну, когда поругаешься – тогда тоже споешь. Когда душа поет – тогда поешь. Когда не поет, значит, не будешь петь. В лес я когда иду, так у меня душа там поет!»* (З. Е., 65). *«Когда грустно, марийское поешь. Когда весело – веселую марийскую песню поешь»* (Н. Щ., 56).

14,5% респондентов полагают, что в такие моменты у них скорее веселое, приподнятое настроение. *«А марийские – ну просто вот захочется, настроение такое – веселое. Мне надо песню с изюминкой, чтобы можно было потопать, похлопать. Ну, настроение поднять»* (С. Б., 53). *«С марийской песней веселимся, конечно, больше»* (В. Б., 43). 5% респондентов слушают марийские песни для успокоения и умиротворения: *«Когда хочется расслабиться, я, бывает, сейчас же интернет есть, тогда я марийские песни слушаю»* (Л. А., 57). *«Настроение – возможно, успокоение. Просто умиротворение, наверное»* (Е. М., 30).

Кроме того, в ходе опроса, респонденты уточняли, какие этнические песни они предпочитают слушать – старинные или современные (см. таблица 4).

Более половины опрошенных в выборке (54%) слушают и старинные, и современные марийские песни. *«Современные я больше, наверное, слушаю. Но, кстати, и старинные люблю слушать. Потому что старинные, получается, когда я маленькая была, эти старинные песни – я выросла в них и слова знаю»* (С. А., 38). *«Просто есть старинные песни, которые тебе просто нравятся, они из детства идут, ты слышал их постоянно. А есть новинки, которые также популярны в Марий Эл. Я не то чтобы отслеживаю, что популярно, но я знаю, что популярно сейчас, потому что есть знакомые, которые могут сказать, что вот этот певец у нас сейчас популярен. Рекомендуют мне»* (Е. М., 22).

Таблица 4

Table 4

Песни на марийском	Доля респондентов в выборке, в %
Старинные и современные	54
Старинные («старые», народные)	25
Современные	21

25% предпочитают старинные, 21% – исключительно современные песни. Приведем причины, по которым респонденты предпочитают «старинные» марийские песни. *«Старинные песни. Современные мне не очень нравятся, а старинные берут за душу. Современные – здесь, наверное, нужно отметить. Бум-бум мне не нужен. Марийские песни более певучие. Мне нравится мелодия что ли, гармошка. Это мелодичные песни. А вот современные – я даже не слышу слов, о чем они поют. Это преобладание шума. И он заглушает смысл»* (З. А., 44). *«Песни – старинные. Мне больше старые нравятся. Ну, современная музыка – а чем она, допустим, отличается, от русской? Там музыка, просто пентатоника[2] разная и все! Чуть-чуть. Вся аранжировка-то почти вся одинаковая»* (П. К., 35).

Некоторые респонденты объяснили, почему они склонны слушать современные марийские песни. *«Современные песни слушаем. Старинные – уж очень грустные! Старинные – в основном, такие вот… протяжные, про долю несчастную. В основном!»* (И. С., 48). *«Мало слушаю старинных марийских песен, потому что репертуар у марийцев в основном такой жалостливый, такой вот… о доле такой тяжелой, грубо говоря. Нет, современные-то они нормальные. Вот у меня, например, муж поет»* (М. Ф., 30).

Как видим, респонденты в выборке охотно рассказывали в ходе интервью, о чем, на их взгляд, чаще всего поется в песнях, которые они слушают. Результаты приводятся в таблице 5. В графах таблицы приводится количество ответов. Как правило, респонденты указывали несколько вариантов.

CC BY

Таблица 5

Table 5

Тематика песен	Количество ответов
О любви, об отношениях	39
О жизни	36
Частушки; позитивные, веселые песни	27
Разные	19
О природе	7
О родном крае	6
О матерях, о родителях	5
О родине, о единении народа мари	5
Обрядовые песни: свадьба, проводы в армию, гостевые песни	3

По мнению респондентов, большинство марийских песен, в конечном счете, – о любви и о жизни[3], философского содержания[4].

«О чем – ну, разные. Допустим, про жизнь. Про тяжелую жизнь раньше пели, потом есть у нас свадебные песни отдельно. Свадебные частушки. Отдельно есть еще – вот провожали в армию, тоже такие песни пели раньше. На концертах выступают также. Еще про любовь поют, ясное дело! Любовь – ну как у всех людей, разница-то в чем! Люди-то по-разному любить могут что ли? У кого какое сердце!» (З. Е., 65). *«Вот в современных песнях чаще о любви или о чем-то веселом. А вот в старинных, как мне кажется, там раньше больше про жизнь, про маму, про папу, про семью, то есть больше такие именно песни. Ну есть такие песни, которые больше про влюбленные парочки. Они больше со смыслом были. А сейчас они больше… подвижные, наверное»* (Е. М., 22). *«Если про старинные, обычно они такие праздничные. Это я слушаю. Как гостей встречают, как приветствуют. Что-нибудь про праздник обычно. Современные песни – для меня важно, чтобы песня несла смысл какой-то. Тоже веселые песни современные слушаю, это уже про любовь»* (М. К., 28). *«Все песни по всему миру, за исключением абсолютно ура-патриотического, они все о любви. О любви к родине, к родной земле, к ближнему. И тому подобному. Любую патриотичную возьмите, в конечном счете – это о любви к родине. Есть такое условное подразделение, там. песни о труде, о то, о том. Но в конечном счете это все – о любви. Потому что песня без любви не рождается»* (В. Н., 67).

96 респондентам в выборке, которые слушают песни на марийском, был задан вопрос о том, понимают ли они все слова в песне. Подавляющее большинство опрошенных (74%) ответили утвердительно, 21% сделали это с некоторыми оговорками («понимаю, но не все»), и лишь 5% признались, что почти совсем ничего не понимают (см. таблицу 6).

Таблица 6

Table 6

Да, понимаю	Понимаю, но не все слова	Мало понимаю, не понимаю совсем
74%	21%	5

Следует отметить, что к последней категории (5%) принадлежат респонденты, уроженцы городской среды не только Марий Эл, но и мест компактного проживания мари за пределами республики, которые, хотя и не владеют этническим языком, тем не менее ощущают некоторую связь с песней на этом языке (*«Когда гости собираются, в деревне или даже в Йошкар-Оле, тогда очень весело под баян чего-нибудь, даже не понимая, подпевать»* (В. С., 41).

Ряду респондентов (21% в выборке) незнакомое звучание некоторых слов не мешает глобально постигать смысл песни. *«Слова не все понимаю. Практически все понимаю, ну и пару слов могу не понять. Но в голове уже понимаю, о чем там в песне поется»* (Н. Б., 30). *«Не все слова понимаю, нас в школе так учили, а здесь… по-другому слова говорят некоторые»* (З. И., 64).

Одна из вероятных причин трудностей в восприятии с лингвистической точки зрения кроется, как представляется, в том, что марийский этнос подразделяется на три основных субэтнических группы: горные, луговые, восточные [12, с. 229], диалекты, выделяемые внутри марийского языка (луговое, восточное, горное и северо-западное), несмотря на многие общие места, все же имеют некоторые свои особенности, в том числе и лексические расхождения [4, с. 274; 6, с. 277].

Большинство респондентов в выборке (74%), однако, по их признанию, вообще не испытывает сложностей в восприятии песни на этническом языке. Действительно, все они в основном активно владеют марийским языком, но и во второй категории опрошенных (21%) таковых было немало.

Стремление уяснить для себя суть проблемы побудило автора статьи задать респондентам дополнительный вопрос, а именно: «Песни каких субэтнических групп мари вы предпочитаете слушать?» (см. таблицу 7).

Таблица 7

Table 7

Слушаю скорее (только) «своих»	Слушаю разные
55%	45%

Более половины респондентов (55%) отдают предпочтение «своим» (в их терминологии) песням. Приведем некоторые цитаты, в которых раскрываются причины предпочтения респондентами песен именно (скорее/только) своей субэтнической группы. *«Слушаю песни луговых. У них же, горных, язык-то чуть-чуть другой, мне их культура не так близка. Мне-то своя культура, луговая, более близка! По душе. Вот»* (Л. А., 57). *«Мне очень нравится горномарийские песни слушать. Особенно здесь, вдали от родины в Москве. Я же говорю, только горномарийские песни слушаю. Там вот не так было. А здесь, видимо, тоска ощущается»* (Н. Н., 52). *«Слушаю в основном песни луговых мари, потому что этот язык мне более близок и понятен»* (В. К., 37). *«Они с луговыми отличаются. Сразу чувствуется, где наша и как-то это. Но вот в современных, конечно, уже все переплелось. А раньше очень отличались в моей молодости. Конечно, пентатоника – и там, и там. Но чисто роднее, конечно, горномарийские. Но есть тоже*

CC BY

очень хорошие на луговом. И мелодичные есть. Есть хорошие, и там, и там» (Н. Б., 58).

Как видим, в основном именно луговые и горные мари в выборке отдают предпочтение «своим» песням[5].

Подавляющее большинство внереспубликанских мари, по их словам, слушают «разные» песни. *«Слушаю всех. У горных люблю игру на гуслях, очень нравится»* (Г. И., 61). *«Я слушаю все, мне без разницы»* (А. П., 52). Часть луговых мари в выборке также любит слушать разные песни. *«На марийском слова понимаю полностью. Ну есть некоторые слова, которые не наши исполняют, не луговые, а с Башкирии марийцы. У башкирских мелодичность такая же, а слова отличаются. У горных язык мягче считается, если быстро говорить, я их не буду понимать. Но есть и горные песни, интересные песни по звучанию, слушаю некоторые»* (И. Г., 28).

Об использовании этнической песни в досуговой, профессиональной и семейно-бытовой сферах в марийской диаспоре московского региона будет подробно рассказано во второй части данной работы.

Примечания

[1)] На безусловное господство формообразовательных законов лирической песенности в марийской культуре указывает, в частности, М.Г. Кондратьев. В поэзии марийской культуры, наряду с некоторыми другими культурами Волго-Уральского региона, большое место занимает – а в определенных пластах доминирует – краткосюжетная образно-параллелелистическая композиция [7, с. 84].

[2)] Ладовой основой марийской народной песни является пентатоника – звуковая система, основанная на пятиступенном ладовом звукоряде [9, с. 346].

[3)] Подробнее о тематике музыкального фольклора, о развитии профессиональной музыкальной культуры марийцев см.: [9].

[4)] *«Скорее это старинные, которые любил отец, отец у меня тоже играл на гармошке, мама пела, и вот эти песни скорее я повторяю. Но они сами приходят. В частности, мне сразу приходит в голову, допустим, одна песня. Просит отца молодой человек, сын купить ему пальто, ну такое… чтобы он вот вышел в клуб после работы и так сказать… его полюбила та девушка, которая ему по нраву, по душе. В частности, могу даже пересказать и по-марийски, и по-русски. Он говорит: «Ну вот, я уже много пахал, много сажал, работал на поле. И мне бы теперь пора уже приобрести новое пальтишко, выйти в клуб вечером и сплясать, и спеть перед любимой девушки». У отца просит. В конце концов приобрели пальто, суконное, или какое там раньше было? Просто, пальто, короче. И вот он выходит, а та девушка вышла замуж. Ну, как оно обычно и бывает! И получается, что пальто-то зря приобрели, и теперь ни перед кем показываться. И ни перед кем попеть-то. Она же вышла замуж и улетела. А отец ему и говорит: «Ну и ладно, что же теперь! Значит, вышла-так вышла. А ведь самое главное – чтобы хлеб у нас вырос осенью, чтобы, так сказать, семья была сыта. И если мы будем сыты, обуты и одеты, собственно, встретится еще другая любовь, которая тебе по душе, которая свыше послана тебе». Ну вот такая мне сразу песня в голову пришла! В том-то и дело, что песня эта философская. Это очень старинная песня. Эту песню пел моей родной тети муж, они жили в Забелье. Там тоже марийские поселения есть. Это Калтасинский район. И песня эта, которую мы поем, может быть, даже у его отца, у его дедушки даже, может в 1917, в 1920 году пелась. Лет сто, я думаю, ей есть».* (В. Ш., 58).

[5)] В марийском народном творчестве выделяются три крупных музыкальных диалекта, соответствующих трем этнографическим группам марийцев: луговые, горные и восточные. Кроме того, внутри луговых мари можно выделить четыре подгруппы, имеющие свои специфические музыкальные особенности. Различия в песенной культуре между этими музыкальными диалектами заключаются в жанровом составе песен, особенностях музыкального стиля (лад, мелодика, ритмика, форма). Для различных диалектных групп мари характерны свои типы звукорядов, так называемые «этнопентатоники», которые различаются по распределению ладовых опор, составу попевочных формул. Кроме того, песни восточных мари, испытавших тюркское влияние, отличаются от мелодий луговых и горных мари [9, с. 346].

Подробнее о песенной культуре различных этнографических групп мари см., например: [2; 10].

Список литературы

1. Беликов В.И. Социолингвистика: учебник для бакалавриата и магистратуры / В.И. Беликов, Л.П. Крысин. – 2-е изд., перераб. и доп. – М.: Юрайт, 2016. – 337 с.
2. Белогурова Л. М. Лирические песни горных мари: искусство транспозиции / Л.М. Белогурова, А.Н. Смирнова // Вопросы этномузыкознания. – 2015. – №3. – С. 90–111.
3. Всероссийская перепись населения 2010 года [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.gks.ru/free_doc/new_site/perepis2010/croc/perepis_itogi1612-tom9.htm (дата обращения: 25.05.2020).
4. Грачева Ф.Т. Марийский горный язык // Языки Российской Федерации и соседних государств. Т. 2. – М.: Наука, 2001. – С. 266–274.
5. Иванов В.П. Этническая география чувашского народа: историческая динамика численности и региональные особенности расселения. – Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 2005. – 383 с.
6. Коведяева Е.В. Марийский лугововосточный язык / Е.В. Коведяева, И.А. Николаева // Языки Российской Федерации и соседних государств. – М.: Наука, 2001. – Т. 2. – С. 274–283.
7. Кондратьев М.Г. Чувашская народная музыкально-поэтическая система как региональный феномен // Историческая этнология. – 2017. – Т. 2, №1. – С. 80–94.
8. Кондрашкина Е.А. Языковая ситуация в Республике Марий Эл // Язык и общество: энцикл. – М.: Азбуковник, 2016. – С. 746–752.

CC BY

9. Марийцы: ист.-этногр. очерки. – 2-е изд, доп. – Йошкар-Ола: МарНИИЯЛИ, 2013. – 482 с.
10. Мушкина Н. В. К вопросу о генезисе «сернурского звукоряда» // Развитие гуманитарных исследований в Республике Марий Эл. – Йошкар-Ола, 2011. – С. 178–184.
11. Песни луговых мари. Ч. 1: Обрядовые песни / сост. Н.В. Мушкина. – Йошкар-Ола, 2011. – 592 с.
12. Петров В.Н. Марийцы // Народы России. – М., 1994. – С. 229–231.
13. Словарь социолингвистических терминов. – М., 2006. – 312 с.
14. Тишков В.А. Реквием по этносу: исследования по социально-культурной антропологии. – М.: Наука, 2003. – 543 с.
15. Фоканов Ю. В. Диаспора: к вопросу о концептуализации понятия в условиях глобализации // Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена. – 2008 – №60. – С. 284–289.

References

1. Belikov, V. I., & Krysin, L. P. (2016). Sotsiolingvistika [Sociolinguistics]., 337. Moscow: Iurait.
2. Belogurova, L. M., & Smirnova, A. N. (2015). Liricheskie pesni gornykh mari: iskusstvo transpozitsii. Voprosy etnomuzykoznaniia, 3, 90-111.
3. Vserossiiskaia perepis' naseleniia 2010 goda. Retrieved from https://www.gks.ru/free_doc/new_site/perepis2010/croc/perepis_itogi1612-tom9.htm
4. Gracheva, F. T. (2001). Mariiskii gornyi iazyk. Iazyki Rossiiskoi Federatsii i sosednikh gosudarstv. T. 2, 266-274. Moscow: Nauka.
5. Ivanov, V. P. (2005). Ethnic geography of Chuvash people. Historical dynamics of population and regional peculiarities of settlement., 383. Cheboksary: Chuvash. kn. izd-vo.
6. Kovediaeva, E. V., & Nikolaeva, I. A. (2001). Mariiskii lugovovostochnyi iazyk. Iazyki Rossiiskoi Federatsii i sosednikh gosudarstv, 2, 274-283. Moscow: Nauka.
7. Kondrat'ev, M. G. (2017). Chuvash people's musical and poetic system as a regional phenomenon. Historical Ethnology, vol. 2, 1, 80-94.
8. Kondrashkina, E. A. (2016). Iazykovaia situatsiia v Respublike Marii El [Language Situation in the Republic of Mari El]. Language and Society. Encyclopedia, 746- 752. Moscow: Azbukovnik.
9. (2013). Mariitsy., 482. Ioshkar-Ola: MarNIIIaLI.
10. Mushkina, N. V. (2011). K voprosu o genezise "sernurskogo zvukoriada". Razvitie gumanitarnykh issledovanii v Respublike Marii El, 178-184. Ioshkar-Ola.
11. (2011). Pesni lugovykh mari. Ch. 1: Obriadovye pesni., 592. Mushkina, N. V. (eds.). Ioshkar-Ola.
12. Petrov, V. N. (1994). Mariitsy. Narody Rossii, 229-231. Moscow.
13. (2006). Slovar' sotsiolingvisticheskikh terminov., 312. M.
14. Tishkov, V. A. (2003). Requiem for Ethnos. Socio-cultural Anthropology research., 543. Moscow: Nauka.
15. Fokanov, Iu. V. (2008). Diaspora: k voprosu o kontseptualizatsii poniatiia v usloviiakh globalizatsii. Izvestia: Herzen University Journal of Humanities & Sciences, 60, 284-289.

Информация об авторе

Куцаева Марина Васильевна – канд. филол. наук, научный сотрудник ФГБУН «Институт языкознания Российской академии наук», Москва, Российская Федерация

Information about the author

Marina V. Kutsaeva – candidate of philological sciences, research fellow, FPFIS "Institute of Linguistics of the Russian Academy of Sciences", Moscow, Russian Federation

CC BY

Изыскания немецких ученых в исследовании золотоордынского Укека: обзор этнографических источников

DOI 10.31483/r-75071
УДК 904

Матасова О.В.
Саратовский социально-экономический институт (филиал) ФГБОУ ВО «Российский экономический университет им. Г.В. Плеханова»,
Саратов, Росийская Федерация.
https://orcid.org/0000-0001-6052-7726, e-mail: oxana.matasova@yandex.ru

Резюме: В статье рассматривается история изучения Увекского городища. Подчеркивается, что Укек, один из старейших городов и политико-экономических центров Золотой Орды, стоял на пересечении северного ответвления Великого шелкового пути с Великим Волжским торговым путем, обеспечивая переправу торговых караванов и посольств через Волгу и их дальнейший путь в Крым или Скандинавию. Автор также отмечает, что ослабленный вследствие упадка торговли и эпидемии чумы, Укек был разрушен Тамерланом и вскоре забыт. Большая заслуга в исследовании археологического памятника принадлежит зарубежным ученым. *Целью статьи* является выявление роли немецких ученых в изучении Укека.

Методы исследования. Автором предпринято хронологическое описание исследований археологического памятника Увек немецкими учеными. На основе различных источников, прежде всего, научной литературы и публицистики собраны сведения о немецких исследователях Укека и проанализирован их вклад в его изучение. Так, первая научная публикация об Укеке вышла на немецком языке, немецкие ученые доказали связь Укека с Увекским городищем и провели первые раскопки.

В результате делается вывод о том, что немецкие ученые, находясь у истоков исследования археологического памятника Увек, способствовали формированию традиций научных школ Поволжья. Также автор подчеркивает, что история изучения наследия Укека важна для понимания культурно-исторических процессов на территории Поволжья, приведших к возникновению научных связей между данным регионом и Европой.

Ключевые слова: Укек, Увекское городище, археологический объект, Золотая орда, нумизматика, раскопки.

Для цитирования: Матасова О.В. Изыскания немецких ученых в исследовании золотоордынского Укека: обзор этнографических источников// *Этническая культура*. – 2020. – № 2 (3). – С. 31-34. DOI:10.31483/r-75071.

German Contribution to Archeological Study of the Golden Horde Ukek: A Review of Ethnographic Sources

Oksana V. Matasova
Saratov Socio-Economic Institute (branch) of FSBEI of HE “Plekhanov Russian University of Economics”,
Saratov, Russian Federation.
https://orcid.org/0000-0001-6052-7726, e-mail: oxana.matasova@yandex.ru

Abstract: The article presents a chronological overview of the study of the Uvek settlement. Arguably one of the oldest cities and major political and economic centers of the Golden Horde, Ukek stood at the intersection of the Northern branch of the Great Silk Road and the Great Volga Trade Route, providing trade caravans and embassies a safe way across the Volga on their further journey to the Crimea or Scandinavia. It is noted that having been weakened by the decline of trade and the plague outbreak, Ukek was completely destroyed by Tamerlane and soon forgotten. It is safe to say that much of the credit for conducting research of that archaeological site belongs to researchers from countries other than Russia. The *aim of the article* is to reveal the role of German researchers in the study of Ukek.

Methods of research. The author provides a timeline of the research of the Uvek archaeological site carried out by German archeologists. Having consulted various sources, primarily academic papers, the author has been able to collect information about the German researchers of Ukek and analyze their academic contribution. It is noted that the first scientific publication about Ukek was published in German as German researchers revealed the connection between Ukek and the Uvek settlement and started the first excavations there.

As a result of the analysis, the article concludes that German archeologists, being at the origins of the research of the Uvek archaeological site, contributed to the formation of the traditions of the archeological schools of Volga region. The author emphasizes that the course of the study of the Ukek heritage is important for understanding the cultural and historical processes in the Volga region that facilitated academic links between this region and Europe.

Keywords: Ukek, Uvek settlement, archaeological site, Golden Horde, numismatics, archaeological excavation.

For citation: Matasova O.V. (2020). German Contribution to Archeological Study of the Golden Horde Ukek: A Review of Ethnographic Sources. *Etnicheskaya kultura = Ethnic Culture, 2(3)*, 31-34. (In Russ.) DOI:10.31483/r-75071.

Введение

Укек или Укака впервые упоминается итальянским купцом и путешественником Марко Поло в третьей главе его «Книги о разнообразии мира» [13]. Предположительно итальянский купец и его родственники посетили Укек в последней трети 13-го столетия. Таким образом, основание Укека совпадает с началом заката Великого шелкового пути, древнейшей сухопутной торговой магистрали, связывающей Средиземноморье и восточную Азию. Один, самый северный, из торговых путей вел от Самарканда через Прикаспийскую низменность к Волге, и далее вверх по ней до Укека, где пересекался с Великим Волжским торговым путем. Стратегическое положение Укека на пересечении двух важнейших средневековых торговых магистралей и одновременно на границе с Волжской Булгарией об-

CC BY

условило его быстрый экономический взлет. О богатстве и прекрасной архитектуре города свидетельствовали путешественники, посетившие Укек – берберский купец Ибн Баттута, курдский географ Абу-ль-Фида и фламандский монах-францисканец Гильом де Рубрук [1, с. 71–72].

Благодаря удачному географическому положению Укек превосходно справлялся со своей основной задачей, обеспечивая переправу торговых караванов и посольств через Волгу и их дальнейший путь в Крым или Скандинавию [2]. Упадок Великого шелкового пути вследствие военных конфликтов в Средней Азии, развития морских торговых путей и распространения чумы подготовил экономический закат Укека. Город, ослабленный эпидемией чумы в середине 14-го столетия, был взят в 1395 году Тамерланом в ходе его пятилетнего похода против Золотой Орды и уже не оправился от разорения. Вскоре забылось и его название. Последующие авторы называют развалины Овик, Увиек, Уфеак, Увешенское городище и, наконец, Увек [3]. Современный Увек – это поселок на южной окраине Саратова, расположенный на живописном берегу Волги, через которую железнодорожный мост связывает его с Анисовкой, пригородом Энгельса.

Разрозненные сведения об Увекском городище оставили английские путешественники. Так, дипломат и первый полномочный посол Англии в России Антони Дженкинсон во время своего путешествия по Волге в 1558 году видел разрушенный замок. Развалины замка и цитадели, а также надгробия упоминает Христофор Бэрроу, который несколько позднее дважды посетил Увек с группой английских купцов, торговавших на побережье Каспия [5, с. 5–6].

Историки предполагают, что недалеко от руин разрушенного города до основания Московским государством крепости Саратов существовало сезонное поселение русских рыбаков. Однако они отрицают факт преемственности [7, с. 524–525]. В ходе археологических работ не найдено ни одного артефакта культурного слоя времен Казанского ханства [14], поэтому забытый Укек не мог быть центром, где через два века, в 1590 году, в ходе колонизации молодым Российским государством территорий бывших Казанского и Астраханского ханств был заложен новый город.

Научный интерес к наследию Укека сформировался лишь к концу XVIII века. Большая заслуга в исследовании археологического памятника принадлежит наряду с отечественными учеными их зарубежным коллегам. Однако, если исследование Увека шведскими (И.П. Фальк [5, с. 6–7], Т.И. Арне), французскими (барон Жозеф де Бай), латвийскими (Ф.В. Баллод [6]) и венгерскими археологами [7] достаточно освещено в научной литературе, то вклад немецких ученых остается, на наш взгляд, недооцененным. При этом первая научная публикация об Укеке вышла на немецком языке, а первые раскопки на Увекском городище были проведены немецкими учеными.

Методы

В рамках данной статьи предпринято хронологическое описание исследования археологического памятника Увек немецкими учеными. На основе различных источников, прежде всего, научной литературы и публицистики собраны сведения о немецких исследователях Укека и выявлен их вклад в его изучение. Таким образом, основным методом является описательный.

Результаты

Автором первой научной статьи об Укеке [18] был немецкий востоковед Христиан Мартин Иохим Френ. Х.М.И. Френ родился в Ростоке, где учился, защитил диссертацию и начал научную карьеру в должности приват-доцента. В 1807 году Х.М.И. Френ принял приглашение возглавить кафедру восточных языков только что открытого Казанского университета, а позднее перевелся в Академию наук Санкт-Петербурга. Его первая монография была посвящена описанию неизвестных монет восточного халифата, династии Саманидов и волжских булгар. Однако исследование этих монет привело ученого к поиску мест их чеканки, изучению истории династий и правителей, занятию археологией [12, с. 5]. В своей работе “Über die ehemalige mongolische Stadt Ukek im Süden von Saratow und einen dort unlängst gemachten Fund” [18] он проанализировал все доступные ему письменные источники, где упоминается Укек, начиная с записок Марко Поло, и описал ряд находок, сделанных на Увекском городище и переданных в Российскую Академию наук саратовским губернатором Переверзевым в начале 30-х годов XIX-го века. Так, опираясь в основном на данные нумизматики, профессор Х.М.И. Френ установил, что Увекское городище близ Саратова суть руины средневекового города Укек. Таким образом, Х.М.И. Френ сделал свое открытие на несколько десятилетий раньше, чем был решен вопрос о том, с какими городищами следует связывать другие города Золотой Орды [5, с. 6–7].

Коллега Х.М.И. Френа Иоганн Фридрих Эрдманн родился в Виттенберге, где закончил медицинский факультет и получил звания экстраординарного профессора естественной истории в 1804 году, а четырьмя годами позднее – ординарного по кафедре патологии и терапии. В 1810 году И.Ф. Эрдманн был приглашен на кафедру патологии, терапии и клиники в недавно открывшийся Казанский университет, где впоследствии стал деканом отделения врачебных наук. Во время работы в Казанском университете И.Ф. Эрдманн предпринял многократные поездки с исследовательскими целями. Среди прочего, он тщательно изучил химический состав Сергиевских минеральных вод, обследовал серные ключи в окрестностях гор Тетюши, работал практикующим врачом, в качестве ревизора училищ Казанского учебного округа посетил Астрахань, Поволжье, Верхнекамский край и Западную Сибирь. Вместе с профессором Х.М.И. Френом И.Ф. Эрдманн в 1813 году исследовал руины древнего города Булгар, столицы средневековой Волжской Булгарии. Позднее И.Ф. Эрдманн посетил Увек, осмотрел городище и дал его краткое описание [5, с. 6].

Ученик Х.М.И. Френа Эрнст Вольдемар барон фон Тизенгаузен происходил из древнейшего немецкого дворянского рода, переселившегося в XIII веке в Литву

CC BY

из Нижней Саксонии. Входя в состав Императорской археологической комиссии, Э.В. фон Тизенгаузен посетил в 1864 году Увекское городище и произвел его осмотр [6]. Изучая наследие своего учителя [16] и древние рукописи, а также занимаясь раскопками, Э. В. фон Тизенгаузен издал первый том «Сборника материалов, относящихся к истории Золотой орды» [15], в котором он, среди прочего, касается времени расцвета Укека, ссылаясь на заметки путешественника Ибн Баттуты, а также реконструирует исторический и геополитический контекст событий.

Значительный вклад в исследование Укека внесли зоологи Карл-Фридрих Кесслер и Оскар Гримм. К.-Ф. Кесслер родился в местечке Дамрау близ Кенигсберга. Ребенком он переехал с семьей в Россию, где сделал блестящую научную карьеру, от преподавателя гимназии до профессора Императорского Санкт-Петербургского университета, в котором занимал должности декана и ректора. При этом К.-Ф. Кесслер занимался полевыми исследованиями фауны, созданием сети орнитологов-наблюдателей и биологических станций. Постепенно его увлекла ихтиология, и он сконцентрировался на изучении ихтиофауны водоемов северо-западной России, Волги, Каспийского и Аральского морей. Оскар Гримм, выходец из семьи поволжских немцев, был учеником К.-Ф. Кесслера. В 1877 году профессор К.-Ф. Кесслер и магистрант О.А. Гримм провели на Увекском городище первые раскопки [2]. Произведя шурфовку, они обнаружили остатки древнего водопровода [5, с. 7]. Кроме того, они приобрели у населения ряд находок [1, с. 71–72].

В 1879 году Увекское городище исследовал археолог Александр Минх, который происходил из обрусевшего немецкого дворянского рода. Семья Минхов купила имение в селе Колено Аткарского уезда Саратовской губернии, где прошло детство Александра. А. Минх юнкером поступил в Московский драгунский полк, участвовал в Крымской войне 1854–1856 годов и был произведен в офицеры. После выхода в отставку он служил мировым посредником, а впоследствии мировым судьей сначала по Аткарскому, потом – по Саратовскому уездам [4]. Это время было весьма плодотворным для А. Минха, который еще во время службы интересовался этнографией и топонимикой. Он изучал обычаи и фольклор местного населения, собирал материалы по этнографии народов, населявших губернию, сведения по археологии и топонимике Саратовского Поволжья. А. Минх был членом Императорского Русского географического и Московского археологического обществ, Нижегородской, Тамбовской и Владимирской архивных комиссий, автором множества научных статей, очерков, путевых записок, мемуаров и энциклопедических изданий [17]. А. Минх посвятил Увеку целый ряд публикаций [9–11], которые включают обзор литературы по теме, описание найденных местным населением артефактов и реконструкцию исторических событий.

Обсуждение

Итак, немецкие ученые внесли значительный вклад в изучение Увекского городища. Они стояли у истоков исследования археологического памятника и сформировали научный подход к нему. Первопроходцем в данной области, без сомнения, был Х.М.И. Френ, которому принадлежит первая научная публикация об Укеке и который на основе данных нумизматики доказал его связь с Увекским городищем. С именами профессоров Х.М И. Френа и И.Ф. Эрдманна, работавшими в первое трети XIX века в Казанском университете, несомненно, связан большой интерес казанских исследователей (Г.С. Саблукова [14] и других) к Увеку. Отметим, что немецкие ученые изначально не были археологами. Они заинтересовались Увеком как нумизматы, зоологи, этнографы, и залогом их научного успеха был междисциплинарный подход к изучению археологического памятника.

Хотя в 70-е годы прошлого столетия Увекское городище было выведено из реестра охраны археологических памятников и постепенно застроено, с начала XXI века его изучение переживает ренессанс и сопровождается значительным общественным и научным резонансом в виде публикаций и научных мероприятий. С 2012 года на территории Увекского городища проводится ежегодный фестиваль исторической реконструкции, целью которого является просвещение общества, популяризация науки, сохранение единого культурного пространства полиэтнического и многоконфессионального региона Поволжье.

Выводы

Таким образом, немецкие ученые, находясь у истоков изучения археологического памятника Увек, оказали влияние на развитие научных школ Поволжского региона, способствовали формированию научных традиций и междисциплинарного характера исследований. История изучения наследия Укека важна для понимания культурно-исторических процессов, происходивших на территории Поволжья и приведших к возникновению научных связей между данным регионом и Европой [8].

Список литературы

1. Баллод Ф.В. Приволжские «Помпеи». – М.; Пг.: Гос. изд-во, 1923. – 111 с.
2. Захаров К. Увек в исследованиях учёных // Саратовский университет. – 2015. – №5 (2115) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.sgu.ru/sites/default/files/publications/saruniver/fulltext/su2115_fdd.pdf (дата обращения: 31.03.2020).
3. Кубанкин Д.А. Неопубликованная рукопись А.А. Кроткова «Увек-Саратовский по данным истории и археологии» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.sgu.ru/archive/old.sgu.ru/files/nodes/9824/18.pdf (дата обращения: 08.03.2020).
4. Лукин С. Чтобы не прервалась связь времен // Годы и люди. – Саратов: Приволжское книжное издательство, 1989. – Вып. 4. – С. 74–83.
5. Недашковский Л.Ф. Золотоордынский город Укек и его округа: дис. ... канд. ист. наук. – М., 1998. – 337 с.

CC BY

6. Малов Н.М. Археологические объекты и историческая топография золотоордынского города Укек // Средневековому городу Укеку семь с половиной столетий (середина XIII-XX вв.): материалы межрегион. науч.-практич. конф. (Саратов, 22.03.2002 г.) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.tataroved.ru/territorial/saratov/publ/3/ (дата обращения: 08.03.2020).
7. Малов Н. М. Золотоордынский Укек и Увекское городище // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия История. Международные отношения. – 2018. – Т. 18, Вып. 4. – С. 523–527.
8. Матасова О.В. Auswirkungen der sprachlichen Heterogenität Deutschland in der globalen interkulturellen Kommunikation // Гетерогенность и плюрицентризм немецкоязычного пространства: теория и практика: материалы междун. науч.-практ. конф. – Ульяновск, 2010. – С. 239–246.
9. Минх А.Н. Археологические раскопки и находки в Аткарском уезде Саратовской губернии // Труды Саратовской учёной архивной комиссии. – 1911. – Вып. 27. – С. 1–4.
10. Минх А.Н. Историко-географический словарь Саратовской губернии. Т. 1, Вып. 3. – Саратов: Типография губернского земства, 1901. – 207 с.
11. Минх А.Н. Набережный Увек (Из отчета Московскому археологическому обществу, члена А. Н. Минх) // Саратовские губернские ведомости. – 1879. – №206, 219–221.
12. Очерки по истории русского востоковедения. Сборник 2 / отв. ред. В.И. Авдиев, Н.П. Шастина. – М.: Издательство Академии наук СССР, 1956. – 512 с.
13. Поло М. Книга о разнообразии мира [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://bookscafe.net/read/polo_marko-kniga_o_raznoobrazii_mira-72827.html#p1 (дата обращения: 26.03.2020).
14. Саблуков Г.С. Монеты Золотой Орды // Саратовские губернские ведомости. – 15.01.1844. – №2–3.
15. Тизенгаузен Э.В. Сборник материалов по истории Золотой Орды. Т. 1. – СПб.: Типография Императорской Академии наук, 1884. – 579 с.
16. Тизенгаузен Э.В. Френовы рукописи и академик Дорн. – Варшава: Тип. К. Ковалевского, 1877. – 14 с.
17. Шпак А. Минх Александр Николаевич [Электронный ресурс]. – Режим доступа:: https://lexikon.wolgadeutsche.net/article/205 (дата обращения: 06.03.2019).
18. Frähn, Ch. M. J. Über die ehemalige mongolische Stadt Ukek im Süden von Saratow und einen dort unlängst gemachten Fund. Sankt Petersburg: Buchdruckerei der Kaiserl. Akad., 1835. – 87 S.

References

1. Ballod, F. V. (1923). Privolzhskie "Pompei". Moscow; Pg.: Gos. izd-vo.
2. Zakharov, K. (2015). Uvek v issledovaniyah uchyonyh. Saratovskij universitet, 5 (2115). Retrieved from https://www.sgu.ru/sites/default/files/publications/saruniver/fulltext/su2115_fdd.pdf
3. Kubankin, D. A. Neopublikovannaya rukopis' A.A. Krotkova Uvek-Saratovskij po dannym istorii i arheologii. Retrieved from https://www.sgu.ru/archive/old.sgu.ru/files/nodes/9824/18.pdf
4. Lukin, S. (1989). Chtoby ne prervalas' sviaz' vremen. Gody i lyudi, 4, 74-83. Saratov: Privolzhskoe knizhnoe izdatel'stvo.
5. Nedashkovskij, L. F. (1998). Zolotoordynskii gorod Ukek i ego okruga., 337. Moscow.
6. Malov, N. M. Arheologicheskie obekty i istoricheskaya topografiya zolotoordynskogo goroda Ukek. Srednevekovomu gorodu Ukeku sem' s polovinoj stoletij (seredina XIII-XX vv.). Retrieved from http://www.tataroved.ru/territorial/saratov/publ/3/
7. Malov, N. M. (2018). Zolotoordynskij Ukek i Uvekskoe gorodishche. Izvestiya Saratovskogo universiteta. Novaya seriya. Seriya Istoriya. Mezhdunarodnye otnosheniya. Vol. 18, 4, 523-527.
8. Matasova, O. V. (2010). Auswirkungen der sprachlichen Heterogenität Deutschland in der globalen interkulturellen Kommunikation. Geterogennost' i plyuricentrizm nemeckoyazychnogo prostranstva: teoriya i praktika, 239-246. Ul'ianovsk.
9. Minh, A. N. (1911). Arheologicheskie raskopki i nahodki v Atkarskom uezde Saratovskoj gubernii. Trudy Saratovskoi uchionoi arkhivnoi komissii, 27, 1-4.
10. Minkh, A. N. (1901).). Istoriko-geograficheskij slovar' Saratovskoj gubernii. Vol. 1, 3., 207. Saratov: Tipografiia gubernskogo zemstva.
11. Minh, A. N., (1879). Naberezhnyj Uvek (Iz otcheta Moskovskomu arheologicheskomu obshchestvu, chlena A. N. Minh). Saratovskie gubernskie vedomosti, 206, 219-221.
12. Avdiev, V. I., & Shastina, N. P. (1956). Ocherki po istorii russkogo vostokovedeniya. Sbornik 2., 512. Moscow: Izdatel'stvo Akademii nauk SSSR.
13. Polo, M. Divisament dou monde. Retrieved from https://bookscafe.net/read/polo_marko-kniga_o_raznoobrazii_mira-72827.html#p1
14. Sablukov, G. S. Monety Zolotoj Ordy. Saratovskie gubernskie vedomosti, 15.01.1844, 2-3.
15. Tizengauzen, E. V. (1884). Sbornik materialov po istorii Zolotoj Ordy. Vol. 1., 579. SaintPetersburg.: Tipografiia Imperatorskoi Akademii nauk.
16. Tizengauzen, E. V. (1877). Frenovy rukopisi i akademik Dorn., 14. Varshava: Tip. K. Kovalevskogo.
17. Shpak, A. Minh Aleksandr Nikolaevich. Retrieved from https://lexikon.wolgadeutsche.net/article/205
18. Frähn, Ch. M. J. (1835). Über die ehemalige mongolische Stadt Ukek im Süden von Saratow und einen dort unlängst gemachten Fund, 87. Saint Petersburg: Buchdruckerei der Kaiserl. Akad.

Информация об авторе

Матасова Оксана Владимировна – канд. филол. наук, доцент Саратовского социально-экономического института (филиала) ФГБОУ ВО «Российский экономический университет им. Г.В. Плеханова», Саратов, Российская Федерация

Information about the author

Oksana V. Matasova – candidate of philological sciences, associate professor of Saratov Socio-Economic Institute (branch) of FSBEI of HE “Plekhanov Russian University of Economics”, Saratov, Russian Federation

CC BY

Этнокультурное воспитание путём изучения жизнедеятельности коренных малочисленных народов Томской области

DOI 10.31483/r-74957
УДК 376.3.39

Моисеева Р.И.[a] , **Дутова Т.Н.**[b]
ОГБОУ «Школа-интернат для обучающихся с нарушениями слуха»,
Томск, Росийская Федерация.
[a] https://orcid.org/0000-0002-2315-2483, e-mail: rimoiseeva@list.ru
[b] https://orcid.org/0000-0001-6944-0205, e-mail: rfhnfijdf3739@mail.ru

Резюме: Статья раскрывает природу этнокультурного воспитания детей, имеющих ограниченные возможности здоровья, отражает направления изучения обучающимися этнической культуры, духовной культуры малых народов Томской области: селькупов, томских татар, бурят, алтайцев, культурного наследия этнических групп компактного расселения с целью духовного, социального, нравственного, психического и физического развития. Авторы подчеркивают, что этнокультурное воспитание является целостным процессом передачи подрастающему человеку традиций, культурных ценностей, социальных норм того этноса, представителем которого он является, в среде которого проживает. В статье раскрыта сущность этнокультурного воспитания школьников, рассмотрены цели, ключевые особенности этнокультурного образования, задачи этнокультурного воспитания обучающихся, основная из которых указывает на развитие у детей навыков межнациональной толерантности через знакомство с культурой народов разных этнических групп Томской области.

Также в статье отражена главная миссия этнокультурного воспитания – возрождение гуманистических принципов межкультурного общения, диалога культур и наций. Процессы этнической и культурной идентификации, характеризующие народы земли Томской представляют *предмет исследования*.

Основные *методы*, использованные в ходе исследования: занятия в школьной библиотеке, опрос родителей, проживающих на территории Томской области, анкетирование, работа с интернет-источниками.

Делается вывод о том, что традиции, сформированные в раннем возрасте и совместно проводимые мероприятия с родителями, имеют большой устойчивый характер для духовно-нравственного воспитания и социализации подрастающего поколения.

Ключевые слова: традиция, наследие, этнос, нация, культура, этническая идентичность, воспитание.

Для цитирования: Моисеева Р.И. Этнокультурное воспитание путём изучения жизнедеятельности коренных малочисленных народов Томской области / Р.И. Моисеева, Т.Н. Дутова // *Этническая культура*. – 2020. – № 2 (3). – С. 35-38. DOI:10.31483/r-74957.

Ethno-Cultural Education by Studying the Life Activities of Indigenous Small-Numbered Peoples of the Tomsk Region

Raisa I. Moiseeva[a], **Tatyana N. Dutova**[b]
RSBEI “Boarding school for hearing-impaired children”,
Tomsk, Russian Federation.
[a] https://orcid.org/0000-0002-2315-2483, e-mail: rimoiseeva@list.ru
[b] https://orcid.org/0000-0001-6944-0205, e-mail: rfhnfijdf3739@mail.ru

Abstract: The article reveals the nature of ethno-cultural education of children with health limitations, reflects the directions of studying ethnic as well as spiritual culture of small-numbered peoples of the Tomsk Region: Selkups, Tomsk Tatars, Buryats, Altai, cultural heritage of ethnic groups for the purpose of spiritual, social, moral, mental and physical development. The authors outline that ethnocultural education is a holistic process of transferring to a younger generation traditions, cultural values, social norms of the ethnic group to which they belong to as well as in environment of which they live. The essence of ethno-cultural education of schoolchildren is reviewed; the aims, key features of ethno-cultural education, and its objectives, the main of which indicates the development of children’s interethnic tolerance through acquaintance with the culture of peoples of different ethnic groups of the Tomsk Region.

Also, the main mission of ethno-cultural education – the revival of the humanistic principles of intercultural communication, the dialogue of cultures and nations – is presented. The processes of ethnic and cultural identification that characterize the peoples of the Tomsk Region are the *subject of research*.

The following *main methods* were applied: classes in the school library, a survey of parents living in the Tomsk Region, questionnaires, work with online sources.

It is concluded that traditions formed at an early age and activities that are jointly conducted with parents have a large stable character for the spiritual and moral education and socialization of the younger generation.

Keywords: tradition, heritage, ethnos, nation, culture, ethnic identity, upbringing.

For citation: Moiseeva R.I., & Dutova T.N. (2020). Ethno-Cultural Education by Studying the Life Activities of Indigenous Small-Numbered Peoples of the Tomsk Region. *Etnicheskaya kultura = Ethnic Culture, 2(3)*, 35-38. (In Russ.) DOI:10.31483/r-74957.

Введение

Этнокультурное образование – это целенаправленный непрерывный педагогический процесс приобщения учащихся к этнической культуре (или культурам) в учреждениях дошкольного, общего, дополнительного и профессионального образования, на основе взаимодействия с семьей, учреждениями культуры и средствами массовой информации [1, с. 5].

CC BY

Этнокультурное воспитание представляет собой важнейшее условие формирования подрастающего поколения в полиэтническом пространстве России. Язык, традиции, обычаи, этническая символика, фольклор, духовно-нравственные ценности каждого народа формировали лучшие человеческие качества на протяжении всей его истории. Проблема этнокультурного обучения и воспитания нашла своё отражение в ряде исследований ученых-теоретиков, педагогов-практиков Т.И. Баклановой, В.Г. Волкова, Л.И. Васеха, Е.В. Ершовой и др. Известен исследовательский опыт А.Б. Афанасьевой, Т.Ф. Бабыниной, Е.С. Бабуновой, Э.Ф. Вертяковой, Г.И. Губа, А.П. Елисеевой. Переписи 2002 и 2010 гг. подтвердили, что Российская Федерация является одним из самых многонациональных государств мира – на территории страны проживают свыше 160 национальностей [2, с. 7].

Богатый опыт наук о народной культуре, накопленный в различных областях знания (мифология, этнопедагогика, этнопсихология, этнология, этнография, фольклористика, народоведение, искусствоведение, и др.), до настоящего времени не имевший широкого применения в системе образовании, приобрёл на рубеже XX-XXI вв. небывалую востребованность [1, с. 7]. В это же время речевое выражение «этническая культура» было сокращено и заменено на понятие «этнокультура», не имеющее чёткого определения. Поэтому данный термин этнокультура встречается в основном в современных исследованиях.

Томская область – многонациональна. На её земле проживают: селькупы, томские татары, якуты, буряты, алтайцы, русские, а также этнические группы компактного расселения: удмурты, чуваши, поляки, немцы, эстонцы, белорусы и другие народы, имеющие свою национальную культуру. Культурное наследие каждого народа несёт в себе опыт, умения, знания, умудрённость, практические действия, выявляющие особенности духовно-ценностного потенциала той или иной народности, той или иной этнической группы. В формировании этнокультурной воспитанности обучающихся использование традиций и обычаев оказывает положительное влияние на психическое, физическое, в том числе и на социальное развитие.

В Томской области активно протекает общественная жизнь этнических сообществ. Официально действуют свыше 50 национально-культурных объединений [2, с. 7]. В Областном государственном бюджетном общеобразовательном учреждении «Школа-интернат для обучающихся с нарушениями слуха» учатся дети, проживающие на всей территории Томской области разных национальностей и культур.

Не секрет, что в настоящее время информация, раскрывающая этнические особенности коренных народов Томской области представлена недостаточно. В целях реализации Стратегии формирования безбарьерной этнокультурной межэтнической образовательной среды в Томской области на 2015–2020 годы, в соответствии с распоряжением Департамента общего образования Томской области и Региональной информационной площадки Министерства просвещения Российской Федерации ОГБУ «Региональный центр развития образования» от 11.09.2019 г. №709-р «О деятельности региональной сети Центров этнокультурного образования Томской области», было решено присвоить статус «Центр этнокультурного образования» (ЦЭО) ОГБОУ «Школа-интернат для обучающихся с нарушениями слуха».

Методы

За основу деятельности Центра взята комплексно-целевая программа: «Жизнь стирает границы», которая построена на этнографическом материале Томской области, способствующая воспитанию духовно-нравственной культуры, толерантности и уважения к традициям, обычаям этнических народностей Томской области, социализации. Программа реализуется, принимая во внимание этнокультурные, языковые компетенции с учётом ФГОС НОО, предусматривает работу по изучению культуры малых народов Томской области, проведение открытых мероприятий и других образовательных событий, направленных на развитие диалога, имеющего межнациональный характер.

Очень важно начинать изучение этнической истории малых народов Томской области в рамках школьной программы, доводить до сознания обучающихся связь истории того или иного народа земли Томской, его культуру, чтобы дети понимали этнос, обычаи, нравы, традиции этнических народностей своего края, обогащались духовно и нравственно, социализировались. Присвоение статуса определило цель: создание условий для изучения национальной культуры коренных малочисленных народов Томской области. Исходя из цели, сформулированы задачи:

– разработать методологические основы организации образовательно-воспитательной работы с обучающимися в духе культуры мира и ненасилия;

– развивать у детей навыки межнациональной толерантности через знакомство с культурой народов разных этнических групп Томской области;

– формировать эмоциональное и духовное сближение обучающихся и родителей посредством совместного участия в проекте;

– воспитывать духовно-нравственную культуру через ознакомление с обычаями, нравами, традициями этнических народностей;

– расширять активный словарный запас;

– переводить определённый пласт лексики из пассивного резерва в активное пользование.

Обсуждение

Центр этнокультурного образования организует с обучающимися и их родителями занятия, включающие в себя беседы, практики, этнические игры, праздники, отражающие этническую принадлежность народов Томской земли, что является следствием предупреждения не только конфликтов на межнациональной, межэтнической почве в образовательной организации, а также социализации обучающихся с особенностями в развитии.

Целевая группа: воспитанники дошкольного отделения от 3-х до 7-ми лет, обучающиеся 1-ых – 11-ых

CC BY

классов, классные руководители, воспитатели, учителя-дефектологи, родители, творческий коллектив школы-интерната «Музыка жеста», педагоги дополнительного образования.

Программа «Жизнь стирает границы» ориентирована на решение проблем межнационального, межэтнического общения в ОГБОУ «Школа-интернат для обучающихся с нарушениями слуха», так как в школе-интернате обучаются дети разных национальностей, а также дети, имеющие принадлежность к разным этническим группам. Основными результатами программы являются:

– получение знаний культуры народов разных национальностей, этнических групп Томской области;

– отсутствие в образовательном учреждении межнациональных, межэтнических конфликтов;

– эмоциональное и духовное сближение между детьми и родителями через участие в общешкольных и внешкольных мероприятиях.

Этнокультурное воспитание обучающихся направлено на :

– ознакомление с историей и традициями народов Томской области;

– ознакомление с историей и традициями народов, составляющих этнокультурное окружение;

– возрождение традиционных промыслов и ремёсел;

– анализ и выявление общего, частного и особенного в культуре, традициях и истории народов, проживающих в Томской области.

Под руководством воспитателей, учителей-дефектологов, воспитанники дошкольного отделения знакомятся с народным творчеством этнических групп компактного расселения: чувашей, удмуртов, украинцев, белорусов. В предварительно-ознакомительной деятельности были организованы встречи с педагогами, родителями с целью ознакомления участников мероприятий с намеченными планами, проведён отбор и апробация методического материала, привлечены родители. В процессе деятельностно-обобщающего направления были созданы условия для проведения мероприятий у дошкольников с нарушениями слуха по формированию познавательных, социальных и творческих навыков. Организация разных видов деятельности по выделенным направлениям способствовала формированию ассоциативно-логическому мышлению у дошкольников:

– познавательное (клуб «Всезнайка»);

– художественно-эстетическое (мастерская росписи «Калейдоскоп узоров»);

– социально-коммуникативное (этническое ателье «Аллея одежды», праздник народной культуры «Радуга вкуса»).

Под руководством классных руководителей, учителей-дефектологов, воспитателей, учителей-предметников, воспитанники и обучающиеся младшего и старшего школьного возраста ОГБОУ «Школа-интернат для обучающихся с нарушениями слуха» познают жизнедеятельность коренных малочисленных народов Томской области, изучают семейные обряды, народное творчество селькупов, проживающих в Каргасокском, Парабельском, Верхнекетском, Колпашевском районах Томской области. Селькупы говорят на селькупском языке самодийской группы уральско-юкагирской семьи. Распространён также русский язык. Письменность на основе кириллицы. Верующие – православные, сохраняются также традиционные верования [2, с. 21].

Ребята изучают народное творчество, познают верования и обряды, хозяйственные занятия, поселения, пищу, одежду и обувь томских татар, основная часть которых проживает в селениях Томской области: Черная речка, Тахтамышево, Эушта, Барабинка, Казанка, Кафтанчиково, Калтай. Говорят на татарском языке тюркской группы алтайской семьи. Письменность на основе русской графики. Численность татарского населения на территории Томской области, по данным переписи населения: 2002 г. составляет 20 145 человек; 2010 г. – 17 029 человек [2, с. 22].

Знакомятся с народным творчеством, социальной организацией и семейными обрядами якутов, говорящих на якутском языке тюркской группы алтайской семьи. Верующие – православные, сохраняются традиционные верования. К народом, численность которых в Томской области по переписи населения 2010 г. составляет менее 10 человек, относятся: абазины, абхазы, австрийцы, адыгейцы, аджарцы, алеуты, американцы, англичане, чукчи, шведы, эскимосы, эфиопы, японцы [2, с. 27].

Под руководством педагогов обучающиеся исследуют культурную жизнь, быт, традиции этнической группы компактного расселения – алтайцев (самоназвание алтай-кижи) – коренное население Республики Алтай, Алтайского края, Кемеровской области. Живут также в Казахстане, Узбекистане и др. В прошлом алтайцы – собирательное название тюркоязычных племён, живших в Горном Алтае и частично в Кузнецком Алатау. Язык алтайский тюркской группы алтайской семьи. Письменность на основе русской графики. Большая часть верующих – православные, бурханисты (религия, сочетающая в себе ламаизм и шаманизм) [2, с. 11].

Собирание общих сведений чувашей (самоназвание чаваш), на территории Томской области, позволило принять информацию о том, что чуваши говорят на чувашском языке тюркской группы алтайской семьи. Распространён также русский язык. Верующие – в основном, православные [2, с. 26].

Ребята творческой группы школы-интерната «Музыка жеста» – призёры Международных фестивалей, познают духовную культуру, общие сведения жизнедеятельности, социальную организацию бурят. Буряты говорят на бурятском языке монгольской группы алтайской семьи. Распространён также русский, монгольский язык. Несмотря на христианизацию, западные буряты оставались шаманистами, верующие буряты в Забайкалье – буддисты [2, с. 12–13].

Результаты исследования

В результате проведённого изучения были сделаны следующие выводы, содержащие элементы научной новизны:

1. Малые народности Томской области сохраняют уникальное наследие предков, и нуждаются в специальных правовых гарантиях.

CC BY

2. Министерство культуры РФ поддерживает народное творчество, художественную самодеятельность, но слабо финансирует проведение национальных мероприятий, праздников.

3. Культурное наследие этнических народностей поддерживается существующими педагогическими практиками по организации и проведению в школах информационно-просветительской работы.

Современное этнокультурное образование представляет систему знаний о национально-культурных ценностях, которые отражают и самобытность народа и его культуру. Посредством организации и проведения совместных мероприятий на базе школы-интерната, обучающиеся под руководством педагогов оформляют выставки, составляют презентации, предоставляют творческие работы на конкурс в Центр этнокультурного образования, делятся полученным опытом с родителями, гостями и зрителями.

Заключение

Традиции, сформированные в раннем возрасте и совместно проводимые мероприятия с родителями, имеют большой устойчивый характер для духовно-нравственного воспитания и социализации подрастающего поколения. Заложенные человеческие нравственные ценности в детском возрасте дают свои положительные результаты, заключающиеся в уважительном отношении к людям разных национальностей, их исключительному быту, образу жизни, этнической культуре.

Таким образом, изучение жизнедеятельности коренных народов Томской области раскрывает многообразие культур, пробуждает интерес к истории и традициям народа земли Томской. Важным направлением в обучении и воспитании детей с особенностями в развитии является получение знаний о культурных истоках народностей, проживающих на территории Томской области. Это способствует наиболее качественному усвоению детьми национальных и общечеловеческих ценностей, их сбережению, формированию духовно-нравственной культуры и социализации.

Список литературы

1. Шпикалова Т.Я. Концепция этнокультурного образования в Российской Федерации / Т.Я. Шпикалова, Т.И. Бакланова, Л.В. Ершова. – Шуя: Изд-во «Весть» ГОУ ВПО «ШГПУ», 2006.

2. Этнография народов Томской области: учебное пособие / П.Е. Бардина, Т.А. Гончарова, Г.В. Грошев [и др.]; отв. ред. А.Г. Тучков. – 3-е изд., испр. и доп. – Томск: Изд-во Томского государственного педагогического университета, 2018. – 184 с.

References

1. Shpikalova, T. Ya., Baklanova, T. I., & Ershova, L. V. (2006). Kontseptsiya etnokulturnogo obrazovaniya v RF [Concept of ethno-cultural education in the Russian Federation]. Shuia: "Vest".

2. Bardina, P. E., Goncharova, T. A., & Groshev, G. B., et al. (2018). Ethnography of the Tomsk region: Tutorial. Tuchkov A.G. (eds.)., 184. Tomsk: Tomsk State Pedagogical University.

Информация об авторах

Моисеева Раиса Ивановна – учитель-сурдопедагог ОГБОУ «Школаинтернат для обучающихся с нарушениями слуха», Томск, Российская Федерация

Дутова Татьяна Николаевна – учитель ОГБОУ «Школа-интернат для обучающихся с нарушениями слуха», Томск, Российская Федерация

Information about the authors

Raisa I. Moiseeva – teacher of the deaf and hard of hearing of RSBEI “Boarding school for hearing-impaired children”, Tomsk, Russian Federation

Tatyana N. Dutova – teacher of the deaf and hard of hearing of RSBEI “Boarding school for hearing-impaired children”, Tomsk, Russian Federation

CC BY

Возрождение культурных традиций кацкого стана на страницах краеведческого издания «Кацкая летопись»

DOI 10.31483/r-75011
УДК 304.2

Невзорова Е.Д.
ФГБОУ ВО «Ярославский государственный педагогический университет им. К.Д. Ушинского», Ярославль, Росийская Федерация.
https://orcid.org/0000-0003-1254-7858, e-mail: nevzorova.tv@mail.ru

Резюме: Подчеркивается, что в эпоху глобализации, одной из ключевых особенностей которых становится унификация, существует реальная опасность исчезновения культур малочисленных этнических групп. Вследствие этого важной задачей становится задача сохранения и восстановления знаний об их культуре, обычаях и традициях. Одним из ярких проектов, посвященных этой теме, является «Кацкий проект», главный транслятор идей которого – краеведческий журнал «Кацкая летопись». *Цель исследования* – изучить культуру Кацкого стана и способы ее возрождения.

Гипотеза. В ходе исследования было выдвинуто предположение о том, что журнал «Кацкая летопись» – способ возрождения и сохранения культуры кацкарей.

Методы исследования. Исследование проводилось с помощью теоретических и эмпирических методов, основной метод – изучение источниковедческой базы, которую составили номера журнала «Кацкая летопись» за период с 1992 по 2017 год. Изучение номеров журнала проводилось путем анализа структуры, содержания, рубрик, специфики языка журнала (с позиций семантики, фонетики, словообразования и др.).

Результаты исследования. Были получены результаты, подтверждающие отражение кацкой культуры на страницах журнала «Кацкая летопись»: авторами статей используется специфический диалектный кацкий язык, являющийся одним из основополагающих компонентов этнокультурной идентичности кацкарей. Наряду с языком журнал демонстрирует фольклор, публикует исторические сведения о Кацком стане и его жителях, символике, специфике уклада жизни и ведения хозяйства, обычаях и традициях. Полученные результаты также подтвердили, что в эпоху глобализации в атмосфере всеобщего уподобления и единообразия существуют примеры сохранения уникальности и этнокультурного своеобразия общностей людей в местах их локального проживания.

Ключевые слова: краеведческое издание, журнал, «Кацкая летопись», кацкий язык, диалект, глобализация.

Для цитирования: Невзорова Е.Д. Возрождение культурных традиций кацкого стана на страницах краеведческого издания «Кацкая летопись» // *Этническая культура*. – 2020. – № 2 (3). – С. 39-41. DOI:10.31483/r-75011.

Revival of Cultural Traditions of Katsky Stan on the Pages of Regional Publication "Katsky Chronicle”

Ekaterina D. Nevzorova
FSBEI of HE “Yaroslavl State Pedagogical University named after K.D. Ushinsky”, Yaroslavl, Russian Federation.
https://orcid.org/0000-0003-1254-7858, e-mail: nevzorova.tv@mail.ru

Abstract: It is outlined that in the era of globalization, one of the key features of which is unification, there is a real danger of the disappearance of cultures of small ethnic groups. As a result, it becomes important to preserve and restore knowledge about their culture, customs and traditions. One of the bright projects dedicated to this topic is the “Katsky project”, the main translator of ideas of which is the area publication “Katsky chronicle”. The purpose of the research is to study the culture of the Katsky stan and ways of its revival.

Hypothesis. In the course of the research, it was suggested that the journal “Katsky chronicle” is a way to revive and preserve the culture of the Katsky people.

Methods of research. The research was carried out with the help of theoretic and empiric methods, the main method is the study of the historiographic database, which was compiled by the issues of the journal “Katsky chronicle” for the period from 1992 to 2017. The study of the journal's issues was conducted by analyzing the structure, content, sections, and language specifics of the journal (from the standpoint of semantics, phonetics, word formation, etc.).

Results of research. The results confirmed the reflection of Katsky culture on the pages of the journal “Katsky chronicle”: the authors of the articles used specific dialect katsky language which is a fundamental component of ethno-cultural identity of the Katsky people. Along with the language, the journal demonstrates folklore, publishes historical information about the Katsky stan and its inhabitants, symbols, specifics of the way of life and housekeeping, customs and traditions. The results also confirmed that in the era of globalization, in an atmosphere of universal similarity and uniformity, there are examples of preserving the uniqueness and ethno-cultural identity of communities of people in their places of local residence.

Keywords: area publication, journal, “Katskaya chronicle”, katskylanguage, dialect, globalization.

For citation: Nevzorova E.D. (2020). Revival of Cultural Traditions of Katsky Stan on the Pages of Regional Publication "Katsky Chronicle”. *Etnicheskaya kultura = Ethnic Culture, 2(3)*, 39-41. (In Russ.) DOI:10.31483/r-75011.

Введение

В современных условиях глобализации мира, одной из главных черт которой является унификация, острой становится проблема сохранения традиционных исконных ценностей и культурных особенностей народов [3]. Все больше внимание исследователей и общественности привлекает этнография и смежные области наук [1]. В связи с этим особый интерес представляют явления, связанные с сохранением и восстановлением культур.

Ярким представителем и носителем такого рода идей стал «Кацкий проект», направленный на восстановление и развитие исконной локальной культуры. Со-

CC BY

гласно идеям этого проекта, жители Кацкого стана или Кацкой волости, а именно 64 деревень Мышкинского района Ярославской области с центром в деревне Мартыново, являются субэтносом в составе русских [5].

Одна из важнейших их отличительных особенностей – специфический язык, который существует и в устной, и в письменной формах. В 2000 году научные сотрудники СПбГУ проводили анализ кацкого диалекта, именно они начали называть это языковое явление кацким языком. Местные жители именуют себя кацкарями [5].

Целью проведенного исследования явилось изучение культуры Кацкого стана и способов ее возрождения. В ходе исследования было выдвинуто предположение о том, что журнал «Кацкая летопись» – способ возрождения и сохранения культуры кацкарей.

Методы исследования

Исследование проводилось с помощью теоретических и эмпирических методов (качественный анализ, контент-анализ, стилистический анализ текста). Основной метод исследования – изучение источниковедческой базы, которую составили два основных компонента. Первый компонент – это теоретические и публицистические статьи современных исследователей сферы массовых коммуникаций и журналистики. Подробно изучены и проанализированы работы Н. Абалмасовой, В. Барановой, К.В. Гулиды, Е. Ермолина, К. Маслинского, Т. Шаровой. Также в своих разработках мы опирались на результаты исследований ученых-лингвистов из СПбГУ, результаты научных конференций (ежегодные «Кацкие чтения»), на ряд региональных публикаций, посвященных глубокому и всестороннему рассмотрению феномена кацкого языка (в частности, спецвыпуск журнала «Углече поле»). Методология работы потребовала комплексного подхода к изучению публицистических материалов краеведческого издания и выбору в качестве основного метода исследования стилистического анализа текстов.

Второй компонент составили номера журнала «Кацкая летопись» за период с 1992 по 2017 год. Общий временной охват выпусков – 25 лет; общее количество проанализированных выпусков – 62. В практической части работы представлен качественный анализ 24 фрагментов текста.

Результаты исследования

Говоря о степени разработанности проблемы, необходимо отметить, что имеются статьи, посвященные общей характеристике кацкого языка, его рассмотрению в качестве особой социокультурной реальности. В то же время совершенно не изучена стилистическая составляющая публицистических материалов изучаемого нами издания, отсутствуют систематические и комплексные исследования компонентов стилистики публицистических материалов издания «Кацкая летопись», включая ее фонетический, лексический аспекты.

Журнал «Кацкая летопись» является главным транслятором идей возрождения кацкой культуры. Это едва ли не единственное в России периодическое издание краеведческой тематики, выпускаемое в деревне – причём вот уже более четверти века. Статьи в «Кацкой летописи» отсылают именно к осознанию особой кацкой идентичности [2].

Основным фактором своеобразия содержания и формы публицистических материалов краеведческого издания «Кацкая летопись» является феномен «кацкого языка» [6]. Авторы не только используют выразительные возможности диалектной речи, создавая особенную стилистическую окраску текстов, но стремятся к расширению и углублению знаний о кацком диалекте, его фонетических, лексических, стилистических особенностях. При этом в отличие от традиционных краеведческих изданий имеет место тесное сотрудничество и обратная связь с основной читательской аудиторией, которую составляют носители кацкого диалекта.

«Кацкая летопись» публикует исторические, краеведческие, фольклорные, генеалогические материалы, подготовленные как местными авторами, так и специалистами Государственного архива Ярославской области, Ярославского музея-заповедника и др. При этом особое внимание уделяется кацкому диалекту.

По свидетельству социолингвистов, проводивших в Мартынове полевые наблюдения, словарная работа на базе издания ведётся по двум основным направлениям: поиск новых слов и корректировка значений уже имеющихся лексических единиц. Сначала кто-либо из сотрудников газеты или музея фиксирует встретившееся в речи кацкарей необычное слово или выражение, а затем слово, составленная редактором дефиниция и контекст употребления публикуются в газете. Читатели должны оценить, правильно ли определено то или иное слово, при необходимости в следующем номере может быть опубликовано опровержение или дополнение.

Проявления языкового творчества на страницах «Кацкой летописи» многообразны.

Прежде всего, это фиксация диалектных форм и речевых оборотов в интервью с сельчанами, в фольклорных текстах, записанных членами редакции.

Далее из номера в номер можно наблюдать присутствие кацкого языка в авторских материалах всех жанров: от новостных заметок и корреспонденций до художественно-публицистических текстов.

В публикациях С. Темняткина, О. Перовой, А. Румянцевой, Е. Куликовой и других авторов часто встречается самобытная лексика (*примаскалить – прийти, гляженный – турист, заволосной – живущий за пределами волости Кадки, прилобуниться – стукнуться лбом, бахорить – говорить* и многое другое). В авторской речи звучит отличная от русского литературного языка фонетика (*по-кацкиЕ – по-кацки, бОльнё – очень, дожидАётся – дожидается*) и морфология (*рАжоё бёлО – хорошего дня*; прилагательное, существительное; *башУра – телята*; существительное) [7].

Редакция «Кацкой летописи» предполагает не только ознакомление читателей с языком, но и обучение, которое могло бы поспособствовать его распространению. Азы кацкого языка публиковались в форме игровых уроков [4].

Наконец, необходимо отметить собственно лексикографическую деятельность редакции. На страницах

CC BY

издания регулярно появляется словарь кацкого языка (*«кацкой словник»*), который насчитывает на сегодня более 2000 слов [2].

В ходе исследования «Кацкого проекта» был определен феномен «кацкого языка» в качестве основного фактора своеобразия содержания и формы публицистических материалов краеведческого издания «Кацкая летопись»; выявлен диапазон возможностей использования диалектной речи в журнале: от создания особенной стилистической окраски текстов до средства накопления знаний о кацком диалекте, его фонетических, лексических, стилистических особенностях; выяснено особое значение обратной связи с основной читательской аудиторией, которую составляют носители кацкого диалекта.

При проведении стилистического анализа текстов журнала «Кацкая летопись» главным образом отобраны тексты, относящиеся к публицистическим жанрам, как наиболее показательные, хотя те же стилистические явления можно наблюдать и в текстах информационных и аналитических жанров. Выбор фрагментов осуществлялся по хронологическому принципу, что позволило проследить эволюцию принципов использования диалектного материала. Также фрагменты отобраны с учетом концентрации особенностей кацкого языка с целью проиллюстрировать своеобразие диалектной лексики. В общей сложности проведен анализ фрагментов, взятых из 24 выпусков журнала, общий временной охват которых составляет 25 лет.

Заключение

Комплексный анализ эволюции материалов краеведческого издания «Кацкая летопись», их содержания и формы, в аспекте той творческой и исследовательской работы, которую ведет авторский коллектив, изучая кацкий диалект, историю края, этнографию и культуру Кацкой волости, продемонстрировал тенденцию к углублению и расширению знаний о кацком диалекте, субэтносе и кацкой культуре.

Анализ также показал высокую степень достоверности представленных сведений и материалов, в связи с тем что они подкрепляются свидетельствами коренных жителей, носителей диалекта. Выявленные особенности кацкого языка представляют большой интерес для широкого круга исследований – не только в области культурологии и лингвистики, но и в сфере журналистских проектов. Поскольку журнал является платформой для возрождения кацкой культуры и языка, он представляет несомненную ценность не только в региональном, но и во всероссийском масштабе.

Список литературы

1. Гулида В.Б. Конференция «Народная лингвистика»: взгляд носителей языка на язык [Текст] // Вопросы языкознания. – 2013. – №5. – С. 136–144.
2. Кацкая летопись. Газета краеведов [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://kl-21.narod.ru (дата обращения: 11.03.2020).
3. Лавринов Д.Г. Динамика этнокультурной идентичности в условиях глобализации: дис. ... канд. филос. наук. – М., 2008. – 136 с.
4. Невзорова Е. Уроки кацкого: диалектная речь на страницах краеведческого издания «Кацкая летопись» [Текст] / Е. Невзорова, А. Маслова // Современные медиа: процессы и контексты: материалы IV очно-заочной всероссийской научно-практической конференции с международным участием, посвященной 5-летию кафедры и 20-летию журналистского образования в Ярославле. – Ярославль, 2017. – С. 72–76.
5. Некоммерческая организация Клуб «Кацкая летопись» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://nko76.ru/luchshie-praktiki/nekommercheskaya-organizaciya-klub-kackaya-letopis-2.html (дата обращения: 11.03.2020).
6. Суслов А. Главный хранитель кацкого мира [Текст] // Углече поле. – 2012. – №14. – С. 2.
7. Темняткин С.Н. Моя Кацкая Русь: люди, предания, обычаи, верования зап. земель Яросл. края / С.Н. Темняткин; под ред.: Е.А. Ермолин, А.М. Рутман; худож. Е.М. Чернова. – Ярославль: Александр Рутман, 2003. – 189 с.

References

1. Gulida, V. B. (2013). Conference "Folk Linguistics": a view of native speakers on the language". Problems of linguistics, 5, 136-144.
2. Katskaia letopis'. Gazeta kraevedov. Retrieved from http://kl-21.narod.ru
3. Lavrinov, D. G. (2008). Dinamika etnokul'turnoi identichnosti v usloviiakh globalizatsii [Dynamics of ethnic and cultural identity in the context of globalization]., 136. Moscow.
4. Nevzorova, E., & Maslova, A. (2017). Uroki katskogo: dialektnaia rech' na stranitsakh kraevedcheskogo izdaniia "Katskaia letopis'". Sovremennye media: protsessy i konteksty., 72-76. Yaroslavl'.
5. Nekommercheskaia organizatsiia Klub "Katskaia letopis'". Retrieved from https://nko76.ru/luchshie-praktiki/nekommercheskaya-organizaciya-klub-kackaya-letopis-2.html (date of access: 11.03.2020).
6. Suslov, A. (2012). Glavnyi khranitel' katskogo mira. Ugleche pole, 14, 2.
7. Temniatkin, S. N. (2003). Moia Katskaia Rus': liudi, predaniia, obychai, verovaniia zap. zemel' Iarosl. kraia., 189. Ermolin, E. A. (eds.), Chernova, E. M. (des.). Yaroslavl': Aleksandr Rutman.

Информация об авторе

Невзорова Екатерина Дмитриевна – ассистент ФГБОУ ВО «Ярославский государственный педагогический университет им. К.Д. Ушинского», Ярославль, Российская Федерация

Information about the author

Ekaterina D. Nevzorova – teaching assistant of FSBEI of HE "Yaroslavl State Pedagogical University named after K.D. Ushinsky", Yaroslavl, Russian Federation

CC BY

Масленица в историографии социально-культурной деятельности

DOI 10.31483/r-74919
УДК 379.8

Рябков В.М.
ФГБОУ ВО «Челябинский государственный институт культуры»,
Челябинск, Росийская Федерация.
https://orcid.org/0000-0003-0201-3131, e-mail: ryabkov2010@yandex.ru

Резюме: Статья посвящена рассмотрению «Масленицы» в историографии социально-культурной деятельности. Отмечается, что «Масленица» как народный праздник появился еще до крещения Руси. Автор подчеркивает, что исследование историографии праздника представляет несомненный интерес, как для учёных и практиков досуговой сферы, так как подобное исследование проводится впервые.

Цель исследования – раскрыть как историки, этнографы, фольклористы исследовали «Масленицу» в различные периоды Российской истории. В *задачу* автора входило показать структуру Масленицы, организацию её проведения и многочисленные досуговые формы её проведения, а также отразить через многочисленные исследования как праздновался каждый день Масленицы.

Методы. В исследовании использованы различные источники (монографии, статьи, диссертации) работы, раскрывающие содержание и проведение Масленицы в различные исторические периоды.

В статье дан историографический анализ народного праздника «Масленица.» Автор отмечает, что в настоящее время историография социально-культурной деятельности, как отрасль педагогической науки стала самостоятельным разделом исследования наравне с историей и теорией социально-культурной деятельности. Подчеркивается, что исследование форм праздничной и развлекательной культуры в истории социально-культурной деятельности, является одним из направлений историографии в социально-культурной деятельности. Историография социально-культурной деятельности в своём научном развитии делает первые самостоятельные шаги. Научная новизна данного исследования несомненна. На фундаментальном историографическом материале автор показывает возникновение «Масленицы», её структуру, организацию и проведение. В статье раскрыт каждый день Масленицы и досуговые формы его проведения.

Ключевые слова: масленица, историография, социально-культурная деятельность, встреча, заигрыши, лакомка, широкий четверг, тёщины вечёрки, золовкины посиделки, прощеный день, праздник, праздничная и развлекательная культура, досуг.

Для цитирования: Рябков В.М. Масленица в историографии социально-культурной деятельности // *Этническая культура*. – 2020. – № 2 (3). – С. 42-51. DOI:10.31483/r-74919.

Maslenitsa in the Historiography of Socio-Cultural Activities

Vladimir M. Riabkov
FSBEI of HE "Chelyabinsk State Institute of Culture",
Chelyabinsk, Russian Federation.
https://orcid.org/0000-0003-0201-3131, e-mail: ryabkov2010@yandex.ru

Abstract: The article is devoted to the consideration of "Maslenitsa" in the historiography of social and cultural activities. It is noted that "Maslenitsa" as a national holiday appeared before the baptism of Russia. The author emphasizes that the study of the historiography of the holiday is of undoubted interest, both for scientists and practitioners of the leisure sphere, since such research is conducted for the first time.

The purpose of the research is to reveal how historians, ethnographers, and folklorists studied Maslenitsa in various periods of Russian history. The author's *task* was to show the structure of Maslenitsa, the organization of its holding and numerous leisure forms of its holding, as well as to show through numerous studies how each day of Maslenitsa was celebrated.

Methods. Various sources (monographs, articles, dissertations) that reveal the content and conduct of Maslenitsa in various historical periods are used in the study.

The article provides a historiographical analysis of the national holiday "Maslenitsa". The author points out that at present the historiography of social and cultural activities, as a branch of pedagogical science, has become an independent section of research on a par with the history and theory of social and cultural activities. It is emphasized that the study of forms of holiday and entertainment culture in the history of socio-cultural activities is one of the directions of historiography in socio-cultural activities. Historiography of socio-cultural activity in its scientific development makes the first independent steps. The scientific novelty of this research is undeniable. Based on the fundamental historiographical material, the author shows the emergence of the "Maslenitsa", its structure, organization and conduct. In the article each day of the holiday and entertainment ways for its conduct are defined.

Keywords: holiday, leisure, Maslenitsa, historiography, sociocultural activities, meeting, zaigryshi, lakomka, shirokij Chetverg, mother-in-law's evening, sister in law's gatherings, Sorry and Forgive day, holiday and entertainment culture.

For citation: Riabkov V.M. (2020). Maslenitsa in the Historiography of Socio-Cultural Activities. *Etnicheskaya kultura = Ethnic Culture, 2(3)*, 42-51. (In Russ.) DOI:10.31483/r-74919.

CC BY

Введение

Масленица как народный праздник известен ещё до крещения на Руси. Однако историография Масленицы в системе истории социально-культурной деятельности не исследовалась. Цель данной статьи – устранить этот пробел в историографии социально-культурной деятельности. Автор попытался выявить максимум публикаций о Масленице XIX-XXI веков и на их основе раскрыть её возникновение, организацию, проведение и разнообразные формы досуга населения в период проведения Масленицы.

Методы

При написании статьи были использованы следующие методы исследования: метод историзма, логический метод, сравнительно-исторический метод, хронологический, периодизации, ретроспективный, актуализации. Использование данных методов позволило автору глубже проникнуть в суть исследования и раскрыть все особенности такого народного праздника как Масленица.

Результаты

Данное исследование позволило расширить направления историографии социально-культурной деятельности как учебного курса, проводимого в вузах культуры и искусств, показать, что Масленица как народный праздник, пройдя через века, не утратила своей актуальности и проводится в современном XXI веке, обогащая народную культуру общества.

Обсуждение

Историография социально-культурной деятельности – это новое направление в социально-культурной деятельности наряду с историей, теорией и биографикой. Поэтому раскрытие глубины исторических форм досуга в историографии позволяет студентам, магистрам, аспирантам и преподавателям вузов глубже проникнуть в проблемы историографии исторического досуга молодёжи и всего населения.

Текст статьи

В настоящее время историография социально-культурной деятельности, как отрасль педагогической науки стала самостоятельным разделом исследования наравне с историей и теорией социально-культурной деятельности. Историография социально-культурной деятельности в своём научном развитии делает первые самостоятельные шаги.

Н.Н. Ярошенко – доктор педагогических наук, профессор, зав. кафедрой социально-культурной деятельности Московского государственного института культуры, анализируя этапы развития историографии, отмечает следующее: «Многообразие исследовательских материалов по истории социально-культурной деятельности потребовало разработки современного историографического аппарата. Эту задачу в определённой мере выполняют исследования доктора педагогических наук, профессора В.М. Рябкова. Его работы, опубликованные в советский период, стали практически первыми исследованиями по историографии социально-культурной деятельности. Логичным продолжением разработки данной проблемы стала защита докторской диссертации В.М. Рябкова «Историография педагогической теории социально-культурной деятельности: вторая половина XX – начало XXI в.» [69]. По материалам данного исследования В.М. Рябков выпустил несколько монографий, учебных пособий, хрестоматий и других изданий» [85, с. 123].

Исследование форм праздничной и развлекательной культуры в истории социально-культурной деятельности, является одним из направлений историографии культурологии и социально-культурной деятельности. В этом направлении надо назвать работу В.М. Рябкова, которая внесла значительный вклад в историографию культурологии и социально-культурной деятельности, «Антология форм праздничной и развлекательной культуры» в 12 томах, изданная в период с 2006–2018 годы в Челябинском государственном институте культуры» [68]. К этому ряду работ надо отнести статьи по историографии форм в истории социально-культурной деятельности В.М. Рябкова «Посиделки как форма досуга молодёжи на Руси (историографический аспект)» [71], «Агитсуд как форма театрализованной клубной работы 1920-х годов XX века (историографический аспект)» [72], «Театрализованные формы клубной работы 1920-х годов XX века (историографический аспект)» [70].

Среди форм праздничной и развлекательной культуры в историографии социально-культурной деятельности особое место занимает российский народный праздник «Масленица». Праздника «Масленица» в народе ждут. Как интересно отмечает Татьяна Александровна Бернштам – доктор исторических наук, профессор, гл. специалист музея антропологии и этнографии им. Петра Великого, в монографии «Молодёжь в обрядовой жизни русской общины в XIX – начале XX века», историк этнограф-фольклорист «Мы целый год трудимся для праздника» [9, с. 224]. Николай Дубровский историк-этнограф XIX века так описывает «Масленицу»: «Масленица у нас, на Руси, есть самый разгульный народный праздник; народ недаром называет масленицу широкою и честною (в том смысле, что народ её чествует). Почти целую неделю идут попойки и взаимные угощения; много пьется и ется в масленичные дни, но всего более поглощается горячих поджаристых блинов» [26, с. 3].

И. Грачева – кандидат филологических наук, исследуя «Масленицу» в статье «Широкая Масленица», пишет: «Для славян она долгое время была и встречей нового года! Ведь до XIV века год на Руси начинался с марта. А по давним поверьям считалось: как встретит человек год, таким он и будет. Потому и не скупились русичи в этот праздник на щедрое застолье и безудержное веселье. И называли масленицу в народе «честной», «широкой», «обжорной», а то и «разорительницей» [22, с. 134].

Все исследования, посвященные Масленице, можно разделить на три периода. Первый период – иссле-

CC BY

дования XIX века. Второй период – работы XX века и третий период – диссертации, монографии и статьи XXI века. Рассмотрим исследования Масленицы в историографии XIX века. В первую очередь надо назвать исследование историка, этнографа-фольклориста, М.М. Забылина «Русский народ. Его обычаи, обряды, предания, суеверия и поэзия», в которой он детально рассматривает Масленицу, её возникновение и проведение [45, с. 34–46]. Интересна работа, историка, Ф.Ф. Миллера. Исследуя «Масленицу», её истоки, структуру и проведение, он сравнивает её с западноевропейским карнавалом [47, с. 58].

Известный учёный этнограф-фольклорист, И.П. Сахаров, не только раскрывает структуру «Масленицы», но и приводит примеры проведения в различных регионах России [73, с. 127–132]. Масленицу исследовали такие известные в России историки, этнографы-фольклористы XIX века как: Н.И. Костомаров [31], И.М. Снегирёв [74, с. 67–76], А.В. Терещенко [77, с. 282–300], А.А. Коринфский [29, с. 157–166], Н. Дубровский [26]. Надо выделить исследования авторов, которые исследовали Масленицу в различных регионах России. Проведение Масленицы в Сибири изучали Е.А. Авдеева [1 с. 224–228], И.Д. Репортер [65, с. 6–7]. Масленицу в Тюменском уезде изучал Н.А. Городцов [21, с. 15–29], а проведение Масленицы в Псковской губернии исследовал И.К. Копаневич [28]. А.Ф. Некрылова описывает катальные горы в народные праздники [51, с.105–110]. М.В. Шабанова описывает интересные «Традиционные формы досугового общения крестьянства в конце XIX – начале XX вв.» [81, с. 13–19].

Исследования учёными-историками, этнографами-фольклористами, культурологами XX века направлены как на раскрытие исторической глубины возникновения «Масленицы», так и на практические формы организации и её проведения. Среди этих исследований необходимо выделить исторические культурологические исследования А.Ф. Некрыловой «Русские народные городские праздники, увеселения и зрелища. Конец XVIII – начало XX в.» [50]. Раскрывая народные праздники в разделе «Праздничная площадь», Александра Федоровна особое внимание обращает на празднование «Масленицы». Интересные суждения о Масленице высказывает Вологодский писатель, Василий Иванович Белов, в исследовании «Лад: Очерки о народной эстетике» [11, с. 225–226]. Он утверждает, что «Масленица, как и святки, – одно из звеньев прочной цепи, составленной из общественно-семейных драматизированных обрядов. В годовом цикле таких обрядовых, следовавших один за другим периодов, масленица занимала свое прочное и определенное место. Она же была в некотором роде и продолжением семейных, например, свадебных обрядов» [11, с. 225]. Уральский учёный А.И. Лазарев – доктор филологических наук, профессор, этнограф-фольклорист, считает, что «Масленица» – «этот праздник также восходит к языческим временам и связан с поклонением славян солнцу. Справлялся он примерно в пору весеннего равноденствия и искони рассматривался как обряд проводов «русской зимы» [33, с. 94]. Он считал, что Масленица семейный праздник, о чём он пишет в исследовании «Народоведение» в разделе «Семейный праздник – Масленица» [34, с. 179–210]. Масленицу у семейских Забайкалья второй половины XIX – начале XX века исследовал Фирс Федосеевич Болонев, доктор исторических наук, профессор – исследователь истории материальной и духовной культуры, фольклора русского населения Сибири [15, с. 143–156]. Культуру проведения Масленицы и её особенности раскрывает Марина Михайловна Громыко – доктор исторических наук, профессор, этнограф, в работе «Духовная культура русского крестьянства» [25, с. 350–359]. В.А. Липинская показывает народные традиции в Масленице русского населения Алтайского края [38, с. 120–125]. В.А. Коршунков, исследуя Масленицу в статье «Имена Масленицы», пишет, что в разные времена Масленицу называли, Дуней, Авдотьей, Прасковьющей, выражая этим любовь к народному зимнему празднику [30, с. 43–48].

Историография культурологических исследований в истории социально-культурной деятельности XX века, посвященных Масленице обширна. Поэтому далее назовём лишь авторов и названия их работ: А. Бенуа «Чудеса в решете. Масленица в старину» [12, с. 8–10]; И.А. Бунин в сборнике рассказов «Чистый понедельник» [13] описывает московскую жизнь начала XX века на масленичной неделе; В. Григорьев «Зиму провожали: [Игры и потехи в Масленицу]» [24, с. 44–45]; М.Н. Зеленецкий «Праздник «русской зимы» [27, с. 121]; М.В. Красноженова «Взятие «снежного городка» в Енисейской губернии» [32, с. 32–34]; А. Лузгина описываем масленичные сани и их использование в Масленицу [39, с. 6–7]; Л.П. Ляховская в «Масленице» [41, с. 120–122]; В. Макаров «Праздник – «Всем – миром»: [Масленица] [42,с. 22]; Масленица в Поволжье [43]; М. Милютина «Тридцати братьев сестра: [Масленица] [44, с. 80–82]; Г. Науменко. «Широкая масленица» [49, с. 2–3]; А. Новиков «Несколько заметок о сибирской масленице» [52, с. 176]; М. Новицкая «Масленица, широка да румяна» [54, с. 10]; Г.А. Носова «Картографирование русской масленичной обрядности (на материалах XIX начала XX века)» [55, с. 45–56]; А.М. Новикова в работе «Календарно-обрядовая поэзия» [53] приводит примеры обрядовых песен в весенние масленичные праздники; Н.Е. Ончуков «Масленица» [56, с. 115–120]; Е.Б. Островский «Масленица» [57, с. 213–223]; И.А. Панкеев «Масленица» [59, с. 364–370]; И.А. Панкеев описывает проведение масленицы в исследовании «От зимних святок до зелёных» [58. с. 215–216,]; Н.В. Понырко «Масленичный смех» [61, с. 175–202]; И.С. Попова «Типология фольклорных форм в системе масляничных обрядов Новгородской области» [62]; М.Г. Рабинович «Взятие снежного городка, борьба, кулачный бой» [64, с. 162–166]; В.К. Соколова «Масленица» [75, с. 11–93]; Ю.Н. Фалатов «Широкая масленица» [79, с. 77–84]; С.А. Шмаков «Масленица» [82, с. 183–229]; Н. Щербина «Пришла Масленица, «Блины маслены» [84, с. 23–25].

CC BY

Изучение историографии Масленицы XXI века свидетельствует о том, что исследователи рассматривают как теоретические, так и практические аспекты её организации и проведения. В первую очередь надо выделить диссертационное исследование П.Н. Алпатовой [4]. Она рассматривает Тамбовскую Масленицу как текст, её семиотику, символику и терминологию обрядов на общерусском фоне. Особый интерес в историографии Масленицы XXI века представляет статья аспиранта Китайского университета политики и права, Вань Ицяна, «Масленица: история праздника и его традиции», опубликованная в 2017 в журнале «Образование и наука в России и за рубежом» [18, с. 53–65]. Исследуя российскую Масленицу, её национальный характер, выделяя такие черты как воинственность, гостеприимство, весёлый задорный характер, используемых досуговых форм. В заключение Вань Ицян пишет: «Масленица, как самый популярный, широкий и весёлый национальный праздник России, может отражать черты русского национального характера через свои уникальные обычаи, обряды и традиции… русского национального характера: религиозность, воинственность, гостеприимство и соборность» [18, с. 65].

Интересное исследование провёл Михаил Иванович Васильев – доктор исторических наук, профессор Санкт-Петербургского государственного экономического университета, посвященное масленичному ряжению, сопоставляя его со святочным ряжением. Он отмечает, что «можно констатировать наличие более слабой и менее разнообразной масленичной традиции ряженья по сравнению со святочным ряженьем в новгородском регионе. Некоторые персонажи масленичного ряженья были внешне сходными со святочными, однако отличались от последних «уличным» характером и определенной связью с молодоженами. Характерным персонажем масленичного ряженья в Новгородской губ. выступает лошадь с санями и возницей/всадником, имитирующих образ уходящей зимы и наступающего Великого поста, с гипертрофированными признаками старости, увядания и смеховыми элементами (соломенные вязки, веники, езда задом наперед, езда в корыте, сатирические выкрики и др.)» [19, с. 50]; см. также [20, с. 23–22.].

Исследовали Масленицу в XXI веке такие ученые как: Т.А. Агапкина «Масленица» [2, с. 194–199]; О. Акулова «Широкая масляница» в Москве» [3, с. 2–5]; В. Андреев «Масленица» [5, с. 48]; Т. Аничкин «Не жизнь, а масленица: [О подготовке и проведении Масленицы]» [6, с. 7–11]; О. Архипова Масленица: [Проведение урока – праздника]» [8, с. 51–54]; М. Бакшеев Большая, щедрая и широкая: [празднование Масленицы на Руси]» [10, с. 170–175]; К. Гратис «Тёмные силы против Масленицы» [23, с. 6–7]; Л.Н. Лазарева «Масленица – проводы зимы (за 50 дней до Пасхи)» [35, с. 47–51]; Л.Н. Лазарева «Масленица» [36, с. 32–34]; Д.И. Латышева «Народные праздники: Масленица. Весенне-летние праздники – Ивана Купала» [37, с. 117–122]; О. Мурашова «Встречаем Масленицу: [Сценарий театрализованного представления]» [48, с. 23–24]; Е. Романкевич «Проводы Масленицы: [Сценарий театрализованного представления для начальной школы]» [66, с. 25–26]; И. Чувилин «От «Встреч» до «Прощёного дня» [80, с. 4–5]; И.С. Шмелёв «Масленица» [83, с. 165]; Е. Тришкин предлагает сценарий фольклорного действа «Масленица» [78, с. 24–25].

Особый интерес в историографии Масленицы представляет раскрытие её структуры и проведение каждого дня. Иван Михайлович Снегирёв – историк, этнограф, фольклорист XIX века, исследуя Масленицу, выделял три части в её проведении. Он отмечал: «Масленица собственно состоит из трёх частей: встречи, в понедельник, разгула или перелома, в так называемый широкий четверг, и прощания. Как праздник народный, она начинается с понедельника, а как праздник гражданский – с четверга» [74, с. 68–69]. В.К. Соколова – историк-этнограф, изучая Масленицу, выделяет ряд её особенностей. Она пишет в статье «Масленица (её состав, развитие и специфика)»: «Русская масленица второй половины XIX – начала XX в. при наличии областных и локальных различий имела общие основные особенности. Можно выделить наиболее существенные ее элементы:

1) проводы масленицы;
2) обычаи, связанные с молодоженами;
3) катания с гор и на лошадях;
4) блины;
5) поминовение умерших.

К этому присоединялись различные увеселения, игры, которые с забвением первоначального смысла обряда все более выдвигались на первый план. Это давало широкий простор народному творчеству и фантазии, проявлявшимся в различных шутках и забавах» [76, с. 48].

Традиционно Масленица проводится в конце февраля начале марта и продолжается семь дней с понедельника по воскресенье. Каждый день имеет своё название и празднуется по-своему. Понедельник – «Встреча Масленицы», вторник – «Заигрыши», среда – «Лакомка», четверг в народе прозвали «Разгуляй», пятница – «Тещины вечерки», суббота – «Золовкины посиделки», воскресенье – апофеоз Масленицы – «Прощеное воскресенье».

Первый день Масленицы «Встреча». Иван Петрович Сахаров – русский ученый этнограф-фольклорист, исследуя проведение Масленицы в XIX веке, так описывает её первый день. «На первый день Масленицы, пишет он, – наш народ справляет «встречу честной Масленицы, широкой боярыни». Дети с утра выходят на улицу строить снежные горы. Здесь они, устроив горы, скороговоркою причитывают: «Звал, позывал честной Семик широкую Масленицу к себе в гости во двор. Душа ль ты моя, Масленица, перепелиные косточки, бумажное твое тельцо, сахарные твои уста, сладкая твоя речь! Приезжай ко мне в гости на широк двор на горах покататься, в блинах поваляться, сердцем потешаться. Уж ты ль, моя Масленица, красная краса, русая коса, тридцати братов сестра, сорока бабушек внучка, трех материна дочка, кеточка, ясочка, ты же моя перепелочка! Приезжай ко мне во тесовый дом

CC BY

душой потешаться, умом повеселиться, речью насладиться» [73, с. 127–128]. Традиционным ритуальным явлением в Масленицу было печь блины. «Богатые люди, – писал И.П. Сахаров, – с понедельника начинают печь блины, а бедные с четверга или пятницы. В старину первый блин отдавался нищей братии на помин усопшим. В степных селениях первый блин кладут на слуховое окошко для душ родительских. Старухи, кладя блин на это окно, приговаривают: «Честные наши родители! вот для вашей душки блинок» [73, с. 128].

«К первому дню масленицы, пишет И. П. Сахаров, – устраиваются общественные горы, качели, вислые и круглые, балаганы для скоморохов (паяцев и комедиантов), столы с сладимыми яствами: здесь народ торговый сбирает дань с праздности и лени; здесь копейка ставится на ребро. Не ходить на горы, не качаться на качелях, не потешаться над скоморохами, не отведать сладимых яств – значило в старину: жить в горькой беде, и то при старости, лежать на смертном одре, сидеть калекой без ног» [73, с. 128].

Второй день Масленицы «Заигрыши». Снова обращаемся к трудам И.П. Сахарова, который исследуя Масленицу, не только описывает дни её проведения, но в структуре каждого дня, раскрывает народные традиции, приметы, принятые в деревенской жизни, делая описание ярким и живым. Это можно проследить на примере второго дня Масленицы «Заигрыши». «На Заигрыши с утра, – пишет И.П. Сахаров, – приглашаются девицы и молодцы покататься на горах, поесть блинов. В богатых домах к этому дню братцы устраивали горы для сестриц среди двора. Матушки посылали позыватоk звать по родным и знакомым дочек и сынков, с наказом: у нас, де, горы готовы и блины испечены – просим жаловать… Гостей принимали с встречами у ворот, крыльца и образной. После нескольких угощений гостей отпускали потешиться на горы. Здесь братцы высматривали невест, а сестрицы поглядывали украдкой на суженых [73, с. 129].

Третий день Масленицы «Лакомка». «На лакомку, в среду, – пишет И.А. Панкеев в исследовании «*Обычаи и традиции русского народа*», – тещи приглашали своих зятьев к блинам, а для забавы любимого зятя сзывали всех своих родных… Насмешливый русский народ составил несколько песен о заботливости тещи при угощении зятя. Эти песни вечером поют холостые, с разными олицетворениями. Здесь наряженный медведь играет разные фарсы, «как теща про зятя блины пекла – как у тещи головушка болит – как зять-то удал теще спасибо сказал» [59, с. 366]. Т. Антипина, исследуя лакомку, так и пишет «К тёще на блины» [7, с. 7–12]; см. также Э.О. Бондаренко «Масленица [Лакомка]» [16, с. 101].

Четвёртый день Масленицы «Широкий четверг». В широкий четверг начинается масленичный разгул: катанье по улицам, разные обряды и кулачные бои, как форма масленичного развлечения. Владимир Яковлевич Пропп, профессор Ленинградского государственного университета, советский филолог, фольклорист, считал, что «издревле известные в России борьба и кулачный бой составляли одну из любимых забав народных, особенно в Сырную неделю: на улицах и на реке бьются сам на сам или один на один. Это стенной бой, стена на стенку». Они могли проходить в любое время и составляли излюбленное масленичное развлечение [62, с. 133]. Н. Дубровский – историк XIX века в исследовании «Масленица» даёт интересное описание кулачного боя в Тульской губернии. Он считает кулачный бой масленичной потехой, но потехой кровавой [26, с. 31]. С.П. Бушкеевич раскрывает особенности «великого четверга» на западе Вологодской области [17, с. 7–8].

Пятый день Масленицы «Тёщины вечёрки». Тёщины вечёрки – этот день праздника был более всего семейный, по сравнению с другими вечёрками и посиделками, проводившиеся в «Масленицу» И.П. Сахаров – известный русский этнограф-фольклорист, исследовавший «Масленицу», писал: «На тёщины вечёрки зятья угощают своих тёщ блинами. Приглашения бывают почетные со всей родней к обеду или запросто на один ужин. В старину зять обязан был с вечера лично приглашать тёщу, а потом утром, присылать нарядных зватых. Чем более бывало зватых, тем тёще более оказывалось почести. Дружко или сват приглашались к таким нарядным позывам и за свои хлопоты с обеих сторон получали подарки» [73, с. 130]. Описание проведения «Тёщиных вечёрок» можно найти в исследованиях А.И. Лазарева [33, с. 96–106], И.А. Панкеева [59], в «Энциклопедии российских праздников» [46].

Шестой день Масленицы. «Золовкины посиделки». Предпоследний день Масленицы – молодые невестки приглашали в гости золовок и должны были подарить им подарки. Кроме них они звали своих подруг, причем если золовки были замужем, приглашались замужние подруги, если же нет – то, наоборот, незамужние. Александр Иванович Лазарев, доктор филологических наук, профессор, исследователь этнограф и фольклорист, считал, что Золовкины посиделки – это день игр, забав и песен. В исследовании «Уральские посиделки» [33; 34]. Анализируя их проведение, он выделял, что там не полагалось особых угощений, кроме чая с пирогами, но можно было хорошо повеселиться [33, с. 107]. Интересное описание зимних вечёрок даёт О. Пашина [60, с. 88–91].

Традиционно в субботу Масленицы проводилась игра «Взятие снежного городка. Владимир Яковлевич Пропп, советский филолог, фольклорист, профессор Ленинградского государственного университета, так описывал игру-забаву «Взятие снежного городка». Он отмечал, что «игра начинается так: ребята разделяются на две партии – на конницу, которая осаждает городок, и на пехоту, которая защищает его. Устроясь в боевом по рядке, конные, по данному знаку, пускаются во всю прыть на взятии городка, где пешие, вооруженные пометами и метлами, стараются маханием испугать лошадей, чтобы не допустить к городку. Но некоторые из конных, невзирая на сопротивление, прорываются CKBOSJ пехоту и на всем скаку въезжают в ворота снежной крепости, что значит взять городок. Победителя купают в проруби» [63, с. 134]. О «Взятии снежного городка» пишет Г.В. Любимова [40, с. 131–137].

CC BY

Седьмой день Масленицы. «Прощеное воскресенье». Воскресенье – проводы, (также называется: Целовальник, Прощёный день, Заговенье, Прощеное воскресенье). Это главный день всей масленичной недели. В воскресенье происходило заговенье перед началом Великого поста. Все традиционно просили друг у друга прощения за все причиненные за год неприятности и обиды, а вечером поминали усопших. Кроме того, в этот день ходили в баню, остатки праздничной еды сжигали и посуду тщательно мыли. Кульминацией праздника было торжественно сжигаемое чучело Масленицы, оставшийся пепел рассыпали по полям.

И.А. Панкеев, раскрывая «Прощеное воскресенье» в работе «Обычаи и традиции русского народа», выделял не только ритуал прощения, но и одаривание подарками. Он отмечал, что «на прощеный день ездят отдаривать кума с кумой. За ризки и зубок привозят соответственные подарки равным по состоянию, щедрые бедным. И здесь пряники составляют необходимую принадлежность. В деревнях самый почетный подарок для кума состоит из полотенца, для кумы из бруска мыла. Прощание между родными и знакомыми происходит вечером. Прощаться приходят родные к старшему в роде, бедные к богатым. В старые годы на прощанье приносили пряники. Прощаясь, говорили, по обыкновению, друг другу: «Прости меня, пожалуй, буде, в чем виноват пред тобою». Прощание заключалось поцелуем и низким поклоном. Прощание между домашними бывало после ужина, пред сном. Здесь дети кланялись в ноги своим родителям и просили прощения. После их приходили все находящиеся в услужении и справляли свое челобитье» [59, с. 366]. О «прощеном воскресенье» пишет П.Г. Богатырев [14, с. 229], а также В.Г. Руделев в статье «Прощай Масленица» [67, с. 48–54].

Заключение

Завершая исследование Масленицы в историографии истории социально-культурной деятельности, хотелось бы отметить, что лучшие традиции Масленицы, её игры, забавы и угощение блинами, катание с горок и сожжение чучела Масленицы сохранились до настоящего времени.

Список литературы

1. Авдеева Е.А. Очерки масленицы в Сибири и в Европейской России / Е.А. Авдеева // Отечественные записки. – 1849. – Т. 2, №1. – С. 224–228.
2. Агапкина Т.А. Масленица // Славянские древности: Этнолингвистический словарь: в 5 т. Т. 3 / под общ. ред. Н.И. Толстого; Институт славяноведения РАН. – М.: Международные отношения, 2004. – С. 194–199.
3. Акулова О. «Широкая масляница» в Москве / О. Акулова, Г. Арутюнова // Народное творчество. – 2004. – №1. – С. 2–5.
4. Алпатова П.Н. Тамбовская масленица как текст: семиотика, символика и терминология обрядов: на общерусском фоне: Автореф. дис … канд. филол. наук. – Тамбов, 2002. – 25 с.
5. Андреев В. Масленица // Культ.-просвет. работа (Встреча). – 2004. – №1. – С. 48.
6. Аничкин Т. Не жизнь, а масленица: [О подготовке и проведении Масленицы] / Т. Аничкин, Г. Елизарова, М. Гривцов // Праздник. – 2003. – №2. – С. 7–11.
7. Антипина Т. К тёще на блины: [Масленица] // Народное творчество. – 1994. – №1. – С. 6–7.
8. Архипова О. Масленица: [Проведение урока – праздника] // Искусство в школе. – 2000. – №6. – С. 51–54.
9. Бернштам Т.А. Молодёжь в обрядовой жизни русской общины XIX – начала XX века. Половозрастной аспект традиционной культуры. – Л.: Наука, 1988. – 280 с.
10. Башкеев М. Большая, щедрая и широкая: [празднование Масленицы на Руси] // Смена. – 2006. – №2. – С. 170–175.
11. Белов В.И. Масленица // Белов В.И. Лад: Очерки о народной эстетике. – Архангельск; Вологда: Сев.-Зап. кн. изд-во; Волог. отд-ние, 1985. – С. 225–226.
12. Бенуа А. Чудеса в решете. Масленица в старину // Красная панорама. – 1924. – №5. – С. 8–10.
13. Бунин И.А. Чистый четверг: сборник рассказов. – М.: Детская литература, 2016. – 461 с.
14. Богатырёв П.Г. Прощёное воскресенье // Вопросы теории народного искусства. – М., 1971. – С. 229.
15. Болонев Ф.Ф. Масленица у семейских Забайкалья во второй половине X1X – начале XX вв. // Из истории семьи и быта сибирского крестьянства в XVШ – начале XX в.: сб. науч. тр.; Новосиб. гос. ун-т. – Новосибирск, 1975. – С. 143–156.
16. Бондаренко Э.О. Масленица: [Лакомка] // Праздники христианской Руси: Русский народный православный календарь. – Калининград, 2004. – С. 101.
17. Бушкевич С.П. Великий четверг на западе Вологодской области // Живая старина. – 2003. – №1. – С. 7–8.
18. Вань И. Масленица: история праздника и его традиции // Образование и наука в России и за рубежом. – 2017. – №3. – С. 53–65.
19. Васильев М.И. Традиции масленичного ряженья в Новгородской губернии (в контексте ареальных исследований русской Масленицы) // Гуманитарные научные исследования. – 2015. – №11 (51). – С. 39–50.
20. Васильев М.И. Новгородские традиции проводов Масленицы (в контексте ареальных исследований Г.А. Носовой и В.К. Соколовой) // Гуманитарные научные исследования. – 2015. – №9 (49). – С. 13–22.
21. Городцов Н.А. Праздники и обряды крестьян Тюменского уезда // Ежегодник Тобольского губернского музея. – 1915. – Вып. XXV1. – С. 15– 9.
22. Грачева И. Широкая Масленица // Наука и жизнь. – 1998. – №2. – С. 134–139.
23. Гратис К. Тёмные силы против Масленицы // Народное творчество. – 2004. – №1. – С. 6–7.
24. Григорьев В. Зиму провожали: [Игры и потехи в Масленицу] // Народное творчество. – 1990. – №2. – С. 44–45.
25. Громыко М.М. Духовная культура русского крестьянства // Очерки русской культуры XVШ века. Ч. 4 / под ред. Б.А. Рыбакова. – М., 1990. – С. 299–360.

CC BY

26. Дубровский Н. Масленица. – М.: Типогр. С. Еливановского, 1870. – 46 с.
27. Зеленецкий М.Н. Праздник «русской зимы» // Культурно-просветительная работа: Содержание и методика: учебн. пособие. – Л., 1960. – С. 121.
28. Копаневич И.К. Как проводится масленица в Псковской губернии. – Псков, 1903. – 15 с.
29. Коринфский А.А. Честная госпожа Масленица. – М.: Народная Русь, 1901. – С. 157–166.
30. Коршунков В.А. Имена Масленицы (этнографический комментарий к обрядовому фольклору) // Вестник Челяб. гос. ун-та. Филология. – 1998. – №1. – С. 43–48.
31. Костомаров Н.И. Очерк домашней жизни и нравов великорусского народа в XV1 и XVII столетиях. – М.: Республика, 1992. – 303 с.
32. Красноженова М.В. Взятие «снежного городка» в Енисейской губернии // Сибирская живая старина. – Иркутск, 1924. – Вып. 2. – С. 32–34.
33. Лазарев А.И. Пришла масленица, блины масленые! // Уральские посиделки. – Челябинск, 1977. – С. 93–117.
34. Лазарев А.И. Семейный праздник – Масленица // Народоведение. – Челябинск, 1997. – С. 179–210.
35. Лазарева Л.Н. Масленица – проводы зимы (за 50 дней до Пасхи) // История и теория праздников. – Челябинск, 2004. – С. 47–51.
36. Лазарева Л.Н. Масленица // История и теория праздников. – Челябинск, 2003. – С. 32–34.
37. Латышина Д.И. Народные праздники: Масленица. Весенне-летние праздники – Ивана Купала // Традиции воспитания детей у русского народа. – М., 2004. – С. 117–122.
38. Липинская В.А. Народные традиции в современных календарных обрядах и праздниках русского населения Алтайского края // Русские: семейный и общественный быт. – М.: Наука, 1989. – С. 111–141.
39. Лузгина А. Где праздник, там и сани: [Рассказ об изготовлении праздничных саней к празднику в т. ч. и к «Масленице»] // Народное творчество. – 1994. – №6. – С. 6–7.
40. Любимова Г.В. Заметки о сибирской Масленице: Взятие снежного городка // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2002. – №4. – С. 131–137.
41. Ляховская Л.П. Масленица // Календарь славянской жизни и трапезы: праздники, обычаи, обряды, кухня. – М., 1996. – С. 120–122.
42. Макаров В. Праздник – «Всем – миром»: [Масленица] // Клуб. – 1994. – №10. – С. 22.
43. Масленица // Традиционные обряды и обрядовый фольклор русских Поволжья / сост. Г.Г. Шаповалова, Л.С. Лаврентьева. – Л., 1985. – С. 26–39.
44. Милютина М. Тридцати братьев сестра: [Масленица] // Студенческий меридиан. – 2005. – №2. – С. 80–82.
45. Масленица // Русский народ. Его обычаи, обряды, предания, суеверия и поэзия / собр. М. Забылиным. – М.: Книга, 1990. – С. 34–48.
46. Масленица // Энциклопедия российских праздников / сост. В. Воскобойников, Н. Голь. – СПб.: Респекс, 1997. – С. 122–123.
47. Миллер В.Ф. Русская масленица и западноевропейский карнавал. – М.: Университетская типография, 1884. – 58 с.
48. Мурашова О. Встречаем Масленицу: [Сценарий театрализованного представления] // Праздник. – 2004. – №12. – С. 23–24.
49. Науменко Г. Широкая Масленица // Народное творчество. – 1990. – №2. – С. 2–3.
50. Некрылова А.Ф. Русские народные городские праздники, увеселения и зрелища. Конец XVIII – начало XX в.». – Л.: Искусство, 1988. – 215 с.
51. Некрылова А.Ф. Катальные горы в Санкт-Петербурге // Традиционная культура. – 2006. – №1. – С. 105–110.
52. Новиков А. Несколько заметок о сибирской масленице // Сибирская живая старина. – 1929. – Вып. 8/9. – С. 176.
53. Новикова А.М. Календарно-обрядовая поэзия // Русское народное поэтическое творчество / под ред. А.М. Новиковой. – 2-е. изд. – М.: Высш. шк., 1978. – 400 с.
54. Новицкая М. Масленица, широка да румяна! // Клуб. – 2000. – №2. – С. 10.
55. Носова Г.А. Картографирование русской масленичной обрядности (на материалах XIX начала XX века) // Советская этнография. – 1965. – №5. – С. 45–56.
56. Ончуков Н.Е. Масленица // Пермский краевед: сб. ст. – Пермь, 1928. – Вып. 1V. – С. 118–120.
57. Островский Е.Б. Масленица // Духовная культура Северного Белозерья / И.А. Морозов, И.С. Слепцова, Е.Б. Островский [и др.]. – М., 1997. – С. 213–223.
58. Панкеев И.А. От зимних святок до зелёных: [На лакомке] // От крестин до поминок. – М., 1997. – С. 215–216.
59. Панкеев И.А. Масленица // Обычаи и традиции русского народа. – М., 1999. – С. 364–370.
60. Пашина О. Зимние вечёрки: Из хаты в хату – потанцевать, попеть, поворожить // Родина. – 2002. – №1. – С. 88–91.
61. Понырко Н.В. Масленичный смех // Смех в Древней Руси / Д.С. Лихачёв, А.М. Панченко, Н.В. Понырко. – Л.: Наука, 1984. – С. 175–202.
62. Попова И.С. Типология фольклорных форм в системе масляничных обрядов Новгородской области: автореф. дис … канд. искусствоведения. – СПб., 1998. – 27 с.
63. Пропп В.Я. Русские аграрные праздники. – СПб.: Терра–Азбука, 1995. – 176 с.
64. Рабинович М.Г. Взятие снежного городка, борьба, кулачный бой // Очерки этнографии русского феодального города. Горожане их общественный и домашний быт. – М., 1978. – С. 160–166.
65. Репортер И.Д. Сибирская Масленица // Восточное обозрение, 1888. – №9. – С. 6–7.
66. Романкевич Е. Проводы Масленицы: [Сценарий театрализованного представления для начальной школы] // Праздник. – 2004. – №12. – С. 25–26.
67. Руделев В.Г. Прощай, Масленица // Вестник Тамбовского университета. – Тамбов, 1999. – Вып. 3. – С. 48–54.

CC BY

68. Рябков В.М. Антология форм культурно-досуговой деятельности (Древний мир. Древняя Греция и Рим. Европа до начала ХУП в.): учеб. Пособие / В.М. Рябков; Челяб. гос. акад. культуры и искусств. – Челябинск, 2008. – Т. 1. – 472 с.
69. Рябков В.М. Историография педагогической теории социально-культурной деятельности (вторая половина XX – начало XXI вв.): монография. – М.: МГУКИ; ЧГАКИ, 2009. – 480 с.
70. Рябков В.М. Театрализованные формы клубной работы 1920-х годов XX века (историографический аспект). Fundamental and applied sciences today XXI: Proceedings of the Conference. North Charleston, 21–22.01.2020, Vol. – Morrisville, NC, USA: Lulu Press, Inc. 2020, p. 29–36.
71. Рябков В.М. Посиделки как форма досуга молодёжи на Руси (историографический аспект): материалы Международной научно-практической конференции «21 век: фундаментальная наука и технологии» (3–4 февраля 2020 г.). – North Charleston, USA, 2020. – С. 27–33.
72. Рябков В.М. Агитсуд как форма театрализованной клубной работы 1920-х годов XX века (Историографический аспект) // Культура – искусство – образование: материалы 41 науч. – практ. конф. науч. – препод. работников ин-та / сост. Ю.В. Гушул, отв. за вып. С.Б. Синецкий; Челяб. гос. ин-т культуры. – Челябинск: ЧГИК, 2020. – С. 206–217.
73. Сахаров И.П. Масляница // Сказания русского народа. – М.: Сов. Россия, 1990. – С. 127–132.
74. Снегирёв И.М. Масляница // Русские простонародные праздники и суеверные обряды. Ч. 1. – М., 1990. – С. 67–76.
75. Соколова В.К. Масленица // Весенне-летние календарные обряды русских, украинцев и белорусов X1X – начало XX в. – М., 1979. – С. 11–93.
76. Соколова В.К. Масленица (ее состав, развитие и специфика) // Славянский и балканский фольклор: генезис, архаика, традиции. – М.: Наука, 1978. – С. 48–70.
77. Терещенко А.В. Масленица // Быт русского народа. Ч. V1 и VП. – М., 1999. – С. 282–300.
78. Тришкин Е. Масленица: [Сценарий фольклорного действа] // Народное творчество. – 2005. – №1. – С. 24–25.
79. Фалатов Ю.Н. Широкая масленица // Поэзия российских деревень. – М., 1990. – С. 77–84.
80. Чувилин И. От «Встреч» до «Прощёного дня» // Праздник. – 2003. – №1. – С. 4–5.
81. Шабанова М.В. Традиционные формы досугового общения русского крестьянства в конце XIX – начале XX вв. // Культура досуга в историческом пространстве. – 2010. – №4. – С. 13–19.
82. Шмаков С.А. Масленица // Нетрадиционные праздники в школе. – М., 1997. – С. 183–229.
83. Шмелев И.С. Масленица. – М.: Детская литература», 2007. – 165 с.
84. Щербина Н. Пришла Масленица, «Блины маслены»: [Клуб друзей игры. Народные игры в Масленицу] // Народное творчество. – 1989. – №2. – С. 23–25.
85. Ярошенко Н.Н. Основные этапы историко-педагогических исследований социально-культурной деятельности в России конца XIX – начала XXI века // Вестник Московского государственного университета культуры и искусств. – 2019. – №2 (88). – С. 114–127.

References

1. Avdeeva, E. A. (1849). Ocherki maslenitsy v Sibiri i v Evropeiskoi Rossii. Otechestvennye zapiski, T. 2, 1, 224-228.
2. Agapkina, T. A. (2004). Maslenitsa. Slavianskie drevnosti: Etnolingvisticheskii slovar': v 5 t. T. 3, 194-199. Tolstogo;; M.: Mezhdunarodnye otnosheniia.
3. Akulova, O., & Arutiunova, G. (2004). "Shirokaia maslianitsa" v Moskve. Narodnoe tvorchestvo, 1, 2-5.
4. Alpatova, P. N. (2002). Tambovskaia maslenitsa kak tekst: semiotika, simvolika i terminologiia obriadov: na obshcherusskom fone: Avtoref. dis., 25. Tambov.
5. Andreev, V. (2004). Maslenitsa. Kul't.-prosvet. rabota (Vstrecha), 1, 48.
6. Anichkin, T., Elizarova, G., & Grivtsov, M. (2003). Ne zhizn', a maslenitsa: [O podgotovke i provedenii Maslenitsy]. Prazdnik, 2, 7-11.
7. Antipina, T. (1994). K tioshche na bliny: [Maslenitsa]. Narodnoe tvorchestvo, 1, 6-7.
8. Arkhipova, O. (2000). Maslenitsa: [Provedenie uroka. Iskusstvo v shkole, 6, 51-54.
9. Bernshtam, T. A. (1988). Molodiozh' v obriadovoi zhizni russkoi obshchiny XIX., 280. L.: Nauka.
10. Bashkeev, M. (2006). Bol'shaia, shchedraia i shirokaia: [prazdnovanie Maslenitsy na Rusi]. Smena, 2, 170-175.
11. Belov, V. I. Maslenitsa. Belov V.I. Lad: Ocherki o narodnoi estetike, , 225-226. Arkhangel'sk;; Vologda: Sev.-Zap. kn. izd-vo.
12. Benua, A. (1924). Chudesa v reshete. Maslenitsa v starinu. Krasnaia panorama, 5, 8-10.
13. Bunin, I. A. (2016). Chistyi chetverg., 461. M.: Detskaia literatura.
14. Bogatyriov, P. G. (1971). Proshchionoe voskresen'e. Voprosy teorii narodnogo iskusstva, 229. M.
15. Bolonev, F. F. (1975). Maslenitsa u semeiskikh Zabaikal'ia vo vtoroi polovine Kh1Kh. Iz istorii sem'i i byta sibirskogo krest'ianstva v KhVSh, nachale, , 143-156. KhKh v.: sb. nauch. tr.; Novosibirsk.
16. Bondarenko, E. O. (2004). Maslenitsa: [Lakomka]. Prazdniki khristianskoi Rusi: Russkii narodnyi pravoslavnyi kalendar', 101. Kaliningrad.
17. Bushkevich, S. P. (2003). Velikii chetverg na zapade Vologodskoi oblasti. Zhivaia starina, 1, 7-8.
18. Van', I. (2017). Maslenitsa: istoriia prazdnika i ego traditsii. Obrazovanie i nauka v Rossii i za rubezhom, 3, 53-65.
19. Vasil'ev, M. I. (2015). Traditsii maslenichnogo riazhen'ia v Novgorodskoi gubernii (v kontekste areal'nykh issledovanii russkoi Maslenitsy). Gumanitarnye nauchnye issledovaniia, 11 (51), 39-50.
20. Vasil'ev, M. I. (2015). Novgorodskie traditsii provodov Maslenitsy (v kontekste areal'nykh issledovanii G.A. Nosovoi i V.K. Sokolovoi). Gumanitarnye nauchnye issledovaniia, 9 (49), 13-22.
21. Gorodtsov, N. A. (1915). Prazdniki i obriady krest'ian Tiumenskogo uezda. Ezhegodnik Tobol'skogo gubernskogo muzeia, Vyp. KhKhV1, 15-9.
22. Gracheva, I. (1998). Shirokaia Maslenitsa. Nauka i zhizn', 2, 134-139.

CC BY

23. Gratis, K. (2004). Tiomnye sily protiv Maslenitsy. Narodnoe tvorchestvo, 1, 6-7.
24. Grigor'ev, V. (1990). Zimu provozhali: [Igry i potekhi v Maslenitsu]. Narodnoe tvorchestvo, 2, 44-45.
25. Gromyko, M. M. (1990). Dukhovnaia kul'tura russkogo krest'ianstva. Ocherki russkoi kul'tury KhVSh veka. Ch. 4, 299-360. M.
26. Dubrovskii, N. (1870). Maslenitsa., 46. M.: Tipogr. S. Elivanovskogo.
27. Zelenetskii, M. N. (1960). Prazdnik "russkoi zimy". Kul'turno-prosvetitel'naia rabota: Soderzhanie i metodika, 121. L.
28. Kopanevich, I. K. (1903). Kak provoditsia maslenitsa v Pskovskoi gubernii., 15. Pskov.
29. Korinfskii, A. A. (1901). Chestnaia gospozha Maslenitsa., 157-166. M.: Narodnaia Rus'.
30. Korshunkov, V. A. (1998). Imena Maslenitsy (etnograficheskii kommentarii k obriadovomu fol'kloru). Vestnik Cheliab. gos. un-ta. Filologiia, 1, 43-48.
31. Kostomarov, N. I. (1992). Ocherk domashnei zhizni i nravov velikorusskogo naroda v KhV1 i KhVII stoletiiakh., 303. M.: Respublika.
32. Krasnozhenova, M. V. (1924). Vziatie "snezhnogo gorodka" v Eniseiskoi gubernii. Sibirskaia zhivaia starina, 2, 32-34. Irkutsk.
33. Lazarev, A. I. (1977). Prishla maslenitsa, bliny maslenye!. Ural'skie posidelki, 93-117. Cheliabinsk.
34. Lazarev, A. I. (1997). Semeinyi prazdnik. Narodovedenie, 179-210. Cheliabinsk.
35. Lazareva, L. N. (2004). Maslenitsa. Istoriia i teoriia prazdnikov, 47-51. Cheliabinsk.
36. Lazareva, L. N. (2003). Maslenitsa. Istoriia i teoriia prazdnikov, 32-34. Cheliabinsk.
37. Latyshina, D. I. (2004). Narodnye prazdniki: Maslenitsa. Vesenne-letnie prazdniki. Traditsii vospitaniia detei u russkogo naroda, 117-122. M.
38. Lipinskaia, V. A. (1989). Narodnye traditsii v sovremennykh kalendarnykh obriadakh i prazdnikakh russkogo naseleniia Altaiskogo kraia. Russkie, 111-141. M.: Nauka.
39. Luzgina, A. (1994). Gde prazdnik, tam i sani: [Rasskaz ob izgotovlenii prazdnichnykh sanei k prazdniku v t. ch. i k "Maslenitse"]. Narodnoe tvorchestvo, 6, 6-7.
40. Liubimova, G. V. (2002). Zametki o sibirskoi Maslenitse: Vziatie snezhnogo gorodka. Arkheologiia, etnografiia i antropologiia Evrazii, 4, 131-137.
41. Liakhovskaia, L. P. (1996). Maslenitsa. Kalendar' slavianskoi zhizni i trapezy, 120-122. M.
42. Makarov, V. (1994). Prazdnik. Klub, 10, 22.
43. (1985). Maslenitsa. Traditsionnye obriady i obriadovyi fol'klor russkikh Povolzh'ia, 26-39. L.
44. Miliutina, M. (2005). Tridtsati brat'ev sestra: [Maslenitsa]. Studencheskii meridian, 2, 80-82.
45. (1990). Maslenitsa. Russkii narod. Ego obychai, obriady, predaniia, sueveriia i poeziia, 34-48. M.: Kniga.
46. (1997). Maslenitsa. Entsiklopediia rossiiskikh prazdnikov, 122-123. SPb.: Respeks.
47. Miller, V. F. (1884). Russkaia maslenitsa i zapadnoevropeiskii karnaval., 58. M.: Universitetskaia tipografiia.
48. Murashova, O. (2004). Vstrechaem Maslenitsu: [Stsenarii teatralizovannogo predstavleniia]. Prazdnik, 12, 23-24.
49. Naumenko, G. (1990). Shirokaia Maslenitsa. Narodnoe tvorchestvo, 2, 2-3.
50. Nekrylova, A. F. (1988). Russkie narodnye gorodskie prazdniki, uveseleniia i zrelishcha. Konets XVIII - nachalo KhKh v."., 215. L.: Iskusstvo.
51. Nekrylova, A. F. (2006). Katal'nye gory v Sankt-Peterburge. Traditsionnaia kul'tura, 1, 105-110.
52. Novikov, A. (1929). Neskol'ko zametok o sibirskoi maslenitse. Sibirskaia zhivaia starina, Vyp. 8/9, 176.
53. Novikova, A. M. (1978). Kalendarno-obriadovaia poeziia. Russkoe narodnoe poeticheskoe tvorchestvo, 2, , 400. M.: Vyssh. shk.
54. Novitskaia, M. (2000). Maslenitsa, shiroka da rumiana!. Klub, 2, 10.
55. Nosova, G. A. (1965). Kartografirovanie russkoi maslenichnoi obriadnosti (na materialakh XIX nachala XX veka). Sovetskaia etnografiia, 5, 45-56.
56. Onchukov, N. E. (1928). Maslenitsa. Permskii kraeved, 1, 118-120. Perm'.
57. Ostrovskii, E. B. (1997). Maslenitsa. Dukhovnaia kul'tura Severnogo Belozer'ia, 213-223. M.
58. Pankeev, I. A. (1997). Ot zimnikh sviatok do zelionykh: [Na lakomke]. Ot krestin do pominok, 215-216. M.
59. Pankeev, I. A. (1999). Maslenitsa. Obychai i traditsii russkogo naroda, 364-370. M.
60. Pashina, O. (2002). Zimnie vechiorki: Iz khaty v khatu. Rodina, 1, 88-91.
61. Ponyrko, N. V. (1984). Maslenichnyi smekh. Smekh v Drevnei Rusi, 175-202. L.: Nauka.
62. Popova, I. S. (1998). Tipologiia fol'klornykh form v sisteme maslianichnykh obriadov Novgorodskoi oblasti: avtoref. dis., 27. SPb.
63. Propp, V. Ia. Russkie agrarnye prazdniki., 176.
64. Rabinovich, M. G. (1978). Vziatie snezhnogo gorodka, bor'ba, kulachnyi boi. Ocherki etnografii russkogo feodal'nogo goroda. Gorozhane ikh obshchestvennyi i domashnii byt, 160-166. M.
65. Reporter, I. D. Sibirskaia Maslenitsa. Vostochnoe obozrenie, 1888, 9, 6-7.
66. Romankevich, E. (2004). Provody Maslenitsy: [Stsenarii teatralizovannogo predstavleniia dlia nachal'noi shkoly]. Prazdnik, 12, 25-26.
67. Rudelev, V. G. (1999). Proshchai, Maslenitsa. Vestnik Tambovskogo universiteta, 3, 48-54. Tambov.
68. Riabkov, V. M., & Cheliab, V. M. (2008). Antologiia form kul'turno-dosugovoi deiatel'nosti (Drevnii mir. Drevniaia Gretsiia i Rim. Evropa do nachala KhUP v.): ucheb. Posobie., 1, 472. Riabkov;; Cheliabinsk.
69. Riabkov, V. M. (2009). Istoriografiia pedagogicheskoi teorii sotsial'no-kul'turnoi deiatel'nosti (vtoraia polovina KhKh., 480. M.: MGUKI; ChGAKI.
70. Riabkov, V. M., & Press, I. Teatralizovannye formy klubnoi raboty 1920-kh godov KhKh veka (istoriograficheskii aspekt). Fundamental and applied sciences today XXI: Proceedings of the Conference. North Charleston, 21-22.01.2020, Vol.

CC BY

71. Riabkov, V. M. (2020). Posidelki kak forma dosuga molodiozhi na Rusi (istoriograficheskii aspekt): materialy Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii "21 vek: fundamental'naia nauka i tekhnologii" (3-4 fevralia 2020 g.)., 27-33. USA.
72. Riabkov, V. M. (2020). Agitsud kak forma teatralizovannoi klubnoi raboty 1920-kh godov KhKh veka (Istoriograficheskii aspekt). Kul'tura, iskusstvo, 41, 206-217. Sinetskii;; Cheliabinsk: ChGIK.
73. Sakharov, I. P. (1990). Maslianitsa. Skazaniia russkogo naroda, 127-132. M.: Sov. Rossiia.
74. Snegiriov, I. M. (1990). Maslianitsa. Russkie prostonarodnye prazdniki i suevernye obriady. Ch. 1, 67-76. M.
75. Sokolova, V. K. (1979). Maslenitsa. Vesenne-letnie kalendarnye obriady russkikh, ukraintsev i belorusov Kh1Kh, nachalo KhKh v, 11-93. M.
76. Sokolova, V. K. (1978). Maslenitsa (ee sostav, razvitie i spetsifika). Slavianskii i balkanskii fol'klor, 48-70. M.: Nauka.
77. Tereshchenko, A. V. (1999). Maslenitsa. Byt russkogo naroda. Ch. V1 i VP, 282-300. M.
78. Trishkin, E. (2005). Maslenitsa: [Stsenarii fol'klornogo deistva]. Narodnoe tvorchestvo, 1, 24-25.
79. Falatov, Iu. N. (1990). Shirokaia maslenitsa. Poeziia rossiiskikh dereven', 77-84. M.
80. Chuvilin, I. (2003). Ot "Vstrech" do "Proshchionogo dnia". Prazdnik, 1, 4-5.
81. Shabanova, M. V. (2010). Traditsionnye formy dosugovogo obshcheniia russkogo krest'ianstva v kontse XIX. Kul'tura dosuga v istoricheskom prostranstve, 4, 13-19.
82. Shmakov, S. A. (1997). Maslenitsa. Netraditsionnye prazdniki v shkole, 183-229. M.
83. Shmelev, I. S. (2007). Maslenitsa., 165. M.: Detskaia literatura".
84. Shcherbina, N. (1989). Prishla Maslenitsa, "Bliny masleny": [Klub druzei igry. Narodnye igry v Maslenitsu]. Narodnoe tvorchestvo, 2, 23-25.
85. Iaroshenko, N. N. (2019). Osnovnye etapy istoriko-pedagogicheskikh issledovanii sotsial'no-kul'turnoi deiatel'nosti v Rossii kontsa XIX. Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo universiteta kul'tury i iskusstv, 2 (88), 114-127.

Информация об авторе

Рябков Владимир Михайлович – д-р пед. наук, профессор, залуженный работник высшей школы РФ, почётный профессор ФГБОУ ВО «Челябинский государственный институт культуры», Челябинск, член-корреспондент Международной академии информатизации, Москва, Российская Федерация

Information about the author

Vladimir M. Riabkov – doctor of pedagogical sciences, professor, Honored Worker of Higher Education of the Russian Federation, Honored professor of FSBEI of HE "Chelyabinsk State Institute of Culture", Chelyabinsk, corresponding member of International Informatization Academy, Moscow, Russian Federation

CC BY

Традиционный селькупский пояс: происхождение, изготовление, символика, применение

DOI 10.31483/r-75509
УДК 39

Степанова О.Б
Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) Российской академии наук,
Санкт Петербург, Росийская Федерация.
https://orcid.org/0000-0002-2130-2695, e-mail: stepanova67@mail.ru

Резюме: Статья посвящена теме «Вещь в культуре», а конкретнее, «Вещь в селькупской культуре». *Цель исследования* – рассмотрение пояса как атрибута традиционной верхней одежды селькупов. Подчеркивается, что сохранность этого элемента культуры может быть оценена как высокая: во время полевой работы среди селькупов автор видел много поясов, мужских и женских, хранящихся в семьях и представленных в музейных витринах. Отмечается, что пояса селькупов очень красивые, яркие, украшены бисерным плетением и литыми латунными подвесками. В статье собраны сведения о происхождении каждого типа поясов, дано их описание.

Методы: полевые исследования автора в Красноселькупском районе ЯНАО в 2012, 2015, 2016 и 2018 гг., интервьюирование информантов, ряд авторских публикаций по вопросам селькупской культуры; сравнительно-типологический метод и метод описания.

В основу проведенной классификации пояса положены такие характеристики как техника исполнения, происхождение, применение и символика. Автор подчеркивает, что информация о символике пояса собиралась особенно тяжело, так как все информанты отмечали в поясе лишь функциональность, красоту и древность традиции его ношения. Не претендуя на полноту раскрытия темы, в исследовании автор суммирует все, что удалось собрать и найти.

Результаты исследования. Надевая традиционные пояса лишь по большим (зимним) праздникам вместе с национальной одеждой, новых поясов сегодня селькупы практически не изготовляют. Отмечается, что пояса, хранящиеся в музейных коллекциях, как правило, неатрибутированы. Посвященное поясам исследование возвращает селькупам этот элемент их традиционной культуры в форме научного описания. Предполагается, что исследование внесет свой вклад в формирование новой этничности селькупов, собирание и переосмысление ими своего культурного наследия.

Ключевые слова: северные селькупы, этнография, традиционная культура, одежда, пояс, мужские и женские пояса, типы поясов, символика пояса, мировоззрение селькупов.

Для цитирования: Степанова О.Б. Традиционный селькупский пояс: происхождение, изготовление, символика, применение // *Этническая культура*. – 2020. – № 2 (3). – С. 52-57. DOI:10.31483/r-75509.

Traditional Selkup Belt: Origin, Manufacture, Symbolism, Application

Olga B. Stepanova
Peter the Great Museum of Anthropology and Ethnography (Kunstkamera)
of Russian Academy of Sciences,
Saint Petersburg, Russian Federation.
https://orcid.org/0000-0002-2130-2695, e-mail: stepanova67@mail.ru

Abstract: The article is devoted to the theme “Thing in culture”, and more specifically, “Thing in Selkup culture”. *The aim of the study* is to consider the belt, an attribute of the traditional outer clothing of the Selkups. It is outlined that the preservation of this element of culture can be highly estimated: during field work among the Selkups, author had an opportunity to see various belts, male and female ones, stored in families and presented in museums. It is emphasized that the Selkup belts are very beautiful, bright, decorated with seed bead and cast brass pendants. The article contains information about the origin of each type of belt, as well as their description is presented in the article.

Methods: author's field research in the Krasnoselkupsky district of the Yamalo-Nenets Autonomous Okrug made in 2012, 2015, 2016 and 2018, interview of in-formants, a number of author's publications on Selkup culture; comparative and typological method and description method.

The classification of the belt is based on such characteristics as the technic of execution, origin, application and symbolism. The author outlines that information about the symbolism of the belt was especially difficult to collect, since all inform-ants noted in the belt only the functionality, beauty and antiquity of the tradition of wearing it. Without pretending to be a full disclosure of the topic, the author pre-sents a summary of data obtained and collected.

Results of the study. Putting on traditional belts only on big (winter) holidays along with national clothes, Selkups practically do not make new belts nowadays. It is pointed out that belts stored in museum collections are generally not attributed. Study devoted to belts returns to the Selkups the element of their traditional culture in the form of a scientific description. It is assumed that the study will contribute to the formation of a new ethnicity of the Selkups, the collection and rethinking of cul-tural heritage by the Selkups.

Keywords: Northern Selkups, ethnography, traditional culture, clothing, belt, male and female belts, types of belts, belt symbols, Selkup worldview.

For citation: Stepanova O.B. (2020). Traditional Selkup Belt: Origin, Manufacture, Symbolism, Application. *Etnicheskaya kultura = Ethnic Culture, 2(3)*, 52-57. (In Russ.) DOI:10.31483/r-75509.

CC BY

Введение

В традиционной культуре каждого народа есть наиболее яркие, выделяющиеся на общем фоне и особо запоминающиеся вещи. У северных селькупов к таким вещам – из бытовой сферы культуры – относятся женские игольники и женские пояса. Впечатление яркости и запоминаемости этих вещей создается за счет того, что, во-первых, это красивые, художественно исполненные предметы, во-вторых, они едва ли не единственные «обязательные» личные вещи каждой селькупской женщины, хоть немного чтящей традиции: вы постоянно будете «встречаться» с ними в полевой работе и в музеях на экспозициях по селькупской этнографии. Женский игольник уже рассматривался автором в статье «Традиционный селькупский игольник *мыкай сэӈкы*» [13], данное же исследование посвящено поясам северных селькупов – женским и мужским, их назначению, происхождению, технике исполнения, а также символике. В задачи исследования входит выявление типов селькупских поясов, характеристика их внешнего вида, техники исполнения, использования и выявление происхождения.

Материалы и методы

Традиционный селькупский пояс до сих пор никем не изучался. Научная литература содержит о нем минимум сведений, все они отрывочны и вставлены в какой-то иной контекст [1–5, 16–18]. Исследование опиралось на материалы, собранные автором в экспедициях в Красноселькупский район ЯНАО в 2012, 2015, 2016 и 2018 гг., а также на ряд авторских публикаций по вопросам селькупской культуры [6–15].

Помимо метода полевого исследования, включающего интервьюирование информантов, в работе применялись сравнительно-типологический метод и метод описания. На каждый выявленный тип пояса составлялась характеристика по следующей схеме: визуальное описание, техника изготовления, использование, символическое значение, происхождение.

Результаты исследования

По данным исследователя одежды самодийских народов Н.Ф. Прытковой, селькупы подпоясывали только верхнюю одежду. Самым древним типом селькупской, а также кетской одежды была короткая распашная парка, сшитая из цельной шкуры оленя мехом наружу, она предназначалась для пешей охоты в осенне-зимний период [4, с. 85]. Аналогом парки была кырняжка, отличающаяся от нее вставленными в бока клиньями [4, с. 85; 17, с. 341]. По мнению Е.А. Алексеенко, исследователь-ницы кетов, пояс являлся одним из нововведений, которые усовершенствовали парку [1, с. 131].

По описанию П. Третьякова «весь костюм остяка заключается, преимущественно, в парке, сшитой в виде мешка с рукавами, из оленьих кож шерстью наружу. Опоясавшись очень низко, остяк подбирает парку со всех сторон, навешивая ее на пояс» [16, с. 386].

Когда у селькупов появилась возможность покупать русские товары, промысловой одеждой наравне с паркой/кырняжкой стал суконный зипун [17, с. 342]. По данным Н.А. Тучковой, верхнюю одежду селькупы – и мужчины, и женщины – подпоясывали, только когда отправлялись в тайгу на промысел [17, с. 346].

У северных селькупов (и кетов), переселившихся в XVII-XVIII в. на Север, под влиянием северных соседей (энцев, ненцев) появляется глухая меховая одежда – сокуй и малица. Малица – мужская зимняя глухая без разреза одежда, сшитая из оленьих шкур мехом внутрь. Сокуй от малицы отличается тем, что шьется мехом наружу, его надевают на парку или малицу в сильные морозы. Г.Е. Аюпова указывает, что верхнетазовские селькупы обычно носят малицу без пояса, среднетазовские – с поясом; сокуй носят без пояса [2, с. 101–102].

Женщины северных селькупов тоже переняли у ненцев верхнюю женскую одежду – зимнюю двухслойную меховую распашную ягушку (парку). Летом они носили суконную или ровдужную ягушку (парку) [2, с. 102]. По сведениям информантов автора, «подпоясывали *имай ӷӓлый порӷы* – женскую ненецкую ягушку (парку). Только ее. Летнюю парку не подпоясывали, т.к. парка узкого кроя, ее подпоясывать незачем. Иногда мужчины подпоясывали парку, когда шли на промысел, и вешали на пояс полезные вещи» [ПМА].

Мужские пояса у селькупов, по сведениям Н.Ф. Прытковой, были широкими, кожаными, покрывались цветным сукном (красным, оранжевым) и зашивались рядами медных пуговиц, т. е. были поясами того же типа, что и у ненцев [4, с. 86]. Поэтому описание ненецкого мужского пояса, сделанное Н.Ф. Прытковой, можно считать описанием пояса, который носили селькупские мужчины: «Широкий пояс – из коровьей кожи, большей частью покрытый с наружной стороны красным сукном и плотно зашитый рядами медных солдатских пуговиц, с подвесками из медных цепочек и ажурных медных круглых блях, застегивался с помощью крючка и ажурной медной пряжки с петлей. Пряжки, также ажурные, иногда вырезали из кости. Поясные пряжки вообще были предметом щегольства и гордости, по поводу их существует у ненцев загадка: «Раз закрепишь – никогда не отпустит». К поясу, как правило, слева подвешивали на медных цепочках ножны с ножом. Такие пояса были широко распространены в западных тундрах и на Ямале. У восточных ненцев (юраков) мужской пояс (шириной 7 см) делали из кожи, наружную поверхность обшивали красным сукном, по которому прикрепляли решетку, низанную из цветного бисера. Пояс застегивался с помощью ажурных медных пряжек; ножны с ножом прикрепляли к нему медными цепочками» [4, с. 25].

По информации К. Доннера «поверх малицы самоеды часто носят яркий пояс, на который подвешивается нож, кремень, кинжал, огниво, трут, курительная трубка, кисет для табака и прочие предметы» [3, с. 95]. Н.А. Тучкова пишет, что «непременным охотничьим атрибутом был мешочек с огнивом, в котором хранились трут или чага (позднее спички), а также мешочек с пулями натруска с порохом» [17, с. 322].

По полевым материалам автора, «мужской пояс изготавливается из сыромятной кожи. Если нет сыромятной (она покупная), делают из оленьей или лосиной.

CC BY

Рис. 1. Традиционные селькупские мужские пояса. Село Толька, Красноселькупский район ЯНАО

Fig. 1. Traditional Selkup male belts. Village "Tol'ka", Krasnoselkup District of Yamalo-Nenets Autonomous district

Источник: фото автора, 2012 г.

Женщинам запрещается шить вещи из лосиной шкуры, даже обувь. Все пояса ненецкого типа. Украшаются по-разному. На кожу нашиваются подвески, пуговицы – преимущественно из латуни и меди, литые. Пришиваются не к нижнему краю, а на середину, на основу. Селькупские пояса украшены скромнее, чем у ненцев. Нож привешивается у правшей справа, у левшей слева (рис. 1 – верхнее фото). Для серьезного промысла имеют дополнительный специальный пояс. Раньше на него привешивалось огниво, пороховница (круглая, из дерева или железа, заводского производства), ровдужные мешочки для капсулей и дроби, мерная ложечка из рога. Этот пояс но-сился через плечо» [ПМА] (рис. 1 – нижнее фото).

Существует также другой тип селькупского мужского пояса – «опояска» или «ремень» – он мягкий, плетеный «как подпруга» или узкий кожаный [17, с. 346]. На опояску тоже вешали ножик, в сумке огниво и трут, концы ее, в виде щегольства, распускались [16, с. 386]. Опояской подпоясывали парку и зипун [16, с. 386; 17, с. 342]. Подпоясывались также скрученным в жгут лоскутом ткани [17, с. 346].

Женский пояс (çу) селькупы большей частью делают из красного сукна и орнаментируют бисером [4, с. 86] (рис. 2, рис. 3). Сукно нашивается на простеганную основу из брезента или нескольких слоев хлопковой ткани. Концы пояса делаются из сыромятной кожи, к ним крепятся детали узкой ажурной литой латунной пряжки. Ширина женских поясов 7–8 см. Традиционный (по словам информантов, «национальный») узор бисерной вышивки на селькупских женских поясах – сетка (сеточка) – «бисерные орнаменты в шахматном порядке с выделением контрастных цветов». Реже пояса украшаются контрастными полосками, ромбовидными и зигзагообразными (зубчатыми) орнаментами. На Севере, ближе к Тазовскому району встречается орнамент «оленьи рога». Бисером вышивают только женские пояса. «Такие же пояса, один в один, есть у ваховских хантов. У ненцев пояса есть, но с другим стилем бисерной вышивки и другим орнаментом. Если у селькупов и ваховских хантов сетка, то у ненцев и обских и приуральских хантов – крестообразный вид узора» [ПМА].

К нижнему краю женского пояса пришиваются литые латунные подвески и подвешиваются цепочки. По словам информантов, центром (кустарного) производства и продажи латунных подвесок всегда был Обдорск/Салехард, оттуда они распространялись по всему Северу. Подвески бывают ажурные ромбовидные и круглые/овальные с несколькими типами художественных символических изображений. Изображения объединены сакральным смыслом оберегов, но разные северные народы имеют каждый свою трактовку одних и тех же символов. Несмотря на то, что селькупы хранят пояса своих матерей, бабушек и прабабушек, точного значения изображений они уже не знают. Один из информантов дал следующие трактовки изображений на подвесках:

1) священный кузнец с колпаком/молотом/топором/копьем/посохом (шаманский символ);

2) олень;

3) охотник, «небесный охотник»/ *Ича*[1] на лыжах (у хантов такое изображение называется «сын Торума на лошади»);

4) мифическая железная птица, которая жила на земле, а сейчас живет под землей – *Минлей* (ненецкое название), он же *нут суры* – «небесный зверь» (селькупское название);

5) безголовый человек;

6) медведь [ПМА].

Рис. 2. Традиционные селькупские женские пояса. Село Толька, Красноселькупский район ЯНАО

Fig. 2. Traditional Selkup female belts. Village "Tol'ka", Krasnoselkup District of Yamalo-Nenets Autonomous district

Источник: фото автора, 2012 г.

CC BY

Рис. 3. Традиционные селькупские женские пояса. Село Толька, Красноселькупский район ЯНАО

Fig. 3. Traditional Selkup female belts. Village "Tol'ka", Krasnoselkup District of Yamalo-Nenets Autonomous district

Источник: фото автора, 2012 г.

По данным Н.Ф. Прытковой, ненецкие женщины верхнюю одежду подпоясывали тканными поясами из разноцветных шерстяных ниток русской или комизырянской работы. К одному из концов такого пояса пришивали медное кольцо, другой конец пояса продевали через это кольцо и завязывали. Длина пояса была более 2 м [4, с. 39]. Н.А. Тучкова указывает, что у (южных) селькупов женщины плели для себя пояса из шерстяных нитей [17, с. 346]. В литературе не имеется более точных данных об использовании селькупскими женщинами поясов, сотканных/сплетенных из шерстяных ниток, но автору во время Дня оленевода в селе Ратта Красноселькупского района довелось увидеть похожий пояс на женщине и двух маленьких мальчиках, демонстрировавших национальную одежду. У одного мальчика этот пояс был украшен на концах кистями из шерстяных ниток, он сочетался с выполненными в той же технике и из тех же материалов подвязками на кисах – высоких сапогах из оленьего меха.

Помимо прагматических функций (сохранения тепла и выполнения роли органайзера для мелких вещей во время охотничьего промысла) пояс у селькупов имеет символическое значение. Он выступает оберегом, защищающим человека от злых сил. В фольклоре селькупов в поясе сосредотачивается жизненная/магическая сила героев-шаманов: «Тыссия, пока сидели, заметил, будто у старика Хыссии одежда поясом его покойного отца подпоясана. Думает Тыссия, молчит. Потом сказал: – Сестру мою ни за что другое не отдам, только вот за этот твой пояс с ножом. Хыссия ничего не сказал. Посидел, помолчал, потом ответил: – Хе-е! Как отдам этот пояс? Жизнь вся моя в нем и есть. Все олени мои, все другое богатство этим поясом добыто. Тыссия спросил: – За жену молодую и то не отдашь? Сестру тебе отдам, да еще три черные лисицы. Долго молчал старик Хыссия. Сидел, будто засох. Потом сказал: – Ладно. Сейчас ты сильнее – бери пояс за сестру и за три черные лисицы. Навек тебе это не удержать. Все равно рано или поздно отберу пояс у тебя. Обнялись старик с парнем, руки друг другу пожали. Хыссия одной рукой пояс отстегнул, бросил Тыссии. Тот поймал пояс, тело свое им опоясал». В итоге юноша-шаман Тыссия убил могучего старика-шамана Хыссию: «Я убил его тогда. Не зря убил. Безвинного убивать не буду. Отца моего он убил, пояс своего покойного отца я у него нашел, за то и убил» [5, с. 148–154]. По словам информантов, сказка о потере пояса, равно потере силы, есть также у хантов; сказка объясняет: «герой остался без сил, сняв пояс, потому что пояс – оберег, так как на нем все символы священные» [ПМА].

В завершение исследования осталось сказать о декоративной, художественной функции традиционных селькупских поясов. Эта функция в большей степени присуща женским поясам, чем мужским, все женские пояса, обязательно, выглядят празднично и богато декорированы. В художественном оформлении селькупских поясов, помимо традиции, проявляется швейное мастерство селькупских женщин и селькупское эстетическое восприятие мира. Сегодня традиционные пояса, как и традиционную одежду, селькупы носят лишь во время национальных праздников (рис. 4).

Обсуждение и заключение

Пояс представляет собой яркий элемент традиционной культуры селькупов. В результате исследования было выявлено разделение поясов на мужские и женские. Мужчины и женщины имели один почти одинаковый тип пояса – широкий, обшитый сукном, украшенный бисерным узором «сетка», ажурными ромбовидными и овальными с символическими изображениями латунными подвесками, застегивающийся на латунную ажурную пряжку с крючком. У мужчин этот тип пояса имел кожаную основу, к нему подвешивался нож в ножнах. У женщин основа была брезентовая или из нескольких слоев хлопчатобумажной

Рис. 4. Селькупы в традиционной одежде с поясами на Дне оленевода в с. Красноселькуп. Красноселькупский район ЯНАО

Fig. 4. The Selkups in traditional clothing with belts at the Day of the reindeer herder in the village "Krasnoselkup". Krasnoselkup district of Yamalo-Nenets Autonomous district

Источник: фото автора, 2016 г.

CC BY

Рис. 5. Традиционные селькупские женские пояса в экспозиции Красноселькупского краеведческого музея. Село Красноселькуп, Красноселькупский район ЯНАО

Fig. 5. Traditional Selkup female belts in the exhibition of Krasnoselkup local lore museum. The Village "Krasnoselkup", Krasnoselkup district of Yamalo-Nenets Autonomous district

Источник: фото автора, 2016 г.

ткани, узоры бисерной вышивки разнообразнее, и не было ножен. Украшенные бисером пояса характерны для группы северных селькупов, они пришли к ним от ненцев вместе с ненецкой зимней одеждой. Вторым типом мужского пояса следует считать похожий на первый тип кожаный сыромятный пояс, но без сукна и бисерной вышивки, украшенный латунными заклепками, подвесками и ажурной пряжкой. Третьим типом пояса селькупских мужчин обеих групп является промысловый пояс-органайзер из толстой кожи, завязывающийся с помощью кожаных ремешков. Вторым типом пояса, характерным для женщин как северных, так южных селькупов был пояс, сплетенный из шерстяных нитей. У современных северных селькупов такой пояс, дополненный кистями из шерстяной пряжи на концах – вариант детского праздничного, он носится в сочетании с подвязками на традиционную обувь, выполненными в том же стиле.

Селькупский фольклор и память информантов сохранили сведения о символическом значении пояса – в давние времена селькупы считали, что в нем содержалась сила его хозяина, лишившись пояса, он терял силу; до наших дней за поясом сохранялось значение оберега.

Несмотря на свою яркость и самобытность традиционный пояс сегодня надевается селькупами лишь во время национального праздника День оленевода. Старинные пояса из бабушкиных сундуков постепенно перемещаются в музейные хранилища. Однако в музеях пояса хранятся большей частью просто как красивые старинные вещицы (рис. 5). Исследование проводит атрибутацию селькупских музейных поясов как класса предметов и возвращает селькупам этот элемент их традиционной культуры в форме научного описания. Предполагается, что исследование внесет свой вклад в формирование новой этничности селькупов, собирание и переосмысление ими своего культурного наследия.

Материалы

ПМА – полевые материалы автора из экспедиции 2012, 2015, 2016, 2018 гг. в Красноселькупский район ЯНАО.

Приложение

[1)] Ича – герой селькупского фольклора, национальный герой, трикстер.

Список литературы

1. Алексеенко Е.А. Техника изготовления одежды у кетов // Одежда народов Сибири. – Л.: Наука, 1970. – С. 122–136.
2. Аюпова Г.Е. Традиционная одежда тазовских селькупов // Тазовские селькупы: Очерки традиционной культуры / Л.В. Хомич, С.И. Ириков, Г.Е. Аюпова. – СПб.: Филиал изд-ва «Просвещение», 2002. – 149 с.
3. Доннер К. У самоедов в Сибири. – Томск: Ветер, 2008. – 174 с.
4. Прыткова Н.Ф. Одежда народов самодийской группы как исторический источник // Одежда народов Сибири. – Л.: Наука. 1970. – С. 3–99.
5. Селькупские сказки // Сказки народов Севера. – М.; Л.: Гослитиздат, 1959. – С. 148–154.
6. Степанова О.Б. Особенности современного хозяйственно-культурного положения коренных народов Севера Красноселькупского района Ямало-Ненецкого автономного округа // Культурное наследие народов Сибири и Севера: материалы Шестых Сибирских Чтений (Санкт-Петербург, 27–29 ок-тября 2004 г.). – СПб.: МАЭ РАН, 2005. – С. 167–173.
7. Степанова О.Б. Материалы по погребальному обряду тазовских селькупов // Радловские чтения, 2005: тезисы докладов. – СПб.: МАЭ РАН, 2005. – С. 165–169.
8. Степанова О.Б. Медведь как образ матери-предка и души человека в традиционном мировоззрении селькупов // Радловский сборник. Научные исследования и музейные проекты МАЭ РАН в 2006 году. – СПб.: МАЭ РАН, 2007. – С. 206–215.
9. Степанова О.Б. Мир мертвых и погребальный обряд селькупов // Ми-фология смерти. Структура, функция и семантика погребального обряда народов Сибири. – СПб.: МАЭ РАН, 2007. – С. 182–198.
10. Степанова О.Б. Об одной из категорий образов души у селькупов // Радловский сборник. Научные исследования и музейные проекты МАЭ РАН в 2007 году. – СПб.: МАЭ РАН, 2008. – С. 291–301.
11. Степанова О.Б. Традиционное мировоззрение селькупов: представления о круговороте жизни и душе. – СПб.; Абакан: Петербургское Востоко-ведение; ИД «Пантеон», 2010. – 303 с.
12. Степанова О.Б. Северные селькупы: система традиционных взглядов в зеркале одного интервью // Вестник археологии, антропологии и этнографии. – 2014. – №2 (5). – С. 124–131.
13. Степанова О.Б. Традиционный селькупский игольник мыкай сэнкы // Радловский сборник. Научные исследования и музейные проекты МАЭ РАН в 2012 году. – СПб.: МАЭ РАН, 2013. – С. 424–433.

CC BY

14. Степанова О.Б. Колокольчик в традиционной культуре северных селькупов // Радловский сборник: Научные исследования и музейные проекты МАЭ РАН в 2013 г. – СПб.: МАЭ РАН, 2014. – С. 437–443.
15. Степанова О.Б. Фольклор северных селькупов (полевые сборы 2004, 2005, 2008 гг.). Ч. II. // Материалы полевых исследований МАЭ РАН. Вып. 17. – СПб.: МАЭ РАН, 2017. – С. 37–67.
16. Третьяков П. Туруханский край, его природа и жители // Записки ИРГО по общей географии. Т. 2. – СПб.: Типография Безобразова, 1869. – С. 215–531.
17. Тучкова Н.А. Селькупы. Материальная культура. Одежда, обувь, головные уборы, украшения // Народы Западной Сибири. – М.: Наука, 2005. – С. 341–347.
18. Федорова Е.Г. Проблема реконструкции одежды тымских селькупов / Е.Г. Федорова, А.И. Боброва, Т.М. Глушкова [и др.] // Интеграция археологических и этнографических исследований. – Омск: Наука, 2003. – С. 150–154.

References

1. Alekseenko, E. A. (1970). Tekhnika izgotovleniia odezhdy u ketov. Odezhda narodov Sibiri, 122-136. L.: Nauka.
2. Ayupova, G. E. (2002). Traditsionnaia odezhda tazovskikh sel'kupov. Tazovskie sel'kupy: Ocherki traditsionnoi kul'tury, 149. Saint Petersburg: Filial izd-va "Prosveshchenie".
3. Donner, K. (2008). Among the Samoyed in Siberia., 174. Tomsk: Veter.
4. Prytkova, N. F. (1970). Odezhda narodov samodiiskoi gruppy kak istoricheskii istochnik [Clothing of the peoples belonging to the Samoed group as a historical source. Odezhda narodov Sibiri, 3-99. L.: Nauka.
5. (1959). The Selkup fairy tale. Siberian Folk Tales, 148-154. Moscow; L.: Goslitizdat.
6. Stepanova, O. B. (2005). Osobennosti sovremennogo khozyaystvenno-kul'turnogo polozheniya ko-rennykh narodov Severa Krasnosel'kupskogo rayona YaNAO [Features of the modern economic and cultural situation of the indigenous peoples of the North of the Krasnoselkup district of the YaNAO]. Kul'turnoye naslediye narodov Sibiri i Severa [Cultural Heritage of the Peoples of Siberia and the North], 167-173. Saint Petersburg: Peter the Great Museum of Anthropology and Ethnography (Kunstkamera) of Russian Academy of Sciences.
7. Stepanova, O. B. (2005). Materialy po pogrebal'nomu obriadu tazovskikh sel'kupov., 165-169. Radlov Readings. Saint Petersburg: Peter the Great Museum of Anthropology and Ethnography (Kunstkamera) of Russian Academy of Sciences.
8. Stepanova, O. B. (2007). Medved' kak obraz materi-predka i dushi che-loveka v traditsionnom mirovozzrenii sel'kupov. Radlovskii sbornik. Nauchnye issledovaniia i muzeinye proekty MAE RAN v 2006 godu [The Radlov Collection of Articles: Research and Museum Projects by the MAE RAS in 2006], 206-215. Saint Petersburg: Peter the Great Museum of Anthropology and Ethnogra-phy (Kunstkamera) of Russian Academy of Sciences.
9. Stepanova, O. B. (2007). Mir mertvykh i pogrebal'nyi obriad sel'kupov. Mifologiia smerti. Struktura, funktsiia i semantika pogrebal'nogo obriada narodov Sibiri [The mythology of death. Structure, function and semantics of the fu-neral rites of the peoples of Siberia]., 182-198. Saint Petersburg: Peter the Great Museum of Anthropology and Ethnography (Kunstkamera) of Russian Academy of Sciences.
10. Stepanova, O. B. (2008). Ob odnoi iz kategorii obrazov dushi u sel'kupov. Radlovskii sbornik. Nauchnye issledovaniia i muzeinye proekty MAE RAN v 2007 godu [The Radlov Collection of Articles: Research and Museum Projects by the MAE RAS in 2007], 291-301. Saint Petersburg: Peter the Great Museum of Anthropology and Ethnography (Kunstkamera) of Russian Academy of Sciences.
11. Stepanova, O. B. Traditsionnoye mirovozzreniye sel'kupov: pred-stavleniya o krugovorote zhizni i dushe [The traditional worldview of the Selkups: ideas about the cycle of life and soul., 303. Saint Petersburg; Abakan: Peterburgskoe Vostokovedenie.
12. Stepanova, O. B. (2014). Severnye selkupy: systema traditsionnykh vzglyadov v zerkale odnogo intervyu [The Northern Selkups: A system of traditional views in the mirror of one interview]. Vestnik arkheologii, antropologii i etnografii, 2 (5), 124-131.
13. Stepanova, O. B. (2013). Traditsionnyi sel'kupskii igol'nik mykai sen'ky. Radlovskii sbornik. Nauchnye issledovaniia i muzeinye proekty MAE RAN v 2012 godu [The Radlov Collection of Articles: Research and Museum Projects by the MAE RAS in 2012], 424-433. Saint Petersburg: Peter the Great Museum of Anthropology and Ethnography (Kunstkamera) of Russian Academy of Sciences.
14. Stepanova, O. B. (2014). Kolokol'chik v traditsionnoy kul'ture severnykh sel'kupov [Kolokolchik in the traditional culture of northern Selkups]. Radlovskii sbornik: Nauchnye issledovaniia i muzeinye proekty MAE RAN v 2013 g [The Radlov Collection of Articles: Research and Museum Projects by the MAE RAS in 2013], 437-443. Saint Petersburg: Peter the Great Museum of Anthropology and Ethnography (Kunstkamera) of Russian Academy of Sciences.
15. Stepanova, O. B. (2017). Folklor severnykh selkupov: polevye sbory 2004, 2005 i 2008 gg. [Folklore of the northern Selkups: Field acquisitions of 2004, 2005 and 2008]. Materialy polevykh issledovaniy MAE RAN. Issue 17, 37-67. Saint Petersburg: Peter the Great Museum of Anthropology and Ethnography (Kunstkamera) of Russian Academy of Sciences.
16. Tret'yakov P. I. (1869). Turukhanskii krai, ego priroda i zhiteli [Turukhansk region, its nature and inhabitants]. Zapiski IRGO po obshchei geografii [Notes of the East Siberian Department of the IRGO on General Geography]. Vol. 2, 215-531. Saint Petersburg: Tipografiya V. Bezobrazova Publ.
17. Tuchkova, N. A. (2005). Sel'kupy. Material'naia kul'tura. Odezhda, obuv', golovnye ubory, ukrasheniia. Narody Zapadnoi Sibiri, 341-347. Moscow: Nauka.
18. Fedorova, E. G., Bobrova, A. I., & Glushkova, T. M. (2003). Problema rekonstruktsii odezhdy tymskikh sel'kupov. Integratsiia arkheologicheskikh i etnograficheskikh issledovanii [The Integration of Archaeological and Ethnographic Research], 150-154. Omsk: Nauka.

Информация об авторе

Степанова Ольга Борисовна – канд. ист. наук, научный сотрудник Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) Российской академии наук, Санкт-Петербург, Российская Федерация

Information about the author

Olga B. Stepanova – candidate of historical sciences, research fellow of Peter the Great Museum of Anthropology and Ethnography (Kunstkamera) of Russian Academy of Sciences, Saint Petersburg, Russian Federation

CC BY

Статика и динамика этнических автостереотипов узбекской молодежи (из опыта пятнадцатилетнего исторического среза)

DOI 10.31483/r-75074
УДК 316.647.8

Эргашев П.С.
Международная исламская академия Узбекистана,
Ташкент, Республика Узбекистан.
https://orcid.org/0000-0001-8707-2215, e-mail: pulat-ergashev@rambler.ru

Резюме: В статье представлены сравнительные результаты проведенного в течение 15 лет исследования стереотипных ассоциаций относительно этнонима «узбеки» среди узбекской молодежи.

Методы. Методом ассоциативного эксперимента выявлены основные составляющие этнических автостереотипов узбекской молодежи и представлены результаты, охватывающие период 2003–2005 гг. по сегодняшний день. Сравнительный анализ результатов ассоциативного эксперимента показал существенное усиление роли «личностных черт» в характеристиках своей этнической группы, в противовес резкому сокращению удельного веса традиционных видов деятельности и их продуктов.

Результаты. Подчеркивается, что несмотря на то, что свои лидирующие позиции сохраняют понятия, связанные с национальной одеждой (напр., «тюбетейка», «атлас» и др.) и предметами национального быта («лаган», «тандыр» и др.), было зафиксировано усиление этнического самовосприятия через историческую призму и географические признаки, что может быть следствием активной воспитательной работы с акцентированием внимания на исторических достижениях и особой геостратегической позиции страны.

Делается вывод о том, что полученные результаты могут быть признаком заметных сдвигов в национальном самосознании узбекской молодежи, которые проявляются, в том числе, в переносе центра внимания от внешних атрибутов традиционного образа жизни этноса, на внутреннюю составляющую этих формальных признаков.

Ключевые слова: этническая группа, этническое самосознание, этническая идентификация, этнические автостереотипы, ассоциативный эксперимент, эволюция стереотипов, исторические срезы.

Для цитирования: Эргашев П.С. Статика и динамика этнических автостереотипов узбекской молодежи (из опыта пятнадцатилетнего исторического среза) // *Этническая культура*. – 2020. – № 2 (3). – С. 58-61. DOI:10.31483/r-75074.

Statics and Dynamics of Ethnic Autostereotypes of Uzbek Youth (On the Experience of a Fifteen-Year Historical Cross-Section)

Pulat S. Ergashev
International Islamic Academy of Uzbekistan,
Tashkent, the Republic of Uzbekistan.
https://orcid.org/0000-0001-8707-2215, e-mail: pulat-ergashev@rambler.ru

Abstract: The comparative results of the 15-year study on stereotypical associations regarding the ethnonym “Uzbeks” among uzbek youth are presented in the article.

Methods. The main components of the content of the ethnic autostereotype of uzbek youth at the beginning of our century (2003–2005) and today are revealed by the method of associative experiment. Comparative analysis of the results of the association experiment in the context of 15 years showed a significant increase in the role of “personal traits” in the characteristics of their ethnic group, as opposed to a sharp reduction in the share of traditional activities and their products.

Results. It is pointed out that despite the fact that the concepts related to national clothing retain their leading positions (for example “tyubeteika”, “atlas”, etc.) and objects of national life (“lagan”, “tandyr” etc.), the strengthening of ethnic self-perception through the historical prism and geographical features was recorded, which may be a consequence of active educational work, which focusing on historical achievements and the special geostrategic position of the country.

It is concluded that the results obtained can be a sign of noticeable shifts in the national consciousness of uzbek youth, which are manifested in the shift of attention from the external attributes of the traditional way of life of the ethnic group to the internal composition of these formal features.

Keywords: ethnic group, ethnic self-awareness, ethnic identification, ethnic autostereotypes, associative experiment, evolution of stereotypes, historical crosssections.

For citation: Ergashev P.S. (2020). Statics and Dynamics of Ethnic Autostereotypes of Uzbek Youth (On the Experience of a Fifteen-Year Historical Cross-Section). *Etnicheskaya kultura = Ethnic Culture, 2(3)*, 58-61. (In Russ.) DOI:10.31483/r-75074.

Введение

Осознание себя частью нечто большого и значимого, безусловно, глубочайшая потребность человека. Такого рода переживания характерны для процесса восприятия себя носителем определенной этнической культуры и представителем определенной национальности. Центральным звеном этнического самосознания, так же, как и его важнейшего итога – формирования этнической идентичности, являются устойчивые представления этнофоров (представителей этноса. – Э. П.) о своей этнической группе.

Как известно, устойчивые, эмоционально окрашенные, обобщенные представления об особенностях своей этнической группы образуют так называемые этнические автостереотипы [5]. Они, как правило, имеют положительное содержание, что по оценке специалистов свидетельствует о развитом чувстве «мы» и устойчивости этнической идентичности, тогда как преобладание негативных автостереотипов является показателем размывания чувства единства со своей этнической группой [9, с. 185]. В целом, в этнических автостереотипах в большей мере отражаются идеалы собственного эт-

CC BY

носа, стремление поддержать наиболее самобытные качества национального характера [1, с. 219].

Специалистами признано, что именно позитивная направленность отличает этнические автостереотипы от других категорий [11, с. 132]. В преобладании положительной групповой оценки своего этноса, как указывает авторитетный российский этнопсихолог Т.Г. Стефаненко, заключается попытка представителей этноса сохранить позитивную идентичность в ситуациях поражения в межгрупповом соревновании. Так, ею подчеркнуто, что группы с более низким экономическим статусом имеют тенденцию характеризовать себя с точки зрения теплоты и добросердечия [8]. Вместе с тем, в определенных обстоятельствах представители этнической группы могут приписывать своему этносу негативные качества, для того чтобы показать свое четкое отличие от других, указать на сильную групповую идентичность. Такая стратегия больше характерна для народа, которому долгое время приходилось защищать свою самобытность и право на существование [11, с. 132]. Таким образом, очевидно, что этнические автостереотипы выполняют очень важную функцию психологической защиты. Некоторые авторы также указывают на функцию идеологической защиты, и, в целом, характеризуют защитную функцию этнических стереотипов как задачу исключительной важности [9, с. 176], что подтверждает актуальность изучения данного этнопсихологического явления.

Исследования гетеро- и автостереотипов, несмотря на очевидную общую психологическую природу, имеют разное значение. Так, этнические гетеростереотипы интересны, в первую очередь, с точки зрения межэтнических отношений, тогда как этнические автостереотипы имеют большее значение для процесса этнического самосознания. Это подтверждается также тем, что автостереотипы имеют этноинтегрирующую природу, тогда как гетеростереотипы направленны на этническую дифференциацию [9, с. 178], и их модальность намного больше зависит от характера межэтнического взаимодействия [6, с. 105].

Вероятно, именно специфичность практического проявления гетеро- и автостереотипов отчасти предопределяет то, что изучению первых уделяется большее внимание, поскольку такие проблемы как этнические конфликты, этническая нетерпимость, культурный шок в большей мере связываются со стереотипными суждениями о других. Однако, несмотря на такое явное преимущество данного направления в изучении этнических стереотипов, в современной науке накоплен определенный опыт по их изучению. Так, в специальных исследованиях было выявлено, что несмотря на общеизвестный факт о большей положительности этнических автостереотипов в сравнении с гетеростереотипами, могут быть некоторые отличия между малочисленными группами одного этноса. В исследовании М.М. Шахбановой было выявлено, что среди коренных малочисленных дагестанских народов, образующих андо-цезские этносы, цезы и гунзибцы более критичны к своей этнической группе [9, с. 181]. Кроме того, в данном исследовании доказывается, что более высокий образовательный статус не снижает критичности [9, с. 183].

Традиционно, в содержании автостереотипов отражаются своеобразные национально-культурные маркеры, которые часто включают в себя особенности жизненного уклада, природных условий, исторически сложившихся видов деятельности, общепризнанных достояний. Например, в образе собственной культуры коренных народов Хабаровского края явно выделяется лексическая единица «алмаз», что интерпретируется как оценка своей культуры через такие особенности как «дорого», «благородно» [3, с. 191].

На основе эмпирического материала исследователями констатируется наличие региональных аспектов в содержании этнических автостереотипов. В частности, Е.Ю. Красова указывает на тот факт, что в отличие от результатов исследований в Санкт-Петербурге, где «авось» трактовалось как наиболее универсальное для русского человека состояние и отношение, у трети воронежцев суждение о русских, которые любят случайную удачу, не вызвало согласия [4, с. 158]. Также было выявлено, что этнические стереотипы могут иметь различия между поколениями. Например, изучение этнических автостереотипов белорусских студентов и преподавателей выявило различия на уровне таких характеристик, как «спокойные», «инертные», «уравновешенные» [2, с. 22].

Полагаем, что даже небольшой теоретический обзор исследований по изучению этнических автостереотипов показывает многомерность проблемы, интерес научного сообщества к различным ее аспектам. Однако, признавая существенные достижения этнопсихологии в данном направлении, необходимо объективно признать, что недостаточно глубоко проработан вопрос об исторической эволюции, динамике этнических автостереотипов. Хотя имеются исследования, где сравнивались этнические автостереотипы представителей определенной этнической группы разных возрастов и выявлялись различия между поколениями. Неизвестным остается их содержание в разрезе разных исторических периодов в сознании лиц одной возрастной категории. Для изучения этого аспекта проблемы в нашей исследовательской практике возникла удобная ситуация, когда мы имели возможность сравнить этнические автостереотипы узбекской студенческой молодежи разного периода с разницей в пятнадцать лет.

Материалы и метод

Для изучения содержания этнических автостереотипов узбекской выборки в начале нашего столетия (2003–2005 гг.) в рамках академической работы нами было проведено исследование на основе ассоциативного подхода [12]. Данный методический прием предполагает перечисление тех ассоциаций, которые вызывает соответствующий этноним (название этнической группы – Э. П.), и нередко применяется именно для изучения этнических стереотипов [10]. Выделяют два варианта проведения ассоциативного эксперимента – направленный ассоциативный эксперимент (испытуемые ограничиваются определенной категорией лексических единиц) и свободный ассоциативный эксперимент (испытуемые не ограничиваются в вариантах

CC BY

Таблица 1

Иерархия основных категорий в структуре этнических автостереотипов узбекской молодежи в историческом срезе

Table 1

Hierarchy of the main categories in the structure of ethnic autostereotypes of Uzbek youth in the historical cross-section

2005 г.		2020 г.	
Категория	Удельный вес (%)	Категория	Удельный вес (%)
Национальная одежда	35	Личностные черты	55
Национальная кухня	17	Отношение к истории	6
Традиционные виды деятельности	10	Географические признаки	6
Сельхозпродукты	7	Родственные связи	5
Личностные черты	6	Национальные традиции	5
Национальные традиции	5	Национальная одежда	4
Внешние признаки	4	Внешние признаки	4
Национальная посуда и мебель	4	Правовые и идеологические признаки	4
Родственные связи	2	Известные личности	3
Географические признаки	2	Национальная кухня	2
Другие	8	Другие	6

ассоциативных реакций). В целом, целесообразность ассоциативного-методического подхода обосновывается, в том числе, тем, что при изучении этнических стереотипов существенное влияние может оказать фактор социальной желательности [7]. Поэтому рекомендуется использовать такие методы сбора данных, в которых нивелируется нормативность ответа через использование косвенных признаков, которые, например, присутствуют в пословицах и поговорках или с помощью проективных ситуаций и неоконченных предложений [4].

В нашем исследовании в обоих случаях применялся направленный ассоциативный эксперимент, где испытуемым предлагалось представить ассоциативные реакции в лексическом пространстве имен существительных. Такая направленность была продиктована, в первую очередь, желанием выявить конкретные компоненты своеобразной понятийной сетки, через которую воспринимается собственная этническая группа. В качестве испытуемых в обоих случаях выступали студенты вузов – рандомизированная выборка в первом эксперименте составила 185 человек, во втором – 178.

Результаты и обсуждение

Процедура сбора эмпирического материала посредством ассоциативного эксперимента предполагала фиксирование лексических единиц-ассоциаций, которые вызывает у испытуемых этноним «узбеки». В последующем первичные данные подвергались контент-анализу, где частные ассоциации объединялись в отдельные смысловые группы. Далее производился расчет частоты каждой группы в общей совокупности всех ассоциативных реакций на предложенный стимул-этноним. Эмпирические и статистические действия по описанному алгоритму позволили выявить и сравнить основное содержание этнических автостереотипов узбекской молодежи начала нашего века и сегодняшнего дня (см. таблицу).

Самое главное различие, которое было выявлено в содержании этнических автостереотипов узбекской молодежи в историческом разрезе длинною в пятнадцать лет, заключается в существенном сдвиге категории «личностные черты». В ответах узбекской молодежи пятнадцатилетней давности относительно образа своей этнической группы заметно преобладал материально-культурный вектор восприятия этноса – национальная одежда («тюбетейка», «атлас» и др.), национальная кухня («плов», «сумалак» и др.), традиционные виды деятельности («кетмень», «поле» и др.), сельхозпродукты («хлопок», «дыня» и др.).

Современная молодежь также нередко апеллирует к признакам из категории формально-внешней атрибутики национального уклада жизни, однако их удельный вес намного снизился, они уступили ведущее место личностным качествам, которые приписываются представителям своего этноса. Безусловно, данный феномен заслуживает отдельного глубокого историко-психологического анализа, требует более углубленного изучения в более широком контексте. На данный момент мы полагаем, что это явление может быть признаком заметных сдвигов в национальном самосознании узбекской молодежи, которые проявляются, в том числе, в переносе центра внимания от внешних атрибутов традиционного образа жизни этноса, на внутреннюю составляющую этих формальных признаков. Кроме того, немаловажную роль, видимо, играет политическая ориентация на промышленное развитие страны с поэтапным снижением доли традиционного аграрного сектора, что неминуемо меняет картину традиционного труда, как в плане усовершенствования орудий труда, так и по части организации деятельности с привнесением инноваций.

Выводы

Таким образом, сравнительное изучение главных компонентов этнических автостереотипов узбекской молодежи начала века показало, что на тот период восприятие своей этнической группы, в первую очередь, происходило через призму внешних этнодифференцирующих знаков (национальной одежды, национальной кухни и т. д.), тогда как пятнадцать лет спустя на

CC BY

первый план вышло восприятие личностных особенностей, придающих смысл внешней атрибутике. На наш взгляд, это может быть связано, во-первых, с ослаблением консервативных тенденций в соблюдении формальной стороны этнического образа жизни и усилением так называемого модернизма; во-вторых, с развитием более зрелого подхода в этническом самовосприятии как результате активной молодежной политики с ориентацией на единство общечеловеческих и национальных традиций.

Список литературы

1. Манцаева А.Н. Этнические стереотипы в межкультурной коммуникации / А.Н. Манцаева, Д.Н. Батаева // Балтийский гуманитарный журнал. – 2019. – Т. 8, №2 (27). – С. 218–221.
2. Волынец Т.Н. Этностереотипы и их отражение в языковом сознании белорусов // Русский язык: система и функционирование: сб. материалов IV Междунар. науч. конф. (Минск, 5–6 мая 2009 г.): в 2 ч. Ч. 1. – Минск: Изд-во РИВШ, 2009. – С. 16–24.
3. Завалишин А.Ю. Этнические стереотипы: экспликация и анализ / А.Ю. Завалишин, Н.Ю. Костюрина // Социология и социальная антропология. – 2017. – Т. XX, №2. – С. 177–196.
4. Красова Е.Ю. Этнические стереотипы в массовом сознании воронежцев // Известия ВГПУ. – 2015. – №3(268). – С. 156–159.
5. Платонов Ю.П. Этническая психология. – СПб.: Речь, 2001. – 320 с.
6. Попеня Е.А. Проявление агрессии в этнических стереотипах // Вестник Таганрогского института имени А.П. Чехова. – 2017. – №1. – С. 102–106.
7. Стефаненко Т.Г. Методы исследования этнических стереотипов // Методы этнопсихологического исследования. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 1993. – С. 3–27.
8. Стефаненко Т.Г. Этнопсихология: учебник для вузов. – 4-е изд., испр. и доп. – М.: Аспект Пресс, 2009. – 368 с.
9. Шахбанова М.М. Автостереотипы и гетеростереотипы в структуре этнической идентичности андо-цезских народов // Вестник института ИАЭ. – 2012. – №1. – С. 174–184.
10. Щенникова Л.С. Этнические стереотипы студентов: (результаты социологического исследования) // Псков: научно-практический, историко-краеведческий журнал. – 2001. – №14. – С. 200–204.
11. Щербакова Д.И. Этнические стереотипы в русско-чеченских отношениях // Южнороссийское обозрение Центра системных региональных исследований и прогнозирования ИППК ЮФУ и ИСПИ РАН. – Ростов н/Д: Изд-во СКНЦ ВШ ЮФУ, 2009. – Вып. 59. – 176 с.
12. Эргашев П.С. Этник стереотиплар ва уларни ўрганишнинг долзарблиги // Педагогик таълим. – Тошкент, 2003. – №4. – Б. 84–86.

References

1. Mantsaeva, A. N., & Bataeva, D. N. (2019). The Ethnic Stereotypes in the Intercultural Communication. Baltic Humanitarian Journal. Vol. 8, №2 (27), 218-221.
2. Volynets, T. N. (2009). Etnostereotipy i ikh otrazhenie v iazykovom soznanii belorusov. Russkii iazyk: sistema i funktsionirovanie. P. 1., 16-24. Minsk: The Republican Institute for Vocational Education.
3. Zavalishin, A., & Kostyurina, N. (2017). Ethnic stereotypes: explication and analysis. Zhurnal Sotsiologii i Sotsialnoy Antropologii [The Journal of Sociology and Social Anthropology]., Vol. XX, №2, 177-196.
4. Krasova, E. Y. (2015). Ethnic Stereotypes in Voronezh Citizens' Mass Consciousness. Izvestiya VGPU [Bulletin VSPU]., №3 (268), 156-159.
5. Platonov, Yu. P. (2001). Etnicheskaya psikhologiya [Ethnic Psychology]., 320. Saint Petersburg: Rech.
6. Popenia, E. A. (2017). Proiavlenie agressii v etnicheskikh stereotipakh. Bulletin of the Taganrog Institute named after A.P. Chekhov, 1, 102-106.
7. Stefanenko, T. G. (1993). Metody issledovaniia etnicheskikh stereotipov. Metody etnopsikhologicheskogo issledovaniia., 3-27. Moscow: Moscow State University.
8. Stefanenko, T. G. (2009). Ethno-psychology., 368. Moscow: Aspekt Press.
9. Shakhbanova, M. M. (2012). Avtostereotipy i geterostereotipy v strukture etnicheskoi identichnosti ando-tsezskikh narodov. Vestnik instituta IAE, 1, 174-184.
10. Shchennikova, L. S. (2001). Etnicheskie stereotipy studentov: (rezul'taty sotsiologicheskogo issledovaniia). Pskov: nauchno-prakticheskii, istoriko-kraevedcheskii zhurnal, 14, 200-204.
11. Shcherbakova, D. I. (2009). Ethnic stereotypes in the Russian-Chechen relations. Iuzhnorossiiskoe obozrenie Tsentra sistemnykh regional'nykh issledovanii i prognozirovaniia IPPK IuFU i ISPI RAN, 59., 176. Rostov-on-Don: Izd-vo SKNTs VSh IuFU.
12. Ergashev, P. S. (2003) Etnik stereotiplar va ularni organishning dolzarbligi. Pedagogik ta'lim, 4, 84-86. Toshkent.

Информация об авторе

Эргашев Пулат Собирович – д-р психол. наук, доцент Международной исламской академии Узбекистана, Ташкент, Республика Узбекистан

Information about the author

Pulat S. Ergashev – doctor of psychological sciences, associate professor of International Islamic Academy of Uzbekistan, Tashkent, the Republic of Uzbekistan

CC BY

Персональная идентичность художника как условие и результат творчества в искусстве

DOI 10.31483/r-74987
УДК 18+7.01

Мочалова Н.Ю.
Нижнетагильский государственный социально-педагогический институт (филиал) ФГАОУ ВО «Российский государственный профессионально-педагогический университет»,
Нижний Тагил, Российская Федерация.
https://orcid.org/0000-0001-9640-6555, e-mail: ochalova_n2008@mail.ru

Резюме: Автор подчеркивает, что существо проблемы персональной идентичности формулируется в виде дилеммы: личность должна быть тождественна себе, ибо она удерживает противоречивость всех переживаний, поступков, планов на протяжении всей жизни личности; личность не должна быть тождественной себе на основании включенности ее в контекст изменяющегося бытия, что неизбежно предполагает и ее внутреннее самоизменение. Отмечается, что обозначенная дилемма предполагает использование термина «идентичность» в двух контекстах: в контексте сравнения (противоположное значение «идентичному» выражается в терминах «другой», «иной», «чужой», «неравный», «обратный») и в контексте развития, темпоральности (термин «идентичность» становится по значению противоположным «изменившемуся», «непостоянному», «развивающемуся»).

Методы исследования: анализ литературы по исследуемой теме; сравнение, описательный метод.

В статье рассматривается творческая идентичность художника как диалектический процесс смены доминирующих форм, стилей, образов. Художественно-онтологическая проблема самотождественности художественной персональности представлена через диалог «своего и Другого». Художественная реальность произведения искусства дает возможность художнику в контексте интерсубъективности познать существо своей идентичности.

Делается вывод о том, что парадигмой, позволяющей обнаружить интерсубъективную обусловленность идентичности, является реляционная онтология, представляющая отношения как фундаментальную форму бытия. Подчеркивается, что персональная идентичность дискурсивно опосредована самопониманием человека, поэтому методологическим пространством, в котором разворачивается данное исследование, становится прежде всего герменевтика. Герменевтика доказывает, что самопознание и самопонимание человека есть интерпретативный процесс, составляющий важную часть онтологии субъекта. Автор также отмечает, что согласно такой методологии, персональная идентичность оказывается опосредованной своей собственной интерпретативной активностью как философия нарратива, как рассказ человека о себе, складывание истории жизни.

Автору импонирует продуктивная идея исследования Е.Г. Трубиной о рефлексии личности как креативном процессе самоконструирования применительно к модифицируемой персональной идентичности художника.

Ключевые слова: персональная идентичность, художественное творчество, диалог, самотождественность, художественная реальность, реляционная онтология.

Для цитирования: Мочалова Н.Ю. Персональная идентичность художника как условие и результат творчества в искусстве // Этническая культура // *Этническая культура*. – 2020. – № 2 (3). – С. 62-67. DOI:10.31483/r-74987.

Personal Identity of the Artist as a Condition and Result of Creativity in Art

Nadezda Y. Mochalova
Nizhny Tagil State Social Pedagogical Institute (branch) FSAEI of HE “Russian State Vocational Pedagogical University”,
Nizhny Tagil, Russian Federation.
https://orcid.org/0000-0001-9640-6555, e-mail: ochalova_n2008@mail.ru

Abstract: The author outlines that the essence of the problem of personal identity is formulated in the form of a dilemma: the personality must be identical to itself, because it retains the inconsistency of all experiences, actions, plans throughout the life of the individual; the personality must not be identical to itself on the basis of its inclusion in the context of changing being, which inevitably implies its internal self-change. It is noted that this dilemma involves the use of the term “identity” in two contexts: in the context of comparison (the opposite meaning of “identical” is expressed in the following terms: “other”, “another”, “alien”, “unequal”, “reverse”) and in the context of development, temporality (the term “identity” becomes the opposite meaning of “changed”, “impermanent”, “developing”).

Research methods: analysis of literature on the topic studied; comparison, descriptive method.

The artist's creative identity as a dialectical process of changing the dominant forms, styles, and images is reviewed in the article. The artistic and ontological problem of self-identity of artistic personality is presented through the dialogue between “One” and “Other”. The artistic reality of a work of art allows the artist to know the essence of his identity in the context of intersubjectivity.

It is concluded that the paradigm that allows us to detect intersubjective conditionality of identity is the relational ontology, which represents relationships as a fundamental form of being. It is emphasized that personal identity is discursively mediated by a person's self-understanding, so hermeneutics primarily becomes the methodological space in which this research is carried out. Hermeneutics proves that self-knowledge and self-understanding of a person is an interpretive process that forms an important part of the subject's ontology. According to this methodology, personal identity is mediated by its own interpretive activity as a narrative philosophy, as a person's story about himself, and as the formation of a life story.

The author is impressed by the productive idea of E.G. Trubina's research on the reflection of the individual as a creative process of self-construction in relation to the modified personal identity of the artist.

Keywords: personal identity, artistic creativity, dialogue, self-identity, artistic reality, relational ontology.

For citation: Mochalova N.Y. (2020). Personal Identity of the Artist as a Condition and Result of Creativity in Art. *Etnicheskaya kultura = Ethnic Culture, 2(3)*, 62-67. (In Russ.) DOI:10.31483/r-74987.

CC BY

Введение

Художественность следует рассматривать как сложный экзистенциал бытия, как способ смыслового бытийствования художника и человека. Художественная попытка самоидентичности обречена на продуктивное воображение, образное переосмысление и смысловую трансформацию фактов собственного Я, своей биографии, на художественную побудительную эвокацию, на проживание чужих жизней как своей (инобытийствование). Самое сложное в исследовании – понять и воспроизвести авторскую идентичность без ущерба для нее самой, ухватить ее сокровенное существо без внешних вкраплений.

Как совместить в одном человеке две ипостаси – собственно человеческую и творческую? Должны ли они находиться в абсолютном согласии с собой, либо принцип творческого рассогласования, диспозиционности сущностно необходим для творческой состоятельности? Создаваемая художником художественная реальность содержит экзистенциальный компонент субъективности ее создателя. Всякий творческий акт художника можно понимать как определенный этап пути, точку осмысления себя как неокончательный вариант, отвергающий устойчивые неизменные идентификации.

Методы исследования

Тема подвижной, неустойчивой, меняющейся идентичности нашла отражение в психоаналитической традиции, акцентирующей внимание на иррациональной мотивации процесса художественного творчества. Нельзя преувеличивать меру иррационального в обнаруживаемом таланте, ибо реализация его имеет не только трансцендентную связь с некими космическими силами, но и с многообразием жизненного контекста бытия с его непосредственными живыми эмоциональными впечатлениями и внехудожественными повседневными отношениями. Но, несомненно, также, что для искусствоведения результаты исследований психологов представляют огромный интерес, позволяя обогатить методологию исследования новым взглядом на предмет, в том числе и на закономерности функционирования творческой личности художника.

Культурная самоидентификация художника является одной из самых интересных и сложных тем герменевтического исследования. Всякая герменевтическая операция требует безусловного знания контекста создания произведения искусства, уважительного отношения к нему без попыток современных модернизаций, особенно исторически удаленных эпох. Но произведения прошлого могут получить и второе, третье рождение в контексте современности новой эпохи, и тогда строгими требованиями герменевтики можно поступиться.

Процесс художественного творчества отвергает однозначные устойчивые идентификации, каждый конкретный акт творчества – это еще один шаг к линии горизонта. «Перестать мыслить себя в виде «моего Я» ради того, чтобы проживать себя как поток, как совокупность потоков, находящихся в отношениях с другими потоками вне себя и в себе», – метко уточняет Ж. Делез [3, с. 74]. Условия интерсубъективного формирования персональной идентичности художника неразрывно связаны с дискурсивной обусловленностью ее существования. Начало формирования индивидуального сознания и идентичности связано с превышением себя и принятием иного, с обменом, взаимодействием и взаимопереходом внешнего и внутреннего, диалогом реального и трансцендентного.

Парадигмой, позволяющей обнаружить интерсубъективную обусловленность идентичности, является реляционная онтология, представляющая отношения как фундаментальную форму бытия. Человеческое «Я» берется в его бытии с другими, как уникальная часть человеческой общности, которая и формируется этой общностью.

Творчество как тенденция к самореализации предполагает самонахождение «моего другого» (Г. Гегель), то есть раскрытие себя как предполагаемой ценности. В процессе экзистенциального творчества человек обращается к себе как к иному; в «моем другом» уже заложена творческая неожиданность самооткровения, возможность обнаружения скрытых ценностных параметров. На этом построена эстетическая концепция диалога и полилога М.М. Бахтина [1].

Только в процессе творчества человек обладает своей субъективностью как целостностью. Творчество в этом аспекте есть «снятие противоречия» данного и должного, наличного и полагаемого, идеального и реального. Все многообразие отношений сокровенного мира приобретает большую степень слитности осознаваемого и неосознаваемого, чувственного и рационального, социально-нормативного и индивидуального, актуального и диспозиционального, действительного и возможного. Именно в процессе творческого акта указанные противоречивые моменты полностью или частично совпадают, до него же, в бидоминантном состоянии они не совпадали.

Признание необходимости интерсубъективных отношений ставит художника перед необходимостью его самореализации, способной наглядно выявить определенную когерентность отдельных эпизодов жизни и творчества.

Уже на начальной стадии исследования видно, что разъять человеческое и художническое, Я и не – Я, индивидно-природное и индивидуально-творческое в натуре художника невозможно. В поисках своего бытийного и творческого тождества человек все время всматривается в Другого. «Не только в жизни художника, но и в жизни любого человека происходит этот взаимообмен и взаимное притяжение: проба на прочность и сокрушение на уровне какого-то нового основания оппозиции «свой» и «чужой». Только у обычного человека внутренние путешествия по поиску своего Я более одномерны. У художника эти путешествия – красочнее, рельефнее, осязаемее, смелее, самозабвеннее», – отмечает О.А. Кривцун [7, с. 25].

Реальное Я каждого человека, а у художника в особенности, непрерывно изменяется, причем, закономерность модификаций такова: чем талантливее художник, тем в большей степени в его внутреннем мире, в его Я наблюдается явное присутствие Другого, некий

CC BY

избыточный эффект присутствия Другого. Творческое сознание художника на каждом из этапов его бытия демонстрирует неискоренимую потребность самоутверждения. Эта потребность не прямой, не фронтальной саморепрезентации, а чуткое, выверенное интуицией постижение себя, обнаружение новых сторон своей самости через диалог с Другим.

Научившись присваивать духовный опыт Другого, принимать иную по отношению к себе сущность, художник формирует новые ипостаси своей самости за счет усвоения пережитого «чужого», либо пробуждать благодаря чужому эмотивному опыту, неизвестные себе, до определенного момента собственные черты, свойства, способности.

Бесконечное самоотождествление, поиски себя, превышение себя, трансцендирование возможно только при участии Иного – Другого, который и становится явленной границей не-своего; и только через эту нетождественность процесс самопознания и может осуществиться. Парадоксально, но субъективное человеческое Я обязано своим существованием тому, что ему внеположено: «Наша взаимная потребность друг в друге требует и единства, и сохранения разобщенности. Другой претендует на меня, в то же время он заинтересован в сохранении моей свободы, ибо взыскует меня, как иное себе» [10, с. 413].

Научиться проникать в Иное, понимать Другого с тем, чтобы через иное бытие постичь тайны собственного бытия и творчества – сверхзадача любого художника. Перипетии художественной самоидентификации воплощаются во взаимодействии двух важнейших конкурирующих установок. Первая связана с необходимостью самотождественности, с желанием совпасть с самим собою; для художника это осмысленный и всегда индивидуальный выбор «своей» темы, предмета, героя, конфликта, позиции, манеры, стиля. Художник, зачастую интуитивно, но безошибочно, определяет степень органичности или чуждости предлагаемого материала – темы, моделей, образов, ситуаций. Иная противоположная установка раскрывает механизм становления персональной идентичности художника под значительным влиянием чужого мнения. Такого рода усложнение исходных параметров требует соотношения меры и свободы волеизъявления с границами зависимости от чужой субъективности. Ощутить подлинность собственного существования можно лишь в той мере, в какой ты представлен в Другом [4, с. 118].

Сознание художника не является пассивным отражением бытия, оно устанавливает непосредственный контакт с миром, обнаруживает присутствие «Я» во всех проявлениях человека в мире.

Основным мотивом интенционального проявления и является самоидентификация. Среди способов самоидентификации для художника особым значением обладают те культурные формы, которые обнаруживают соприкасающиеся грани «Я» и «Другого» в контексте интерсубъективности. Миром «Другого» может стать вся культура, все ее прошлые и настоящие артефакты, за которыми стоят другие миры и другие субъекты. Диалог с ними – условие обнаружения себя и своего мира. Понять самого себя можно только обращаясь к собственным текстам-продуктам и текстам-продуктам других авторов. Следовательно, возможности персонального самопонимания предопределены для человека осознанием двойственности мира как слияния «своего» и «чужого».

Важно понимать, что идентичность «Я» не может быть представлена и как итог уединенного сокровенного размышления о себе; искомая персональная идентичность не может быть усмотрена только в переживаниях, чувствах, личных реакциях. Формируемая в жизненном контексте способность к самосознанию, самоконтролю является продуктом социального контекста. Интересно описывает Э. Гоффман понятие «политики идентичности». Это тот образ себя, который создается у социального окружения человеком о самом себе. Гоффман разрабатывает способы влияния идентичности на социальное окружение через различные техники: техника избегания, компенсации (искажение мнения о себе), техника деидентификации (изменение признаков персональной идентичности). Целью этих техник является охрана собственной идентичности в социальных сетях коммуникации. Умение овладеть ситуацией, разрешить ее в свою пользу упрочивает ощущение личной безопасности и значимости.

Понятие «политики идентичности» фиксирует изменяемость, континуальность Я и разнообразие идентичностей, возникающих в процессе социальной коммуникации у человека. Интересна представлена драматическая модель социального взаимодействия Эрвина Гоффмана, в особенности введенная им метафора «сцены», что позволила представить общественную жизнь как инсценировку, а участие в ней индивида как само-представление (performance), которое опирается на «ролевую дистанцию». Способность индивида к самонаблюдению, дистанцированию от своих социальных ролей и делает его «индивидуальностью», чья идентичность складывается вне соотнесенности с коллективом или значимой референтной группой [4, с. 145]. Для художественной идентичности важно сохраненное пространство «бытия-в-себе и для-себя».

Завершенное произведение искусства резервирует бесконечность смыслов не только для воспринимающих это произведение, но и для своего создателя. Уже в процессе работы художник по мере создания произведения сам внутренне меняется, при этом уточняется, коррелируется как архитектоника произведения искусства, так и смысловая составляющая «вещи». Она вырастает вместе с создателем, чутко реагируя на нюансы художественной и внехудожественной вовлеченности в творчество.

Сама природа художественного творчества, заключающая в себе вымысел игры, инсценировки, лицедейства, предъявляет художнику требования чрезмерной гибкости в творчестве, связанные с художественной идеализацией и пластичностью самоидентификации.

Для художника идентификация – это способность обретения самотождественности. При разных оценках – позитивных или негативных – зеркальное отражение живого тела возможно только при условии – видящий становится одновременно и видимым. Уже на уровне созерцания образа своего тела человеку дается

CC BY

возможность самому определить, что есть часть его собственного Я, а что ею не является. Художественное отражение бросает вызов «модели», и модель по-разному мобилизует себя, отвечая на этот вызов.

Жанр автопортрета или автобиографии – самый «искренний», исповедальный жанр искусства, по сути, максимально точно воплощает как миместический принцип искусства, так и репрезентацию индивидуальности личности художника в процессе самопознания, самоизображения и самовидения. Автопортрет мгновенно высвечивает и внешность, и внутренний мир художника для того, чтобы он вступил в спор-диалог с Другим и был бы им понят. Автопортрет становится нитью диалога с Другим, потенциальной ценностью для Другого.

Но даже будучи заинтересованным в Другом, художник испытывает чувство тревоги, опасения перед этим Другим, что обостряет желание выглядеть достойно, бессознательно скрыть через одежду, грим, прическу, жесты то, что кажется непривлекательным [12, с. 23]. Это заставляет художника обращаться к приемам масок, личин, скрывающих в автопортрете сокровенное.

Превышение мыслимого образа Я в сравнении с реально имеющимся есть необходимое условие осмысленной необходимости в новой скорректированной идентификации, которая неизбежно включает в себя механизм идеализации. Процесс «отзеркаливания» идеализируется и в значительной степени выступает способом самозащиты своего внутреннего сокровенного мира. Рембрандт написал за свою жизнь десятки автопортретов, изображая себя солидным бюргером, беспечным кутилой, рефлексирующим философом. Почти тридцать автопортретов художника запечатлели его мудрым и простодушным, любящим и надменным, серьезным и смеющимся. При самой высокой степени самоотождествления ни один из этих автопортретов не может передать всего богатства конкурирующих смысловых качеств, из которых художник вынужден отбирать в новое полотно определенный на данный момент самовосприятия образ, некую грань своего Я.

Отношение художника к своему герою-персонажу как к себе, воспринимаемому со стороны, есть результат раздвоения, напряженной саморефлексии, углубленного самопознания. Образ становится центром репрезентации личностных смыслов автора, который одновременно и свободен, и не свободен от своего героя. Отождествление с образом-героем происходит частично, в чем-то одном, сохраняя возможность ситуации «вненаходимости» относительно другого аспекта. Взаимодействуя с персонажем как со своим двойником, идеальным образом своего Я, художник пытается взглянуть на себя со стороны через выбранный ракурс таким образом, чтобы переживание предстало в целостном виде. Переживания, мечты, грезы, ценностные позиции, которые автор еще пока интуитивно предчувствует, в персонаже находят свое явленное выражение.

Творчество в этом смысле – отход от своего реального «Я», которое есть промежуточный итог самопознания. Применительно к сложному процессу художественного творчества М.С. Каган и М.П. Лохтина описывают это так: «Далеко не все то, что характеризует эмпирическое «Я» художника, получает отражение в его произведениях, в своей творческой ипостаси художник обособляется от своего эмпирического «Я», его личность обобщается, идеализируется (от идеала!), социализируется, и он воспринимает свою деятельность не как заданную извне, а как «миссию» [5, с. 75]. В такие экзистенциальные моменты «свое другое, тайное» оценивается с точки зрения высших, предельных экзистенциальных ценностей – «святыней духа». В эти витальные критические моменты, по Байрону: «станции на жизненном пути, где судьба меняет лошадей», происходит обнажающее – интимная, искренняя и неизбежная встреча с самим собой. В эти моменты «суда над самим собой» человек предельно искренен и абсолютно прав. На предельной глубине сокровенного мира фальши быть не может, извечные святыни-ценности понятны всем и каждому. Изменить им, отречься от них равносильно предательству себе, отречению от себя как от человека. Наличие этих святынь духа связует Человечество как род Людей, являясь высшим гарантом наличия в них человечности и духовности.

Результаты исследования

Таким образом, каждое конкретное произведение – есть результат прохождения через серию идентификаций; художественное творчество изначально опровергает устойчивые и конечные идентификации [8, с. 345].

Любой акт идентификации устраняет зазор между внутренним и внешним, своим и чужим, экзистенциальным и символичным. С другой стороны, процесс идентификации и возможен только потому, что существует дихотомия внешнего и внутреннего, реального и символического (ибо любая форма внешней идентификации включает в себя символическое измерение, искусство же – прежде всего). В искусстве человек желает и находит необходимый ему образ превышающей ценности, до которой он желает дотянуться, соответствовать ему.

Позиции и контексты могут быть различными, и все-таки речь идет об их закономерной идентичности, выражаемой индивидуальной самостью. Через субъективное определение непрерывности констант, универсалий, устойчивых повторов, значимых удержаний выстраивается жизненный мир, значимый для стратегий идентификаций [2]. Новая форма своей идентичности может быть и корректирующей, и замещающей (отчуждающей), и иллюзорной, и эгоцентричной. Любой новый процесс «собирания себя», новая форма идентичности определяется дистанцированием, желанием заштриховать (сократить) или четче обозначить (расширить) пространство между реальным Я и мыслимым, воображаемым Я.

Именно искусство раскрывает «тайну» каждого типа культуры, не обнажаемую ни в одной другой сфере человеческой деятельности [6]. Оно становится образной моделью культуры, ее портретом, самосознанием, таинственным кодом, который позволяет проникнуть в сокровенные тайны индивидуальной и коллективной ментальности.

CC BY

Обсуждение

Исследователи художественного творчества, разбирая процесс идентификации, интерпретируют его как процесс «миместического соперничества», поиск такого подобия, которое воспринимается художником как максимально адекватное его духовному миру. Идентификация предполагает нахождение и присвоение некоей формы-образа, которая воспринимается человеком как близкая, созвучная, желаемая, нужная себе сегодняшнему «тут-и-сейчас».

Для нашего анализа персональной идентичности художника важна исследованная П. Рикером конструктивная роль искусства, художественного произведения в отношении его самости. Художественный текст за счет деятельного характера расположения фактов творчески подражает действительности («мимесис») и, будучи прочтенным другим, вызывает к себе отношение, основанное на идентификации (персонажа и воспринимающего). Именно благодаря идентификации меняется и воспринимающий произведение искусства, происходит рефигурация его самости. Изменения идентичности через текст не происходит механически, однонаправлено. Скажем, читатель сам создает свое отношение к тексту, его автору, также творчески-активно он может, не ограничиваясь иллюзорным миром фантазий, изменить и свою жизнь в соответствии с новой идентификацией. Познание себя подлинного через преобразование себя дает человеку шанс стать таким, каким он себя познает. Тогда моя конструкция себя – это не самообман, не кажимость, а сознательно осуществляемая позиция.

Только такое понимание идентичности как деятельной реализации, выражаемой в повествовании о себе и для себя, по П. Рикеру, устойчиво к испытанию, которому подвергается человек в современной культуре, переживая кризис своей идентичности.

Рассмотренные позиции современного философского знания на проблемы персональной самотождественности объединяет общее понимание основания идентичности, выраженное как нарративная связность. Последняя понимается как когерентная история личности о самой себе, история своей жизни. Пространство само-обозначения как самопризнание, как осмысленное изложение последовательных образов «я могу» является для П. Рикера конкретной феноменологической данностью, подтверждающей диалектику самотождественности и самости через нарративную историю [9, с. 90].

Персональная тождественность должна установить определенные отношения между психологической непрерывностью и связностью личности. От личности не требуется всегда соответствовать «единству слова и дела», важен рассказ о себе от своего имени, от имени Я (нарративная связность). «Если этот рассказ связан и последователен – идентичность налицо», – заключает свое исследование Е.Г. Трубина [11, с. 145]. Осознавая ненадежность искренности рассказа о своей жизни, Е. Трубина, тем не менее не подвергает сомнению достаточность нарративного дискурса как критерия самоидентичности на том основании, что «он является результатом действий самой персоны» и «обусловлен активной авторизующей (творческой) работой личности как действующего агента по интеграции и материализации планов и проектов личности». Мы согласны с мнением Е.Г. Трубиной, что именно в рамках нарративной теории развивается конкретная диалектика самотождественности и самости художника.

Нам представляется завершающийся творческий проект через обоснование диалектики рефлексивности и инаковости в форме взаимного признания. Во взаимном признании проблема идентичности достигает кульминации: самая подлинная идентичность человека, делающая его тем, кто он есть, требует от другого признания себя в достигнутом статусе, образе, роли.

Изначальная асимметрия понятий «один» и «другой» противоречит идее обоюдности, сохраняя риск предать забвению имманентные различия. Признание асимметрии, которой угрожало забвение, оборачивается признанием незаменимого характера при контакте друг с другом: один не есть другой, обменивают дарами (П. Рикер), а не местами. Вторая причина сохранения стержня собственной идентичности при контакте с иным – в сердцевине взаимности сохраняется дистанцирование, уважительность к частной сфере жизни. Взаимность не обязательно оборачивается слиянием, утратой самотождественности в любви, дружбе, братстве, существующих на уровне отдельных субъектов [1, с. 56, 69, 219]. Обретение человеком абсолютной уверенности в собственной идентичности осуществляется благодаря признанию другим богатства его способностей.

Для нашего анализа персональной идентичности важна исследованная конструктивная роль искусства, художественного произведения в отношении самости.

Заключение

Итак, персональная идентичность художника формируется через диалектическое единство автономного, убежденного в своих правах и возможностях человека с другими людьми, которые подтверждают укорененность личности в художественной реальности и способствуют ее творческому самораскрытию и реализации.

Сама природа художественного творчества, несущая в себе вымысел инсценировки, лицедейства, предъявляет художнику требования чрезмерной гибкости в творчестве, связанные с художественной идеализацией и пластичностью самоидентификации.

В заключении следует отметить особый способ творческой самореализации сокровенного мира индивидуальности, в котором бы наиболее полно осуществилась его ценностная перестройка. На наш взгляд, это искусство, где художественное самовыражение становится как средством и способом осуществления художественной деятельности, так средством и способом творческих ценностных преобразований на уровне сокровенного мира самого художника. Это не два изолированных, параллельных процесса, а единое художественное сотворение себя или человеческое самовыражение в художественной деятельности; причем, успешность одного определяется полнотой выражения другого.

Таким образом, мы убеждаемся в том, персональная идентичность художника, являющаяся «сгустком»

CC BY

отличительных свойств и уникальных черт чистой самобытности, есть реальное проявление общечеловеческого содержания. На предельной глубине сокровенного мира ценности не могут быть только внешним средством, ибо верить и следовать им означает то же, что оставаться собой, сохранять свое достоинство, быть человеком. Целостное человеческое бытие соизмеряется с «тотальностью» общественно-исторического прогресса, с определенной совокупностью высших смыслообразующих ценностей культуры. Культура является основой человеческих мироотношений. Каждый индивид в процессе своего становления именно человеком овладевает миром культуры и собственным миром, приобщаясь к ценностям культуры и к ценностям собственного человеческого мира.

Тип художественной авторской идентичности и реализует субъективную целостность и самотождественность творящей личности, ее реальной психологии и конкретной ценностной позиции перед миром. Интегральные структуры персональной идентичности содержательно моделируют мироотношение художника, формируют целостную концепцию как воспринимаемого мира в единстве его предметных и ценностно-смысловых связей, отношений, свойств, состояний, так и художественно-образного мира произведений этого автора.

Список литературы

1. Бахтин М.М. Эстетика словесного творчества. – М.: Искусство, 1979. – 423 с.
2. Грякалов А.А. Письмо и событие. Эстетическая топография современности. – СПб.: Наука, 2004. – 484 с.
3. Делез Ж. Критика и клиника. СПб., 2002. – 127 с.
4. Заковоротная М.В. Идентичность человека. Социально-философские аспекты. – Ростов н/Д: Изд-во Северо-Кавказского научного центра высшей школы, 1999. – 200 с.
5. Каган М.С. Эстетическое значение трансформации межличностных отношений в самовыражении художника / М.С. Каган, М.П. Лохтина // Эстетическая культура в условиях НТП. – Свердловск. – 1987. – С. 72–79.
6. Каган М.С. Философия искусства. Се человек / М.С. Каган. – М.: Юрайт, 2019. – 367 с.
7. Кривцун О.А. Творческий процесс как потенцирование многомерного Я художника // Метаморфозы творческого Я художника / отв. ред. О.А. Кривцун. – М.: Памятники исторической мысли, 2005. – С. 14–32.
8. Мочалова Н.Ю. Музей как институт идентификации исторического типа культуры // Евразийский юридический журнал. – 2019. – №9 (136) – С. 344–346.
9. Рикёр П. Путь признания. Три очерка / П. Рикёр; пер. с фр. – М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2010. – 267 с.
10. Сартр Ж.П. Бытие и ничто: Опыт феноменологической онтологии. – М.: Республика, 2000. – 413 с.
11. Трубина Е.Г. Рассказанное Я: Проблема персональной идентичности в философии современности. – Екатеринбург: Ин-т философии и права, 1995. – 150 с.
12. Юровская Э.П. Автопортрет как культурная самоидентификация художника // Философии связующая нить … (к юбилею Э.П. Юровской) – СПб.: Санкт-Петербургское философское общество, 2009. – 224 с.

References

1. Bakhtin, M. M. (1979). Estetika slovesnogo tvorchestva [The Aesthetics of Verbal Creativity]., 423. Moscow: Iskusstvo.
2. Gryakalov, A. A. (2004). Letter and the event. Aesthetic topography of modernity., 484. Saint Petersburg: Nauka.
3. Deleuze, G. Kritika i klinika. Saint Petersburg., 2002., 127.
4. Zakovorotnaya, M. V. Identichnost' cheloveka. Sotsial'no-filosofskie aspekty [The Identity of the person. Socio-philosophical aspects]., 200.
5. Kagan, M. S., & Lokhtina, M. P. (1987). Esteticheskoe znachenie transformatsii mezhlichnostnykh otnoshenii v samovyrazhenii khudozhnika. Esteticheskaia kul'tura v usloviiakh NTP, Sverdlovsk, 72-79.
6. Kagan, M. S. (2019). Filosofiia iskusstva. Se chelovek., 367. Moscow: Iurait.
7. Krivtsun, O. A. (2005). Tvorcheskii protsess kak potentsirovanie mnogomernogo Ia khudozhnika. Metamorfozy tvorcheskogo Ia khudozhnika, 14-32. Moscow: Pamiatniki istoricheskoi mysli.
8. Mochalova, N. Yu. (2019). Muzei kak institut identifikatsii istoricheskogo tipa kul'tury. Journal of Eurasian Law, 9 (136), 344-346.
9. Ricœur, P. (2010). Parcours de la Reconnaissance – Trois Études., 267. Moscow: Russian Political Encyclopedia (ROSSPEN).
10. Sartre, J.-P. (2000). Being and Nothingness: An Essay on Phenomenological Ontology., 413. Moscow: Respublika.
11. Trubina, E. G. (1995). Rasskazannoe Ia: Problema personal'noi identichnosti v filosofii sovremennosti., 150. Ekaterinburg: Institute of Philosophy and Law.
12. Iurovskaia, E. P. (2009). Avtoportret kak kul'turnaia samoidentifikatsiia khudozhnika. Filosofii sviazuiushchaia nit', 224. Saint Petersburg: Saint-Petersburg Philosophical Society.

Информация об авторе

Мочалова Надежда Юрьевна – канд. филос. наук, доцент, заведующая кафедрой Нижнетагильского государственного социально-педагогического института (филиала) ФГАОУ ВО «Российский государственный профессионально-педагогический университет», Нижний Тагил, Российская Федерация

Information about the author

Nadezda Y. Mochalova – candidate of philosophical sciences, associate professor, head of department of Nizhny Tagil State Social Pedagogical Institute (branch) FSAEI of HE “Russian State Vocational Pedagogical University”, Nizhny Tagil, Russian Federation

CC BY

Инновационный потенциал формата фотокниги в этнокультурной коммуникации

DOI 10.31483/r-74972
УДК 811.17

Дорощук Е.С.
ФГАОУ ВО «Казанский (Приволжский) федеральный университет»,
Казань, Российская Федерация.
https://orcid.org/0000-0001-8380-9304, e-mail: Leona31@yandex.ru

Резюме: В статье рассмотрены особенности такого получившего широкое распространение формата как фотокнига в контексте визуальной этнографии. Подчеркивается, что фотокнига исследуется как средство для создания визуальных этнографических материалов, позволяющих проводить исследования современных культур и этносов для формирования культурной идентичности.

Методы. В качестве предмета анализа выбраны современные фотобуки, созданные фотохудожником из Японии Икуру Куваджимой.

Результаты. Выявлен потенциал фотобука как авторского произведения и описан его коммуникативный потенциал в этнокультурном взаимодействии. Этнофотокнига определена, как такой формат визуальной коммуникации, в котором каждый фотоснимок обладает этносмыслом, что способствует созданию авторского фотоповествования, как специфической формы отражения этноса, с репрезентацией этнообразов. Выделены особенные функции этнофотокниги, реализуемые при активизации авторского начала: поиска собственной идентичности; изобразительного (сюжетного) повествования об этносе; создания целостности этноповествования; приращения информации об этносе; исследования этноса посредством фотоизображения; детализации этнического взгляда на мир; сохранения этнических картин мира; постижения культуры другого. Определено, что современная фотокнига выделяется документализмом содержания и мультимедийными возможностями, придающими ее контенту черты прагматизма и стриминга. Этнофотокнига проявляется как значимое содержательное произведение, в котором автор ведет изобразительный рассказ об этносе посредством фотографий, создавая целостный художественно-смысловой образ этноса.

Делается вывод о том, что это способствует особой акцентировке читателя на определенных элементах этнообраза и способствует созданию новой информации об этносе. Отмечается, что одной из разновидностей фотокниг становится авторская фотокнига, как глубинное исследование себя в контексте этничности территорий, отраженных в фото-этнолетописи фотохудожника.

Ключевые слова: фотокнига, визуальная этнография, авторская фотокнига, фотожурналистика, изобразительное повествование.

Для цитирования: Дорощук Е.С. Инновационный потенциал формата фотокниги в этнокультурной коммуникации // *Этническая культура*. – 2020. – № 2 (3). – С. 68-73. DOI:10.31483/r-74972.

Innovative Potential of Photobook Format in Ethnocultural Communication

Elena S. Doroschuk
FSAEI of HE "Kazan (Volgs region) Federal University",
Kazan, Russian Federation.
https://orcid.org/0000-0001-8380-9304, e-mail: Leona31@yandex.ru

Abstract: The features of such a widely used format as a photo book in the context of visual ethnography were reviewed in the article. It is noted that the photobook is studied as a tool for creating visual ethnographic materials that allow to conduct a research on modern cultures and ethnic groups to form a cultural identity.

Methods. As the subject of analysis, modern photobooks created by the photographer from Japan Ikuru Kuwajima were selected.

Results. The potential of the photobook as an author's work is revealed and its communicative potential in ethnocultural interaction is described. An ethno-photo book is defined as a format of visual communication in which each photograph has an ethnical meaning, which contributes to the creation of author's photo narration, as a specific form of reflection of an ethnos, with a representation of ethnic images. The special functions of the ethno-photo book, which are realized upon activation of the author's principle, are highlighted: the search for their own identity; pictorial (plot) narrative about an ethnic group; creating the integrity of ethno-narration; increment of information about the ethnic group; ethnos research by means of a photo image; details of the ethnic world view; preservation of ethnic pictures of the world; comprehending the culture of another. It has been determined that a modern photo book is distinguished by documentary content and multimedia features that give its content traits of pragmatism and streaming. An ethno-photo book is manifested as a meaningful substantial work in which the author narrates a pictorial story about an ethnos through photographs, creating a holistic artistic and semantic image of the ethnos.

It is concluded that all this contributes to a special emphasis of the reader on certain elements of the ethnographic image and contributes to the creation of new information about the ethnos. It is mentioned that one of the varieties of photobooks is the author's photobook, as an in-depth study of oneself in the context of the ethnicity of the territories reflected in the photo-chronicles of the photographer.

Keywords: photo book, visual ethnography, the author's photo book, photojournalism, pictorial narrative.

For citation: Doroschuk E.S. (2020). Innovative Potential of Photobook Format in Ethnocultural Communication. *Etnicheskaya kultura = Ethnic Culture, 2(3)*, 68-73. (In Russ.) DOI:10.31483/r-74972.

CC BY

Введение

Изучение народов мира при помощи фотографии в России имеет давние исторические традиции. И на современном этапе развития этнокультур этот способ изучения этносов не утратил своей актуальности. Даже предрекаемое забвение и невозможность конкурировать с «живой фотографией» (Болеслав Матушевский) – кинематографом не смогли заставить фотографию стать менее востребованной, создавать новые формы и жанры, отражающие современность. С появлением медиаискусства возник и новый формат медиафотографии, в частности, мобильной фотографии (мобилографии), которая отвечает современным потребностям человека медийного – она, по справедливому мнению Т.С. Паниотовой и М.В. Митрохиной «становится одной из основных форм общения, одним из важнейших способов обмена информацией, а изображение – центральным конструктом мышления современного человека» [13, с. 150]. Все это свидетельствует о неизменном интересе к этому формату отражения мира и требует изучения новых его характеристик, полученных им в ходе информационных и культурных трансформаций. Важно взглянуть на данный формат как на средство этнокультурной коммуникации, в которой одним из центральных звеньев выступает образ народа, созданный и запечатленный фотографом, исходя из ценностей и общекультурных закономерностей. Это и стало целью данной статьи.

Методы

Основными методами исследования стали теоретический и функционально-содержательный анализ фотокниг, созданных японским фотохудожником Икуру Куваджимой в процессе изучения культур народов России, осуществленном в 2013–2018 гг. Анализу подверглись авторские фотокниги И. Куваджимы, опубликованные в российских и зарубежных издательствах.

Результаты

Исследование этнофотокниг в контексте этнокультурной коммуникации позволило определить основные особенности данного формата.

1. Исторические особенности развития визуальной коммуникации при использовании фотографического изображения сформировали отношение к ней как к одному из наиболее эффективных средств организации и осуществления этнокультурной коммуникации, что выражается в репрезентативных возможностях фотографического изображения и создаваемых им этнокультурных образов, способствующих «этнокультурному ведению» – постижению мира разных культур.

2. Исходя из того, что современный человек находится в пространстве визуальной коммуникации, роль которой в мышлении и обмене информацией постоянно возрастает, фотография и форматы ее представления, находясь под влиянием информационно-технологических и культурных трансформаций, определяют значимость межкультурного обмена в сближении культур.

3. Фотокнига рассматривается как формат, на современном этапе развития медиа позволяющий сконцентрировать разные виды фотоповествования, с акцентом на самовыражении фотохудожника. Это позволяет не только представить особенности культурной идентичности передаваемых образов, но и сформировать свою идентичность, что, безусловно, расширяет границы авторского самопознания этноса. Современная фотокнига вбирает в себя черты стриминга, позволяющего создавать фотоконтент в режиме «здесь и сейчас». Акцент в данном случае делается на формировании самоидентичности и самопрезентации, что становится точкой соприкосновения в этнокультурных коммуникациях.

4. Характерной чертой современной этнофотокниги становится документализм и мультимедийные возможности с чертами стриминга.

5. Этнофотокнига – это такой формат визуальной коммуникации, в котором каждый фотоснимок обладает этносмыслом, что способствует созданию авторского фотоповествования, как специфической формы отражения этноса, с репрезентацией этнообразов. А это, в свою очередь, способствует организации и осуществлению этнокультурного взаимодействия.

6. Авторское начало в этнофотокниге способствует реализации целого ряда функций: поиска собственной идентичности и на ее основе формирования образа этноса; изобразительного повествования об этносе; создания целостности этноповествования; приращения информации об этносе; исследования этноса посредством фотоизображения – застывших картин мира этноса; детализации этнического взгляда на мир; сохранения этнических картин мира; постижения культуры другого.

Обсуждение

Исторически фотография использовалась в целях этнокультурного обмена с самого ее появления и развития. История российской фотографии содержит много имен фотографов, чье творчество самым непосредственным образом связано с этнокультурными репрезентациями. Одной из крупных фигур является, безусловно, знаменитый фотограф С.Н. Прокудин-Горский, который создал интересные снимки, объехав Российскую империю с фотокамерой [17]. Он в своих выступлениях и статьях подчеркивал, что фотография – это возможность наглядного обучения и знакомства с государством и народностями, проживающими в нем, знакомство и погружение в традиции, обычаи, культуру. «Понятие, знание своей родины – это первая задача каждого живущего в государстве человека» – констатирует фотохудожник, выступая на Всероссийском съезде художников в Петрограде 4 января 1912 года. Прокудин-Горский считается одним из первооткрывателей цветной фотографии, а его «Коллекция достопримечательностей Российской империи», в которую вошли снимки 1903–1916 гг., представляет собой одно из самых крупных уникальных собраний цветных фотоснимков, часть из которых находится сейчас в Библиотеке Конгресса США [3; 20].

Одно из центральных мест в этой коллекции занимают этнографические серии, ставшие основой для разработки нового направления в воспитании зрителя (особенно, подрастающего поколения) – родино-

CC BY

ведения, идею которого активно разрабатывал Прокудин-Горский. Одним из часто демонстрируемых снимков является фотопортрет крестьянских девушек в цветастых сарафанах, держащих в руках ягоды, из этнографической серии фотографий крестьян на берегу реки Шексна (дер. Топорня, 1909 год). На снимке изображены три девушки в традиционных костюмах Вологодской губернии. Цветная фотография позволяет представить элементы повседневного уклада жизни Вологодчины, особенности традиционного костюма и характера. Безусловно, эта фотография одна из многих, вошедших в фотоповествование Прокудина-Горского о народах, проживающих в России.

Однако только при появлении цифровой фотографии – медиафотографии – стало возможным создание множества форматов репрезентации жизни этносов. Цифровая фотография вызвала к жизни повышенный интерес к такому формату фотографических репрезентаций, как фотокнига. В современных условиях развития медиа этот формат рассматривается как инновационный с позиций возможностей, которые он представляет фотохудожнику при разработке и воплощении идей картин мира.

Формат фотокниги – явление в фотографическом творчестве не новое, однако в последнее время он переживает второе рождение. В контексте развития медиафотографии фотокнига позволяет сконцентрировать разные виды рассказа о событии (вымышленном или невымышленном), показать вещи как они есть, позволить фотохудожнику самовыразиться. Фотокнига – явление, объединяющее такие феномены как фотография и книга, последняя, являясь произведением полиграфического искусства, строится на включении фотографических изображений как основного вида изобразительного повествования. Оставаясь, казалось бы, неизменной в части структуризации используемого материала, фотокнига позволяет изменить отношение самого автора к оценке и фрагментации содержания, которое строится на презентативных возможностях фотографических снимков. Объединенные в единое книжное смысловое пространство, фотоснимки воспринимаются как единое целое, составляющее образный авторский ряд, демонстрирующий авторское «я» и идеи, воплощенные в фотоизображениях. Безусловно, фотография и фотокнига могут рассматриваться как явление культуры, что подчеркивается, например, в работах В.В. Нурковой, где автор делает акцент на вкладе фотографии в формирование самоидентичности и самопрезентации [12].

Трансформация фотокниги протекает вслед за трансформацией фотографии. Цифровизация информационного пространства и в целом жизненного пространства человека оказывает существенное влияние на восприятие фотографий и размещение их в публичном поле в формате стрима – процесса создания фотоконтента в прямом эфире по принципу «здесь и сейчас». Стриминговые платформы, развивающиеся в последнее время весьма активно, предоставляют фотохудожнику возможности демонстрации своего фотомастерства в режиме реального времени. Однако это платформы (наиболее известные среди них – это видеохостинг YouTube и платформа Twitch.tv), которые в большей степени предназначены для демонстрации отдельных элементов действия, как, например, демонстрация навыков по созданию чего-либо и т. д. Фотография на стриминг-платформах представлена в большей степени как результат процесса фотосъемки и акцент в большей степени делается на технологии ее создания, чем на художественных достоинствах. Поэтому интерес к фотокниге, даже в переложении ее на цифру, продолжает оставаться высоким.

Фотокнига как формат современной фотографии подвержена мультимедийным воздействиям. Это позволяет фотохудожникам экспериментировать и представлять документальные фотоснимки в новом ракурсе. Таким экспериментом стала фотокнига “Illustrated People” Томаса Мэйлендера, которая по версии журнала Time названа в подборке лучших книг 2015 года. Парижанин Т. Мэйлендер в своей фотокниге представил результаты совмещения фотографии и перформанса: при создании снимков он приложил негативы старых фотографий к коже людей и положил их загорать под ультрафиолетовой лампой, что привело к появлению оригинального «художественного загара». Мультимедийность в творчестве фотохудожника приводит к появлению неожиданных форматов снимков – таков его же цикл «Предметы», где представлены созданные увеличенные копии привычных для нас вещей. А вот среди лучших фотокниг 2018 года по версии того же Time – монография художницы Дианы Лоусон, которая снимает афроамериканцев, африканцев и карибов и документальная работа «Недокументированное: иммиграция и милитаризация американо-мексиканской границы» Джона Мура. Признание таких тематических работ лучшими в формате фотокниги свидетельствует о повышенном интересе как профессионального сообщества, так и общественности к документализму в произведениях фотохудожников. Документализм современной фотокниги, продолжающий оставаться одним из показателей мастерства, и мультимедийные возможности, вносящие оттенки прагматизма и стриминга в фотоизображения – те черты, которые сейчас отличают качественные произведения фотохудожников.

Теоретиками фотографии и издательского дела фотокнига рассматривается как форма фотографического творчества. Трансформация выражается, прежде всего, в том, что фотоснимок, который размещается в книге, должен составлять определенное единство с текстом, он изначально входит в книжную композицию и устанавливает дополнительные связи между отдельными изображениями, меняя при этом сам фотокадр. Это позволяет формировать пространство фотоповествования, в котором сам фотоснимок обладает определенной смысловой нагрузкой. Это и становится основным критерием при определении фотокниги как формата современной коммуникации. Определяя фотоповествование основой стиля книги, исследователи подчеркивают соответствие фотокниги таким признакам, относя их к фотоизданиям [18]. Исходя из того, что способность передавать информацию посредством

CC BY

изобразительного ряда/фоторяда является типоформирующим признаком фотоиздания, одной из основных его характеристик становится доминирующая информативная функция изображения/фотоизображения. Фотоизображение, в свою очередь, формирует своеобразный язык фотоповествования, являясь специфической формой отражения действительности, которая не может быть заменена словесными описаниями. Вербальная сторона фотокниги – это комментирование и дополнение снимков. Возникает проблема единства снимков и текста, которое исследователями подчеркивается как идейно-композиционная проблема [10; 9].

Ее разрешение связано с особенностями объединения фотографий в фотокниге: оно может быть построено на основе, как правило, совокупности принципов: тематического, логического и стилистического, что и формирует идейно-композиционное единство. Как полагают В.И. Бобров и И.В. Черная, основа такого единства – содержательно-художественный стержень, который способствует реализации темы – это логический принцип, соответствие снимков композиции, ракурса и цвета общему содержательно-художественному единству – это принцип стилистический [1; 2].

Таким образом, текст и фотография/фотоизображение в формате фотокниги должны представлять собой единое целое. Это выражается и в количественной, и в качественной характеристике фотокниги, что раскрывает новые горизонты для проявления фототворчества. Как полагает И.А. Жарков [6], тесная связь фотографий в фотокниге позволяет создавать «пластический сюжет», что придает этому формату характер «изобразительного повествования» [5].

Еще на одну особенность вербальной составляющей фотокниги следует обратить внимание: для фотокниги характерен сквозной текст, идущий параллельно фотографиям, а также связующий текст, выполняющий не только информационную функцию, но и организующую. С одной стороны, он является частью композиции, с другой – средством композиционной организации. Исследователи выделяют такие элементы текста в фотокниге: сквозной текст (связное повествование), отдельные небольшие произведения (прозаические или стихотворные), подписи-рассказы (текстовки), подписи комментарии, эпиграфы, введения к каждой части книги, вступления и заключения ко всему изданию [1; 2].

Этнофотокнига строится по принципам, присущим строению фотокниги, описанным выше. Формат этнофотокниги, как правило, включает вступление, которое призвано создать у читателя определенный психологический настрой и тем самым подготовить его к восприятию. Это вступление содержит основную идею, которую автор и пытается донести до читателя [16]. В основе этой идеи в этнофотокниге – характер этноса и его образы, созданные путем фотоизображения. Этнофотокнига позволяет автору посредством фотографий вести изобразительный рассказ об этносе и народностях, создать целостное изобразительное произведение, сопроводив фотографии текстом, который находится в смысловом и композиционном единстве. Все это позволяет этнофотокниге проявиться как содержательное произведение, создать целостный художественно-смысловой образ этноса, акцентировать читателя на определенных его элементах и создать новую информацию об этносе.

Этнографическое фотоисследование – жанр, активно использующийся современными фотохудожниками. Он позволяет не только проникнуть в глубину характера народностей, но и познать самого себя. Таковы работы японского фотохудожника Икуру Куваджимы, проживающего в России. Икуру Куваджима – художник вне времени и вне территории, он работал во многих странах мира: Америке, Франции, Нидерландах, Казахстане, Кыргызстане, Украине. В России И. Куваджима занимается этно-фотографическими исследованиями культур, одна из тем его фотоисследовательских работ: «Фотографические исследования: изменения быта и культуры в сельских местностях Поволжья и Урала, быт и культура народов Севера. Создание фотокниг» [4].

Результаты этнофотографических исследований И. Куваджима представляет в формате фотокниг/фотобуков, большинство из которых содержат фотографии, сделанные как исследование культур и динамики быта народов России (Поволжья и Севера России: Марий Эл, Коми, Чувашской Республики, Самарской, Волгоградской, Саратовской и Нижегородской областей) [8]. Эти фотобуки представлены в виде свитков, что само по себе сближает их с историко-культурным наследием этносов. Этнофотокнига И. Куваджимы «Дети тундры», изданная в 2015 году в Австрии [21], напротив, издана в формате книги-раскладушки, что приближает ее к детским иллюстрированным изданиям. Это оправдано авторским видением предмета отображения – детей ненцев, проживающих во время зимовок вдали от родителей. Структурно фотоэтнобуки И. Куваджимы содержат не только фотографические изображения, а также текстовые вставки, выполняющие роль духовного гида по изображениям. Заметки фотохудожника, стихотворные строки, размышления о смысле жизни и опусы самопознания – все это способствует целостности картины, подаваемой как картина другой культуры. Фотокниги Икуру Куваджимы были отмечены международными наградами Kassel Dummy Award, Self Publish Riga, Vienna Photobook Award. А в 2018 году в рамках Международного фестиваля актуальной фотографии PHOTOBOOKFEST (Москва) была представлена выставка его фоторабот, которая называлась также как и его фотокнига «Я, Обломов», победившая в 2017 году в Конкурсе книжных макетов PHOTOBOOKFEST 2017. Фотокнига – это своеобразное путешествие во времени и пространстве, как подчеркивает автор Икуру Куваджима, – к истокам «загадочной русской души» и, одновременно, в глубину собственных снов [7]. Не случайно строки из романа И.А. Гончарова «Обломов» стали своеобразным эпиграфом фотокниги: «В Гороховой улице, в одном из больших домов, народонаселения которого стало бы на целый уездный город, лежал утром в постели, на своей квартире, Илья Ильич Обломов». По оценкам критиков проекта, он балансирует между фотографическим переосмыслением классики русской литературы и попыткой обретения новой куль-

CC BY

турной идентичности. Это одновременный рассказ о тех, кто будет читать эту книгу, а также о себе – ее авторе с опорой на текст И.А. Гончарова. Как пишет в предисловии И. Куваджима: «Это загадочное состояние – «обломовщина» – осталась актуальным и для нынешней России. В этой книге я представляю свою интерпретацию этого феномена, характерного для постсоветского пространства, через серию автопортретов и фотографий интерьеров…» [7]. Фотокнига представляет собой авторское глубинное исследование себя в контексте этничности территорий, которые отражены в фотоэтнолетописи фотохудожника. Как справедливо отмечает Л.Б. Степанова, «применение визуальных методов исследования» позволяет «зафиксировать то, что можно упустить при простом текстологическом описании» [19, с. 164].

Таким образом, в основе фотокниги – серия автопортретов фотохудожника, снятых в разных городах России, Кыргызстана, Украины, Казахстана: Симферополе, Москве, Казани, Алматы, Бишкеке, Самаре, Киеве и др. И в каждом городском портрете – попытка осмыслить «обломовское» состояние – внутреннее созерцание как образ жизни и бытовую ценность. Жанр автопортрета, использованный Куваджимой для презентации этничности, основанной на слиянии переосмысления мира и проникновения в мир другой культуры, позволяет не только создать исследовательскую линию в фотокниге, но и очертить образ состояния «обломовщины», в которое, по мнению И. Куваджимы, погружен он сам и его зрители также.

Авторская фотокнига «Я, Обломов» издана с обложкой-подушкой, которая сама по себе вводит зрителя в образ, созданный автором. Эксперты назвали книгу современным образцом livre d'artiste («книги художника») [11]. Это особый формат фотокниги, который, по мнению Михаила Погарского, позволяет «осуществлять симбиоз, казалось бы, предельно разнородных, а иногда даже и конфликтующих жанров, технологий, направлений и стратегий современного искусства» [14]. Одной из значимых характеристик данного формата становятся широкие возможности репрезентации жанров фотоискусства, как и иных художественных жанров [15]. Она может включать и традиционные техники передачи изображения, и новые направления медиа-арта, мэйл-арта, ленд-арта и пр.

Выводы

Роль в этом контексте данного формата в осуществлении преемственности культур в процессе этнокультурных коммуникаций невозможно переоценить. Это не только презентация внутреннего мира культуры через призму авторского взгляда на мир и себя в этом мире, это еще и демонстрация попытки осмысления другой культуры в себе самом, что не может не рождать цепочки символов и ассоциативных картин, сопровождающих понимание этнокультуры.

Фотокнига как формат изобразительного повествования позволяет расширить границы этнокультур, представив их в контексте пластического сюжетного рассказа, связанного с особенностями сохранения и возрождения национальных традиций. Изучение пластичности формата фотокниги предоставляет исследователям перспективы постижения межкультурных взаимодействий и особенностей этнокультурных контактов. Необычный творческий ракурс, который характерен для авторских фотокниг, способствует проникновению во внутренний культурный мир и формирует устойчивую мотивацию в поисках культурной идентичности. А это – основа диалога культур.

Список литературы

1. Бобров В.И. Технология изготовления эксклюзивных изданий [Текст]: учеб. пособие / В.И. Бобров, И.В. Черная. – М.: Изд-во МГУП, 2015. – 258 с.
2. Бобров В.И. Технология послепечатных процессов: эксклюзивные издания: учебное пособие для вузов [Текст] / В.И. Бобров, И.В. Черная. – 2-е изд., перераб. и доп. – М.: Юрайт, 2020. – 247 с.
3. Гаранина С.П. Российская империя в цветных фотографиях С.М. Прокудина-Горского. 1906–1916 [Текст]. – М.: Красивая книга, 2013. – 264 с.
4. Евразия Икуру Куваджимы [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://kpfu.ru/media-sociology/struktura/otdelenie-zhurnalistiki/kafedra-teorii-i-praktiki-elektronnyh-smi/evraziya-ikuru-kuvadzhimy-235612.html (дата обращения: 03.03.2020).
5. Жарков И.А. Жанр как категория редакционно-издательского знания [Текст]. – М.: Изд-во МГУП, 2005. – 178 с.
6. Жарков И.А. К интерпретации жанра как категории книгоиздательского знания // Вестник Московского государственного университета печати. – 2011 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://cyberleninka.ru/article/n/k-interpretatsii-zhanra-kak-kategorii-knigoizdatelskogo-znaniya (дата обращения: 02.03. 2020).
7. Куваджима И.Я. Обломов [Текст]. – М.: ИПК «Парето-Принт», 2017.
8. Лейбин В. Фотоистория о чудесном разнообразии нашего контингента // Русский репортер. – 12 ноября 2015 года. – №24 (400) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://expert.ru/russian_reporter/2015/24/evraziya/ (дата обращения: 12.11.2019).
9. Лобин А.М. Проектирование и анализ концепции книжного издания [Текст] / А.М, Лобин, М.В. Миронова. – Ульяновск: Изд-во УлГТУ, 2009. – 110 с.
10. Мжельская Е.Л. Редакторская подготовка фотоизданий [Текст]: учебное пособие для вузов / Е.Л. Мжельская. – М.: Аспект Пресс, 2005. – 112 с.
11. Молодой фотограф Икуру Куваджима представляет выставку «Я, Обломов» // Дни. Ру. – 17 апреля 2018 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://dni.ru/release/2018/4/17/396050.html (дата обращения: 21.01.2020).
12. Нуркова В.В. Психология фотографии. Культурно-исторический анализ: учебное пособие для вузов [Текст]. – М.: Юрайт, 2019. – 473 с.

CC BY

13. Паниотова Т.С. Феномен мобилографии как новая форма репрезентации идентичности [Текст] / Т.С. Паниотова, М.В. Митрохина // Знание. Понимание. Умение. – 2016. – №1. – С. 146–156.
14. Погарский М. Книга художника, как основа новой парадигмы культуры // Сигма. – 08 мая 2015 года [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://syg.ma/@mikhail-pogharskii/kniga-khudozhnika-kak-osnova-novoi-paradigmy-kultury (дата обращения: 05.03.2020).
15. Погарский М.В. Книга художника [+]. Философия, структура, классификация, технология, параллели, пересечения, история. – М., 2015. – 416 с. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.pogarsky.ru/images/books/ 0_phenomenfragmenti.pdf (дата обращения: 02.03.2020).
16. Полещук Ю.В. Фотокнига как вид издания / Ю.В. Полещук, О.В. Климова // Книжное дело: достижения, проблемы, перспективы: сборник материалов VI Международной научно-практической интернет-конференции. – Екатеринбург: Изд-во УрФУ, 2017. – С. 65–68 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://hdl.handle.net/10995/56327 (дата обращения: 09.03.2020).
17. Прокудин-Горский С.М. Неделя в Ясной Поляне у Л.Н. Толстого (воспоминания) [Текст] // Иллюстрированная Россия. – 1936. – №8 (562). – С. 1–4.
18. Ростовская Н.А. Типология изданий [Текст] / Н.А. Ростовская, Г.Р. Кувшинова. – М.: Книжная палата, 1990. – 145 с.
19. Степанова Л.Б. Развитие академических стратегий экспедиционного изучения Якутии в XX в [Текст] // Вестник Томского государственного университета. – 2019. – №442. – С. 161–166.
20. Натуральные цвета дореволюционной России. История 10 снимков последнего хроникера Российской империи Сергея Прокудина-Горского [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://tass.ru/spec/prokudin-gorskiy (дата обращения: 12.12.2019).
21. Kuwajima I. (2015). Tundra Kids., 83. Schlebrügge.Editor.

References

1. Bobrov, V. I., & Chernaia, I. V. (2015). Tekhnologiia izgotovleniia ekskliuzivnykh izdanii., 258. Moscow: Moscow State University of Printing Arts.
2. Bobrov, V. I., & Chernaia, I. V. (2020). Tekhnologiia poslepechatnykh protsessov: ekskliuzivnye izdaniia., 247. Moscow: Yurait.
3. Garanina, S. P. (2013). Rossiiskaia imperiia v tsvetnykh fotografiiakh S.M. Prokudina-Gorskogo, 1906-1916 [The Russian Empire in the color photographs of S.M. Prokudin-Gorskii, 1906-1916]., 264. Moscow: Krasivaia kniga.
4. Evraziia Ikuru Kuvadzhimy. Retrieved from https://kpfu.ru/media-sociology/struktura/otdelenie-zhurnalistiki/kafedra-teorii-i-praktiki-elektronnyh-smi/evraziya-ikuru-kuvadzhimy-235612.html
5. Zharkov, I. A. (2005). Zhanr kak kategoriia redaktsionno-izdatel'skogo znaniia., 178. Moscow: Moscow State University of Printing Arts.
6. Zharkov, I. A. (2011). K interpretatsii zhanra kak kategorii knigoizdatel'skogo znaniia. Vestnik MGUP. Retrieved from https://cyberleninka.ru/article/n/k-interpretatsii-zhanra-kak-kategorii-knigoizdatelskogo-znaniya
7. Kuwajima, I. Ya. (2017). I, Oblomov. Moscow: PPC "Pareto-Print".
8. Leibin, V. (2015). Fotoistoriia o chudesnom raznoobrazii nashego kontingenta. Russkii reporter, 12 noiabria goda, 12. Retrieved from https://expert.ru/russian_reporter/2015/24/evraziya/
9. Lobin, A. M., & Mironova, M. V. (2009). Proektirovanie i analiz kontseptsii knizhnogo izdaniia., 110. Ulyanovsk: Ulyanovsk State Technical University.
10. Mzhelskaya, E. L. (2005). Redaktorskaia podgotovka fotoizdanii., 112. Moscow: Aspekt Press.
11. (2018). Molodoi fotograf Ikuru Kuvadzhima predstavliaet vystavku "I, Oblomov". Dni. Ru, 17 aprelia. Retrieved from https://dni.ru/release/2018/4/17/396050.html
12. Nurkova, V. V. (2019). Psikhologiia fotografii. Kul'turno-istoricheskii analiz., 473. Moscow: Yurait.
13. Paniotova, T. S., & Mitrokhina, M. V. (2016). The Phenomenon of Mobilography as a New Form of Identity Representation. Znanie. Ponimanie. Umenie, 1, 146-156.
14. Pogarskii, M. (2015). Kniga khudozhnika, kak osnova novoi paradigmy kul'tury. Sigma, 08 maia. Retrieved from https://syg.ma/
15. Pogarskii, M. V. (2015). Kniga khudozhnika [+]. Filosofiia, struktura, klassifikatsiia, tekhnologiia, paralleli, peresecheniia, istoriia., 416. Moscow. Retrieved from http://www.pogarsky.ru/images/books/
16. Poleshchuk, Iu. V., & Klimova, O. V. (2017). Photobook as an edition type. Knizhnoe delo: dostizheniia, problemy, perspektivy, 65-68. Ekaterinburg: Ural Federal University. Retrieved from http://hdl.handle.net/10995/56327
17. Prokudin-Gorskii, S. M. (1936). Nedelia v Iasnoi Poliane u L.N. Tolstogo (vospominaniia). La Russie Illustrée, 8 (562), 1-4.
18. Rostovskaya, N. A., & Kuvshinova, G. R. (1990). Tipologiia izdanii., 145. Moscow: Knizhnaia palata.
19. Stepanova, L. B. (2019). The development of academic strategies of expedition studies of Yakutia in the 20th century. Tomsk State University Journal, 442, 161-166.
20. Natural'nye tsveta dorevoliutsionnoi Rossii. Istoriia 10 snimkov poslednego khronikera Rossiiskoi imperii Sergeia Prokudina-Gorskogo. Retrieved from https://tass.ru/spec/prokudin-gorskiy
21. Kuwajima, I. (2015). Tundra Kids., 83. Schlebrugge.Editor.

Информация об авторе

Дорощук Елена Сергеевна – д-р пед. наук, профессор ФГАОУ ВО «Казанский (Приволжский) федеральный университет», Казань, Российская Федерация

Information about the author

Elena S. Doroschuk – doctor of pedagogical sciences, professor of FSAEI of HE "Kazan (Volgs region) Federal University", Kazan, Russian Federation

CC BY

Когнитивный субстрат языкового мышления: семиотический аспект

DOI 10.31483/r-75292
УДК 81'371

Савицкая Е.В.[a] **, Савицкий В.М.**[b]
ФГБОУ ВО «Самарский государственный социально-педагогический университет», Самара, Российская Федерация.
[a] https://orcid.org/0000-0002-4630-7521, e-mail: lampasha90@mail.ru
[b] https://orcid.org/0000-0002-2277-925X

Резюме: В статье рассматриваются комплексы когнитивных установок, лежащие в основе языкового мышления и выступающие в форме культурных кодов. Такие комплексы в своей совокупности образуют когнитивный субстрат языкового мышления, который имеет этнокультурную и этноязыковую специфику в рамках лингвокультур.

Методы исследования: анализ, сравнение, описательный метод, межъязыковое сопоставление меркантилистского и милитарного культурных кодов на материале английской и русской лингвокультур.

Результаты исследования. Отмечается, что когнитивный субстрат языкового мышления народа выполняет функцию моделирования реальности, выступая как совокупность культурных кодов. Показано, что коды, применяемые субъектом в его языковом мышлении, делятся на внутренние и внешние. Внутренние коды духовно близки данному субъекту; на них он формирует мысли, а на внешних кодах он только вербально формулирует их, переводит с внутреннего на внешний код. В число внутренних кодов можно включить и тот культурный код, который более всего близок субъекту из-за его сословной, профессиональной и иной принадлежности.

Делается вывод о том, что субъект смотрит на весь окружающий мир сквозь призму наиболее привычной ему сферы бытия, делая ее моделью мира и культурным кодом.

Ключевые слова: языковое мышление, когнитивный субстрат, культурный код, лингвокультура, внутренняя форма языковой единицы.

Для цитирования: Савицкая Е.В. Когнитивный субстрат языкового мышления: семиотический аспект / Е.В. Савицкая, В.М. Савицкий // *Этническая культура*. – 2020. – № 2 (3). – С. 74-77. DOI:10.31483/r-75292.

Cognitive Substrate of Linguistic Thinking: The Semiotic Aspect

Ekaterina V. Savitskaya[a] **, Vladimir M. Savitskij**[b]
FSBEI of HE "Samara State University of Social Sciences and Education", Samara, Russian Federation.
[a] https://orcid.org/0000-0002-4630-7521, e-mail: lampasha90@mail.ru
[b] https://orcid.org/0000-0002-2277-925X

Abstract: The article is devoted to a description of cognitive attitude complexes that underlie linguistic thinking and function in the form of cultural codes. Such complexes form a cognitive substrate of linguistic thinking. It has ethnocultural and ethnolinguistic specificity.

Research methods: analysis, comparison, descriptive method, interlinguistic comparison of mercantilist and military cultural codes on the basis of English and Russian linguocultural materials.

Research results. It is outlined that the cognitive substrate of the linguistic thinking performs the function of modelling reality, acting as a complex of cultural codes. It is shown that the codes used by a person in his / her linguistic thinking are divided into internal and external ones. Internal codes are spiritually close to their user; he / she forms thoughts in them, and as for external codes, he / she only verbally formulates thoughts, translates them from internal to external code. Among the internal codes, there is a cultural code that is closest to the person because of his / her state, occupation, etc.

It is concluded that the person views the surrounding world through the prism of the most familiar sphere of life, making it a model of the world and a cultural code.

Keywords: linguistic thinking, cognitive substrate, cultural code, linguoculture, inner form of language unit.

For citation: Savitskaya E.V., & Savitskij V.M. (2020). Cognitive Substrate of Linguistic Thinking: The Semiotic Aspect. *Etnicheskaya kultura = Ethnic Culture, 2(3)*, 74-77. (In Russ.) DOI:10.31483/r-75292.

Введение

В последнее время в лингвокогнитивистике всё чаще используется понятие «когнитивный субстрат языкового мышления». Оно получает разные, порой противоречащие друг другу определения. В нашей работе под когнитивным субстратом языкового мышления понимается совокупность выработанных в ходе культурного развития народа, устоявшихся в общественной практике, закрепленных в исторической семантике языка коллективных представлений о действительности, а кроме того, комплекс познавательных установок, лежащих в основе языковой картины мира, служащих культурными кодами в процессе коммуникации и в той или иной степени обусловливающих поведение людей.

Некоторые из этих установок восходят к доисторическим временам и, возможно, унаследованы человеком от животных предков (пространственные представления и др.). Другие носят культурно-исторический характер; к их числу относятся, например, религиозные представления о мироустройстве. Независимо от времени возникновения они оказывают подспудное влияние на современное мышление и поведение людей.

В когнитивном субстрате языкового мышления народа проявляются как общечеловеческие, так и региональные, и национальные, и локальные черты – в той пропорции, в какой данный народ сходен с другими народами и в какой он отличается от них. В этой

CC BY

связи уместно привести слова Д.С. Лихачева: «Не существует... единственных в своем роде особенностей, свойственных только данному народу... Всё дело в некоторой совокупности и кристаллически неповторимом строении этих национальных и общенациональных черт» [3, с. 64]. Об этой пропорции можно судить, исследуя когнитивный субстрат языкового мышления определенного народа. Изучение когнитивного субстрата способствует выяснению специфики этнической ментальности.

Когнитивный субстрат языкового мышления народа тематически неоднороден, но в любых обличьях он выполняет функцию моделирования действительности, выступая как совокупность культурных кодов.

В этой связи следует охарактеризовать понятие «код» в значимом для нашего исследования ракурсе. Как правильно указал Д.И. Дубровский [2], коды, которые применяет субъект в своем языковом мышлении, подразделяются на внутренние и внешние. Внутренние коды духовно близки данному субъекту; на них он формирует мысли, тогда как на внешних кодах он только вербально формулирует их, переводит с внутреннего на внешний код.

В роли внутреннего кода выступает в основном родной этнический язык субъекта. Но, на наш взгляд, в число внутренних кодов можно включить и тот культурный код, который более всего близок субъекту из-за его сословной, профессиональной, религиозной и т. п. принадлежности. Субъект смотрит на весь окружающий мир сквозь призму наиболее привычной ему сферы бытия, делая ее моделью мира и культурным кодом.

Методика и материал

Например, военнослужащий, даже говоря о вполне мирных вещах, склонен употреблять речевые обороты из военного лексикона: to stand to one's ground «отстаивать позиции», to gain a foothold «закрепиться на плацдарме», to beat a retreat «отступить в боевом порядке», to stick to one's guns «занять оборону», to break through «пойти на прорыв», to close ranks «сомкнуть свои ряды», to be in a siege «быть в осаде» и т. п.

Тот, кто по долгу службы связан с денежными расчетами, употребляет профессионализмы в значениях, выходящих за рамки финансовой сферы: to make a discount «сделать скидку (на что-л.)», to square accounts (with smb.) «свести счёты», to balance the accounts «подвести баланс», debit a loan «свести дебет с кредитом», to sum up the outcome «подбить итог», to pay the bills «платить по счетам» и т. п.

Тот, кто вращается в криминальной среде, усваивает арготизмы и затем употребляет их в любом дискурсе, способствуя их широкому распространению. Приведем примеры арготизмов, вышедших за пределы криминальной среды: to have a go (on smb.) ≈ рус. *наехать* (*на кого-л.*), watch your chitchat ≈ рус. *следи за базаром*, to bump smb. up ≈ рус. *замочить кого-л.*, to be on the dot ≈ рус. *забить стрелку*, bigtime ≈ рус. *крутой, в авторитете*, dead duck ≈ рус. *облом*, scam ≈ рус. *лохотрон*.

Такого рода подъязыки образуют часть когнитивного субстрата языкового мышления их пользователей. Нечто сходное есть на этнокультурном уровне. Формирование этнического менталитета, национального характера происходит в определенных природных условиях и геополитическом окружении и вызвано основным способом производства, историческими событиями и условиями жизни народа [1]. Всё это откладывается в исторической памяти, фиксируется в этнокультуре и ложится в основу национального строя мышления, выступая в качестве совокупности культурных кодов.

Функцию культурного кода способна выполнять любая воспринимаемая органами чувств сфера реальности: пейзажи, явления природы, фауна, флора, артефакт (утварь, инструменты, оружие, здания, предметы одежды и т. п.), а также действия с этими предметами. Всё это есть не что иное, как языки мысли и коммуникации. Приведем примеры.

Наполеон Бонапарт окрестил британцев ироническим прозвищем la nation des boutiquiers «нация лавочников» (цит. по: [11, p. 158]). Адам Смит подхватил эту характеристику, применив к своим соотечественникам английскую кальку вышеприведенного французского оборота речи (the nation of shopkeepers) и, заступаясь за них, проинтерпретировал ее в позитивном ключе [7].

Эрих Фромм [9] окрестил типичного представителя англосаксонской цивилизации экономическим человеком (the economic man). Психология этого социокультурного типажа базируется на меркантилизме; англосаксы склонны оценивать и измерять всё окружающее в денежном исчислении. Они видят мир сквозь монетарную призму. Это отражено в английских оборотах:

1. Надежность человека уподобляется надежности весьма респектабельного финансового учреждения (He is as reliable as the Bank of England «надежен, как Английский банк»), а ненадежность уподобляется банкноте несуществующего номинала (as phony as a three-dollar bill «надежен, как трехдолларовая купюра»).

2. Эталон стабильности, благополучия – твердая валюта (as sound as a pound / as safe as a dollar «процветает, как фунт стерлингов / как доллар»).

3. В деньгах оценивается и честность человека (I would lend him a million and take no voucher «Я бы ему дал взаймы миллион без расписки»); нечестный человек уподобляется фальшивой монете (a bad penny «фальшивый пенс»).

4. Моральный облик человека оценивается в весьма крупную сумму (He is worth his weight in gold «на вес золота»).

5. Отличное самочувствие тоже выражается в деньгах (I feel like a million dollars «чувствую себя на миллион долларов»).

6. Миллион стоит и красивая внешность (She looks a million bucks «она выглядит на миллион баксов»).

7. В эту же сумму оценивается и лучезарность улыбки (a million-dollar smile «улыбка на миллион долларов»).

8. Важность темы тоже оценивается в миллион (a million-dollar issue «вопрос на миллион долларов»); не слишком важная тема оценивается гораздо дешевле (a sixty-four dollar issue «вопрос на шестьдесят четыре доллара»).

CC BY

9. Если англосакс не может разгадать загадку, он готов платить за ответ (I'll buy it «покупаю»).

10. Чужие мысли оцениваются в небольшую сумму (A penny for your thought «плачу́ пенни за твою мысль», т. е. «о чем ты думаешь?»).

11. Уверенность в ч.-л. выражается готовностью заключить пари на невыгодных условиях (dollars to doughnuts «ставлю доллары против пончиков»).

12. Стоимостью обладает и озабоченность чем-либо (I care a thousand bucks for it «меня это волнует на 1000 баксов», т.е. «я весьма озабочен этим»); равнодушие к чему-либо не имеет стоимости (I do not care a brass farthing about it «меня это ни на грош не волнует»).

Англосаксам свойственно отражать мир с помощью «коммерческого» культурного кода, который, как отмечалось, составляет существенную часть когнитивного субстрата их языкового мышления. В отличие от носителей англосаксонской лингвокультуры, носители русской лингвокультуры в ряде отношений мыслят мир в категориях *войны*.

1. Надежность / ненадежность человека они оценивают не в коммерческих, а в боевых терминах: *Я бы с ним в разведку пошел / не пошел*.

2. Военный, а не денежный характер носит и оценка внешности (*пленительная красота* от *пленить* «взять в плен»; *страшнее атомной войны* «уродливая»).

3. Если русский не может угадать, он не платит, а идет в плен (*Сдаюсь*).

4. Выведывая чью-то мысль, он не покупает ее, а ведет допрос (*Колись*).

5. Выражая уверенность, русский говорит: *Даю голову на отсечение*.

6. Мирные области общественного бытия носитель русской лингвокультуры описывает в военных терминах: *биться за рост производительности труда, осаждать бастионы неприступной красавицы, вести подкоп под моральные устои, ломать копья по (проблеме), ударники соревнования / труда / учебы, скрестить шпаги (с противником в споре), вести войну за души молодежи, дружно ополчиться на недостатки, завоевать сердце возлюбленной, победа на любовном фронте, дела на семейном фронте, надежный семейный тыл, битва за урожай зерновых, штурмовать твердыни науки, заложить мину сомнения и недоверия, определить фронт работ* и др.

Результаты

Отсюда можно сделать вывод, что этот основанный на развернутой военной метафоре русский культурный код глубоко укоренился в тех недрах народного менталитета, которые К.Г. Юнг [10] называл коллективным бессознательным. «Милитарный» культурный код, участвуя в порождении речи, в ряде отношений определяет особенности русского языкового мышления. В этой связи следует также отметить *художественную образность* как комплекс культурных кодов.

А.А. Фет назвал ложью вербализацию мысли и чувства: «Напрасно вечное томление сердец, // И клонит голову маститую мудрец // Пред этой ложью роковою» [8]. Преодолеть – хотя бы частично – происходящую в процессе формирования и формулирования мысли потерю и искажение содержания сознания пытаются поэты. С этой целью они создают особые коды – вторичные моделирующие системы, т.е. художественные языки, результат преобразования естественного языка, его «редактирования» в художественных целях. Фет писал: «Лишь у тебя, поэт, крылатый слова звук // Хватает на лету и закрепляет вдруг // И темный бред души и трав неясный запах» [8].

Обсуждение

По словам Н.С. Гумилева [1], поэтический язык представляет собой «высокое косноязычье», которое «тебе даруется, поэт». Имеется в виду, что поэтический текст затруднен для понимания в сравнении с обычным текстом вследствие применения нестандартного кода. Но за счет этого поэтический текст обеспечивает реципиентам двойной (понятийный и образный) взгляд на мир – взгляд, становящийся возможным благодаря двухуровневости поэтической семантики, подразделяемой на уровень значений и уровень внутренней формы. Внешний и внутренний миры моделируются полнее и объемнее семантически двухуровневыми знаков, нежели знаками семантически одноуровневыми.

Сам словесный язык характеризовался А.А. Потебней как эстетический феномен: «Символизм языка может быть назван его поэтичностью; наоборот, забвение внутренней формы кажется нам прозаичностью слова. Слово есть искусство, именно поэзия» [5, с. 84].

Действительно, коллективный разум народа, который создал мифологию, фольклор и язык, по своему креативному потенциалу во много раз превосходит разум отдельного творца (по В.В. Маяковскому [4], «звонкого подмастерья» у «народа, у языкотворца». Творческий дар народа подчеркивался и Игорем Северянином: «Народ-поэт! Народ-орел!» [6].

Этноязык сходен с поэтическим языком, в частности, в том отношении, что он тоже репрезентирует действительность на двух уровнях – на уровне системы значений и на уровне внутренней формы языка.

Сущность денотата иногда больше отражается во внутренней форме, чем в значении языковой единицы. Так, например, в толковых словарях значению английского слова “conscience” дается весьма простое определение «моральное чувство добра и зла», а его внутренняя форма (лат. conscientia, калька с греч. sineidesis – совместное знание) содержит в себе целую социально-нравственную философию, которая характеризует совесть как совокупность коллективных представлений, принятых в определенном социуме и регулирующих отношения в коллективе; индивид ставит свои мысли и дела в соответствие с социальными установлениями. Как видим, внутренняя форма языковой единицы углубляет осмысление выражаемого понятия.

CC BY

Список литературы

1. Гумилев Н.С. Стихотворения и поэмы [Текст]. – СПб.: Академический проект, 2000. – 736 с.
2. Дубровский Д.И. Понимание как расшифровка кода [Текст] // Философские основания науки: материалы к VIII Всесоюзной конференции «Логика и методология науки». – Вильнюс: Пяргале, 1982. – С. 128–133.
3. Лихачев Д.С. Заметки о русском [Текст]. – М.: КолЛибри; Азбука-Аттикус, 2014. – 480 с.
4. Маяковский В.В. Сергею Есенину [Текст] // В.В. Маяковский. Полн. собр. соч. в 13 т. Т. 7. – М.: Художественная литература, 1958. – С. 100–105.
5. Потебня А.А. Мысль и язык [Текст]. – М.: Юрайт, 2016. – 290 с.
6. Северянин И.В. Стихотворения [Текст]. – М.: Профиздат, 2017. – 272 с.
7. Смит А. Исследование о природе и причинах богатства народов [Текст]. – М.: Эксмо, 2007. – 960 с.
8. Фет А.А. Стихотворения [Текст]. – М.: Эксмо, 2017. – 384 с.
9. Фромм Э. Иметь или быть [Текст]. – М.: АСТ, 2015. – 320 с.
10. Юнг К.Г. Личное и коллективное бессознательное [Текст] // К.Г. Юнг. Очерки по психологии бессознательного. – М.: Когито-Центр, 2010. – С. 78–95.
11. O'Meara, B. E. Napoléon en exile. Tome II., 88. Paris: Huzard-Courcier, 1824. – Édition en fac-similé 2015.

References

1. Gumilev, N. S. (2000). Stikhotvoreniia i poemy., 736. Saint Petersburg: Akademicheskii proekt.
2. Dubrovskii, D. I. (1982). Ponimanie kak rasshifrovka koda. Filosofskie osnovaniia nauki., 128-133. Vil'nius: Piargale.
3. Likhachev, D. S. (2014). Zametki o russkom [Notes on Russian]., 480. Moscow: KolLibri; Azbuka-Attikus.
4. Mayakovskii, V. V. (1958). Sergeiu Eseninu. V.V. Maiakovskii. Poln. sobr. soch. v 13 t. T. 7, 100-105. Moscow: Khudozhestvennaia literatura.
5. Potebnya, A. A. (2016). Thought and Language., 290. Moscow: Yurait.
6. Severyanin, I. V. (2017). Stikhotvoreniia., 272. Moscow: Profizdat.
7. Smith, A. (2007). An Inquiry Into the Nature and Causes of the Wealth of Nations., 960. Moscow: Eksmo.
8. Fet, A. A. (2017). Stikhotvoreniia., 384. M.: Eksmo.
9. Fromm, E. (2015). To Have or To Be?., 320. Moscow: AST.
10. Jung, K. G. (2010). Lichnoe i kollektivnoe bessoznatel'noe [The Personal Unconscious & the Super-Personal or Collective Unconscious]. K.G. Jung. Ocherki po psikhologii bessoznatel'nogo [Essay On the Psychology of the Unconscious], 78-95. Moscow: Kogito-Tsentr.
11. O'Meara, B. E. Napoléon en exile. Tome II., 88. Paris: Huzard-Courcier, 1824. – Édition en fac-similé 2015.

Информация об авторах

Савицкая Екатерина Владимировна – канд. филол. наук, доцент ФГБОУ ВО «Самарский государственный социально-педагогический университет», Самара, Российская Федерация

Савицкий Владимир Михайлович – д-р филол. наук, профессор ФГБОУ ВО «Самарский государственный социально-педагогический университет», Самара, Российская Федерация

Information about the authors

Ekaterina V. Savitskaya – candidate of philological sciences, associate professor of FSBEI of HE "Samara State University of Social Sciences and Education", Samara, Russian Federation

Vladimir M. Savitskij – doctor of philological sciences, professor of FSBEI of HE "Samara State University of Social Sciences and Education", Samara, Russian Federation

CC BY

Визуальная семиотика неравенства в структуре архитектурного текста

DOI 10.31483/r-74906
УДК 316.334

Федоров В.В.[a], **Федоров М.В.**[b], **Ханыгин Д.А.**[c]
ФГБОУ ВО «Тверской государственный технический университет»,
Тверь, Российская Федерация.
[a] https://orcid.org/0000-0001-8863-6043, e-mail: vvf322@yandex.ru
[b] https://orcid.org/0000-0002-0558-7635
[c] https://orcid.org/0000-0001-5152-1293

Резюме: Статья посвящена рассмотрению архитектурной среды как форме материализации социального бытия. Подчеркивается, что архитектурный текст крупного города содержит особые предметно-пространственные включения – локусы власти. Акцентируются отношения топологической сегрегации – диспропорционального распределения структурных элементов в пространстве населенного места. Это совокупность препятствий в выборе места и одновременно – условие формирования социальной иерархии городских пространств.

Методы. В ходе работы использовались проблемно-тематический, структурно-функциональный и сравнительно-исторический методы выявления базовых представлений об архитектурных пространствах власти.

Результаты. Показано, что социальное неравенство и топологическая сегрегация возникают в теле города «естественным» образом, поскольку воплощают различные грани неравенства, свойственные социуму. Уточнена типология постоянно воспроизводимых принципов организации архитектурных объектов и пространств власти: монументальность, статичность, лаконичность, вертикальность, иерархичность, наличие центрального сооружения, традиционность, последовательность, синкретизм. Показано, что возникающие знаки неравенства, воплощенные в архитектурных и градостроительных решениях, участвуют в формировании социальной структуры, воспроизводят и трансформируют ее ценностно-смысловое содержание. Рассматриваются базовые принципы организации архитектурных объектов и пространств власти. Предлагаются модели реализации этих принципов в процессе создания новых локусов власти.

Делается вывод о том, что выдвинутая авторами гипотеза относительно того, что локусы власти являются пространственным воплощением сложных механизмов поддержания динамического равновесия социальной системы, подтверждена результатами исследования семиотики неравенства в структуре архитектурного текста.

Ключевые слова: семиотика архитектуры, локус власти, топологическая сегрегация, неравенство.

Для цитирования: Федоров В.В. Визуальная семиотика неравенства в структуре архитектурного текста / В.В. Федоров, М.В. Федоров, Д.А. Ханыгин // *Этническая культура*. – 2020. – № 2 (3). – С. 78-82. DOI:10.31483/r-74906.

Visual Semiotics of Inequality in the Structure of an Architectural Text

Viktor V. Fedorov[a], **Mikhail V. Fedorov**[b], **Dmitry A. Hanygin**[c]
FSBEI of HE “Tver State Technical University”,
Tver, Russian Federation.
[a] https://orcid.org/0000-0001-8863-6043, e-mail: vvf322@yandex.ru
[b] https://orcid.org/0000-0002-0558-7635
[c] https://orcid.org/0000-0001-5152-1293

Abstract: The article is devoted to the consideration of the architectural environment as a form of materialization of social existence. It is noted that the architectural text of a large city contains special subject and spatial inclusions – loci of power. The article focuses on the relations of topological segregation – the disproportionate distribution of structural elements in the space of a populated place. This is a set of obstacles in choosing a place, and at the same time a condition for the formation of a social hierarchy of urban spaces.

Methods. In the course of the work, the problem and thematic, structural and functional and comparative and historical methods to identify basic concepts of architectural spaces of power were applied.

Results. It is shown that social inequality and topological segregation occur in the city in a “natural” way, since it embodies various facets of inequality inherent in society. The typology of constantly reproducible principles of organization of architectural objects and spaces of power such as monumentality, static character, conciseness, verticality, hierarchy, the presence of a central structure, tradition, consistency, syncretism is clarified. It is shown that the emerging signs of inequality, embodied in architectural and urban planning decisions, participate in the formation of the social structure, reproduce and transform its value and semantic content. The basic principles of the organization of architectural objects and spaces of power are considered. Models for implementing these principles in the process of creating new loci of power are proposed.

It is concluded that the hypothesis put forward by the authors that loci of power are the spatial embodiment of complex mechanisms for maintaining the dynamic balance of the social system is confirmed by the results of research on the semiotics of inequality in the structure of the architectural text.

Keywords: semiotics of architecture, locus of power, topological segregation, inequality.

For citation: Visual Semiotics of Inequality in the Structure of an Architectural Text. *Etnicheskaya kultura = Ethnic Culture, 2(3)*, 78-82. (In Russ.) DOI:10.31483/r-74906.

CC BY

Введение

Сложная структура городского пространства обусловлена историческими, природно-климатическими, социально-экономическими и другими факторами. Среди них наименее изученными, по нашему мнению, являются *социальное неравенство* и *топологическая сегрегация*. Поэтому главной целью настоящего исследования является осмысление основных приемов архитектурно-градостроительного оформления локусов власти, воплощающих феномен социального и материального неравенства, органически свойственный человеческому сообществу.

Устойчивое – из века в век – повторение в организации архитектурных пространств власти определенных объемно-планировочных решений позволяет выдвинуть гипотезу, что архитектурная среда представляет собой своеобразный механизм поддержания динамического равновесия социальной системы [2]. Топологическая сегрегация (как и социальное неравенство):

1) лежит в основе социальных (межличностных) конкурентных взаимодействий, кроме того;

2) создает и поддерживает градиент потенциалов и ресурсов развития социума и антропогенной среды.

Методы исследования

В ходе работы использовались проблемно-тематический, структурно-функциональный и сравнительно-исторический методы выявления базовых представлений об архитектурных пространствах власти. Сложные сочетания социально-политических, экономических и идеологических условий веками определяет формирование городской среды, предстающей в итоге как пространственная форма опредмечивания социального бытия [1–5]. Внешне неизменная (в силу того, что жизненный цикл зданий, сооружений и планировочных решений измеряется десятилетиями и столетиями), она обладает своеобразной формой динамики развития, связанной с регулярным переосмыслением ее ценностно-смыслового содержания. Невозможен прямой перенос результатов прочтения архитектурного текста на социальную и психологическую реальность, но анализ этого массива данных является важным моментом понимания действительности.

Так, традиционный подход к проблеме неравенства, материализованного в архитектурной среде, предполагает исследование отношений эксклюзии, когда выстраиваются (на основе анализа виртуальных карт доступности и мнений горожан) типологии городских пространств, являющиеся основой политики преодоления социальной дискриминации [6]. *В то же время существует тип архитектурных пространств, для которых инаковость и недоступность являются атрибутивной чертой. Речь идет об архитектурных пространствах власти – локусах властных структур различного типа и уровня* [7–9].

Основная часть

Сегодня в столицах и региональных центрах современной России все так же стремительно увеличивается доля объектов, воплощающих власть во всех ее проявлениях (власть денег, административный ресурс, культовые здания и пр.). Новые здания и сооружения, удовлетворяющие повседневные витальные, досуговые и рекреационные запросы горожан, де-факто вытесняются на периферию селитьбы. В целом это воспринимается как н*еравенство – сокращение мест, доступных для свободного пребывания или проживания*. Происходящее отчасти компенсируется масштабным строительством торгово-развлекательных объектов, посещаемость которых в последние годы очевидным образом снижается в силу реального сокращения доходов населения. Шопинг перестает быть распространенной формой досуга (как способа сглаживания социального неравенства).

Архитектурный облик новой застройки на лучших городских территориях все в большей степени отражает сложное взаимодействие (вне конкуренции) рыночных сил и административной власти (впрочем, складывается ощущение, что в современной России – это два лика одного гибридного субъекта власти!?). Эксклюзивный характер застройки, престижное расположение резиденций или жилья в ткани города является общим предметом вожделения. Но это очень ограниченный ресурс и общественное благо, система распределения которого нуждается в тщательном изучении как важная отрасль науки об обществе. *Проблема топологической сегрегации – диспропорционального распределения структурных элементов в единой системе населенного места – выступает и как совокупность препятствий в свободном выборе места, и как социальная иерархия городских пространств*, выходящая за пределы экономических или технических условий.

По мнению К. Линча, архитектурно-планировочная и социальная структура крупного города [10, с. 51–53]:

а) связаны между собой через промежуточную переменную – деятельность человека;

б) обладают различной инерционностью.

Ландшафт и городская территория представляют собой «первое необходимое окружение социального мира, тот самый неизбежный контейнер, в котором помещается социальная жизнь» [11, с. 277]. В более конкретном плане выбор феномена топологической сегрегации в качестве предмета исследования означает рассмотрение:

1) предметно-пространственного воплощения власти в городской среде;

2) взаимосвязи ценностей и смыслов архитектурно-градостроительных элементов разного статуса;

3) визуального выражения неравенства в архитектурной среде.

Распределение городского пространства всегда происходит неравнозначно, регулирование доступности конкретных мест обеспечивается в зависимости от степени их востребованности, а также с учетом социального положения, властных полномочий и символического капитала потенциальных посетителей / пользователей [1, с. 56]. Обладание властью (осуществление и проявление в символической форме) регламентирует размещение локусов власти, навязывая им возможности или ограничения. Например, только в редчайших

CC BY

случаях власть покидает центр крупного города (например, Бонн, Бразилиа, Конакри), и тому всегда есть веские причины.

Социосемиотика центра освоенной человеком территории (где исторически располагались костер, очаг, жертвенник, шатер вождя, замок правителя и т. д.) символически наделяет его значением локуса власти, именно здесь подразумевается наличие вертикальной оси, соединяющей землю, небо и подземный мир. Холмы, утесы, тотемные деревья, а позже замки, соборы, ратуши неизбежно порождали чувства почтения и преклонения, в конечном итоге – утверждали идею величия и близости власти к небесам.

Рассматривая архитектурные образы власти, исследователи выделяют систему постоянно воспроизводимых принципов организации архитектурных объектов и пространств власти [12, с. 478–494].

1. Монументальность (масса, стабильность, устойчивость, размеры, крупный масштаб по отношению к человеку – как свидетельство силы, лежащей в основе власти).

2. Статичность (непоколебимость формы – выражение мощи, мудрости и вечности власти).

3. Лаконичность (геометрическая правильность и кажущаяся простота форм, минимальное членение масс и поверхностей, скупое использование декора – выражение упорядоченности, силы и сдержанности власти).

4. Вертикальность (выраженная устремленность архитектурной массы в высоту, ее грандиозность, доминирование над окружением, его зримое подавление путем использования таких средств организации пространства, как террасы, цоколи, подиумы, пьедесталы, шпили, башни, ступени и величественные лестницы).

5. Иерархичность (демонстративное соблюдение уровневой организации здания или комплекса, выделение главного объёма, доминанты по высоте и массе, уменьшение значимости этих признаков по мере поступательного удаления от локуса власти).

6. Наличие центрального сооружения (или, напротив, «пустота», площадь как осознанное освобождение центрального места), его неповторимость как объекта поклонения.

7. Традиционность и доступность локуса власти, в максимальной мере способствующие раскрытию простой и ясной идеи власти «на все времена».

8. Последовательность (раскрытие образа власти обязательно в процессе движения субъекта восприятия, анфиладная планировочная схема, ориентированность на содержательный центр – алтарь, трон, скульптуру, саркофаг, стол президиума, трибуну для выступлений, экран и т. д.).

9. Синкретизм смежных искусств в пространственной репрезентации власти (статуи, бюсты, квадриги, малые архитектурные формы, люстры, бра, картины, мозаики, фрески, витражи, эмблемы, гербы, знамена, мундиры караула, мебель, утварь, посуда и пр.).

Постоянно возникающие при этом знаки неравенства, воплощенные в архитектурных и градостроительных решениях, участвуют в формировании социальной структуры, воспроизводят и трансформируют ее ценностно-смысловое содержание. Максимально обобщенный взгляд на ситуацию обнаруживает различные типы взаимодействия подобных знаков выражения власти (неравенства), которые:

1) преимущественно конгруэнтны (совмещаются при наложении);

2) пересекаются как нечеткие пространственные множества (имеют как самостоятельные, так и общие области значений);

3) не пересекаются, но имеют общность значений в территориально-пространственных зонах соприкосновения.

Визуальная семиотика неравенства, выраженного в архитектурных пространствах власти, оперирует социальными, архитектурными и антропологическими кодами [13, с. 244; 14]. Их создатели (инвесторы, проектировщики, собственники) действуют по-разному:

1) безоговорочно принимают существующие нормы и стереотипы, сохраняют традиции без существенных нововведений;

2) навязывают массовому сознанию новые (или хорошо забытые старые) ценности, смыслы и приемы организации предметно-пространственной среды;

3) идут по пути компромисса (когда за основу принимаются существующие апробированные коды, при этом выявляются их неиспользованные возможности, трансформируются укоренившиеся приемы и формируются архитектурно-ландшафтные пространства власти).

Общие черты тоталитарной эстетики – монументальность, грандиозность пропорций, гиперреалистичность, побуждение к движению, преобладание «особого» цвета (красного, черного, белого), прямых и однородных контуров – наиболее наглядно проявились в архитектуре локусов власти Италии (1922–1945 гг.), Германии (1933–1945 гг.) и Советского Союза сталинского периода (1929–1953 гг.). Она включала в себя классические стилистические элементы при доминировании монументальности, превосходства и высокомерия, в конечном итоге – сегрегации и неравенства.

Визуальная семиотика традиционных архитектурных пространств власти России со всей очевидностью обнаруживается и в инвариантных чертах планировки локуса власти [7]:

1) симметрия архитектурно-композиционных решений, наличие выраженной оси, доминирование квартерной «классической» формы (контура прямоугольника в чистом виде или обогащенного включением дуг окружности);

2) ансамблевая застройка, синтез архитектуры со скульптурой и монументальным искусством;

3) наличие свободных пространств для демонстраций, шествий и пр.

При этом стремление сохранить пространственный (визуально и функционально оформленный) барьер между обществом и властью, оправдываемое примитивно понимаемой преемственностью, сегодня выглядит откровенным анахронизмом. Неслучайно современное руководство Российской Федерации демонстративно не пользуется трибуной мавзолея В.И. Ленина во время парадов, предпочитая легкие временные трибуны на фоне задрапированного архитектурного символа ушедшей в лету власти.

CC BY

Обзор опыта обустройства современных локусов власти в крупных странах мира показывает, что:

1) внутри и вокруг них обязательно сформированы обширные общественные пространства, на которых могут беспрепятственно (де-факто под скрытым контролем) собираться люди;

2) они обязательно содержат широкую палитру малых архитектурных форм промежуточного масштаба (деревья, скамьи, флагштоки, часы, скульптуры и пр.);

3) площади, окружающие резиденцию власти, плавно перетекают в «прозрачное» пространство атриума центрального объекта локуса власти.

В региональных центрах России интерьеры новых учреждений власти в основных чертах наследуют многовековые традиции московского Кремля (лепнина, позолота, флаги, гербы, деревянные панели на стенах, богатые люстры, бра и т. д.). Напротив, в мировой архитектурной практике в интерьерах новых офисов власти мы ожидаемо обнаруживаем:

1) отсутствие видимой охраны (конечно, она обязательно, но незаметно присутствует и отличается более высокой эффективностью, поскольку функционирует на ином технологическом уровне);

2) многоуровневые атриумы, залитые естественным светом, льющимся с небосвода на протяжении всего светового дня;

3) разнообразные возможности визуального контакта с городом, окружающей средой (много стекла в ограждающих конструкциях и даже перекрытиях); в итоге помещения в некоторых частях зданий выполняют уже скорее публичную, чем офисную функцию;

4) массу архитектурных форм и деталей, историческое и символическое содержание которых воспринимается субъектом на подсознательном уровне.

Заключение

Таким образом, результаты исследования семиотики неравенства в структуре архитектурного текста подтверждают гипотезу, что локусы власти являются пространственным воплощением сложных механизмов поддержания динамического равновесия социальной системы. Оценивая различные аспекты результатов исследования, можно сделать определенные выводы.

1. В силу неустранимости влияния архетипов, связанных с феноменом власти, следует полагать, что в обозримом будущем создатели новых локусов власти будет стремиться сохранить их центральное (во всех смыслах) положение в ткани городской застройки.

2. Необходимость следования рассмотренным принципам организации архитектурных объектов и пространств власти диктует, с одной стороны, обеспечение монументальности, лаконичности, статичности, с другой стороны – новое (актуализированное) прочтение вертикальности, иерархичности, последовательности, синкретичности.

3. Тысячелетиями создатели локусов власти очень вольно трактовали принципы наличия центрального сооружения, а также традиционности и доступности (как воплощение «веры человека в гуманистические ценности», а также «его естественной потребности в чувстве собственного достоинства» [14]). В современном мире открываются практически неограниченные возможности реализации этих принципов на основе новых технологий.

Визуальная семиотика неравенства наиболее очевидным образом проявляется в организации локусов власти. Ее характерные черты подвижны, актуализируются по ситуации в самых различных сочетаниях, иногда порождая совершенно непредсказуемый результат – симфонию или какофонию образов и смыслов.

Список литературы

1. Бурдьё П. Социология социального пространства. – М.; СПб.: Изд-во Институт экспериментальной социологии; Алетейя, 2007. – 288 с.

2. Левиков А.В. Взаимообусловленность динамики социального бытия и архитектурной сред: автореф. дис. ... канд. филос. наук. – М., 2017. – 24 с.

3. Федоров В.В. Архитектурный текст: очерки по восприятию и пониманию городской среды. – М.: Ленанд, 2016. – 160 с.

4. Зиммель Г. Большие города и духовная жизнь // Логос. – 2002. – №3 (34). – С. 23–34.

5. Савчук В.В. Топологическая рефлексия. – М.: Канон+, 2012. – 384 с.

6. Наберушкина Э.К. Картографирование доступности городской среды / Э.К. Наберушкина, Н.В. Сорокина // Журнал исследований социальной политики. – 2016. – Т. 10, №1. – С. 27–42.

7. Федоров В.В. Городские пространства власти / В.В. Федоров, М.В. Федоров // Праксема. Проблемы визуальной семиотики. – 2018. – №3. – С. 170–178.

8. Локус власти. Архитектура правительственных учреждений экстерриториальных зон Китая (Порт-Артур, Дальний, Циндао, Тяньцзинь, 1860–1930 гг.) // Новые идеи нового века. – 2014. – №1. – С. 246–254 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://pnu.edu.ru/nionc/pub/articles/246/ (дата обращения: 04.03.2020).

9. Обирин А.И. Неравенство в пространстве города: пространственная сегрегация // Вестник ТОГУ. Социология и философия. – 2011. – №1 (20). – С. 223–230.

10. Линч К. Совершенная форма в градостроительстве. – М.: Стройиздат, 1980. – 324 с.

11. Штомпка П. Социология социальных изменений. – М.: Аспект Пресс, 1996. – 464 с.

12. Коськов М.А. Архитектурные образы / М.А. Коськов, М.Е. Харитонова // Предметные формы в системе культуры. – СПб.: Изд-во ЛГУ, 2016. – С. 478–494.

13. Эко У. Отсутствующая структура. Введение в семиологию. – СПб.: Петрополис, 1998. – 416 с.

14. Демос-версия: актуальные примеры архитектуры власти для народа [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://archspeech.com/article/demos-versiya-aktual-nye-primery-arhitektury-vlasti-dlya-naroda (дата обращения: 04.03.2020).

CC BY

References

1. Bourdieu, P. (2007). Sotsiologiia sotsial'nogo prostranstva., 288. Moscow; Saint Petersburg: Institute of Experimental Sociology; Aleteiia.
2. Levikov, A. V. (2017). Vzaimoobuslovlennost' dinamiki sotsial'nogo bytiia i arkhitekturnoi sred., 24. Moscow.
3. Fedorov, V. V. (2016). Arkhitekturnyi tekst., 160. Moscow: Lenand.
4. Simmel, G. (2002). Die Großstädte und das Geistesleben. Logos, 3 (34), 23-34.
5. Savchuk, V. V. (2012). Topological reflection., 384. Kanon+.
6. Naberushkina, E. K., & Sorokina, N. V. (2016). Mapping of Urban Environment Accessibility. Journal of Socio-Political Research, T. 10, 1, 27-42.
7. Fedorov, V. V., & Fedorov, M. V. (2018). The Urban Space of Power: The Diachronic Dimension. Praxema. Journal of Visual Semiotics, 3, 170-178.
8. (2014). Lokus vlasti. Arkhitektura pravitel'stvennykh uchrezhdenii eksterritorial'nykh zon Kitaia (Port-Artur, Dal'nii, Tsindao, Tian'tszin', 1860-1930 gg.). New Ideas of New Century, 1, 246-254. Retrieved from http://pnu.edu.ru/nionc/pub/articles/246/
9. Obirin, A. I. (2011). Inequality in the City Space: Spatial Segregation. Bulletin of PNU, 1 (20), 223-230.
10. Linch, K. (1980). Sovershennaia forma v gradostroitel'stve., 324. Moscow: Stroiizdat.
11. Sztompka, P. (1996). The Sociology of Social Change., 464. Moscow: Aspekt Press.
12. Kos'kov, M. A., & Kharitonova, M. E. (2016). Arkhitekturnye obrazy. Predmetnye formy v sisteme kul'tury, 478-494. Saint Petersburg: Pushkin Leningrad State University.
13. Eko, U. (1998). Missing structure. Introduction to semiology., 416. Saint Petersburg: Petropolis.
14. Demos-versiia: aktual'nye primery arkhitektury vlasti dlia naroda. Retrieved from https://archspeech.com/article/demos-versiya-aktual-nye-primery-arhitektury-vlasti-dlya-naroda

Информация об авторах

Федоров Виктор Владимирович – д-р культурологии, профессор ФГБОУ ВО «Тверской государственный технический университет», Тверь, Российская Федерация

Федоров Михаил Викторович – канд. филос. наук, доцент ФГБОУ ВО «Тверской государственный технический университет», Тверь, Российская Федерация

Ханыгин Дмитрий Александрович – доцент ФГБОУ ВО «Тверской государственный технический университет, Тверь, Российская Федерация

Information about the authors

Viktor V. Fedorov – doctor of cultural studies, professor of FSBEI of HE “Tver State Technical University”, Tver, Russian Federation

Mikhail V. Fedorov – candidate of philosophical sciences, associate professor of FSBEI of HE “Tver State Technical University”, Tver, Russian Federation

Dmitry A. Hanygin – associate professor of FSBEI of HE “Tver State Technical University”, Tver, Russian Federation

CC BY

Формирование межкультурной компетенции младших школьников при обучении иноязычному аудированию

DOI 10.31483/r-75021
УДК 373.3:39

Шимичев А.С.
ФГБОУ ВО «Нижегородский государственный лингвистический университет им. Н.А. Добролюбова», Нижний Новгород, Российская Федерация.
https://orcid.org/0000-0001-6526-4080, e-mail: alexshim@list.ru

Резюме: В статье рассматривается вопрос обучения аудированию на иностранном языке с целью формирования межкультурной компетенции младших школьников. Актуальность исследования обусловлена необходимостью создавать у учащихся фундаментальную основу для овладения реальным иноязычным речевым общением в межкультурном пространстве на иностранном языке, как одной из стратегических целей современного лингвистического образования. В статье представлена технология поэтапной работы с аутентичными текстами для аудирования, включающая стадию предваряющей работы и снятия трудностей, стадию непосредственного прослушивания и работы с текстом аудирования, стадию пост-прослушивания и выполнения творческих заданий на основе текста для аудирования.

Методы исследования: наукометрический анализ научных источников, педагогическое моделирование, анализ образовательных программ и стандартов, учебно-методической документации и учебной информации по вопросам исследования, диагностические (опрос, опытное обучение).

Результаты. Решение поставленной проблемы предлагается решать средствами аудирования аутентичных текстов, как целенаправленного процесса овладения не только лингвистическим, но и культурным кодом иностранного языка, необходимого при реализации диалога культур. Выделены целевые ориентиры в обучении аудированию младших школьников, а также представлены методические основания обучения слушанию, как самостоятельному виду речевой деятельности.

Делается вывод о том, что не всегда, обладая высоким уровнем иноязычной коммуникативной компетенции, учащиеся достигают успешного взаимодействия на межкультурном уровне в связи с недостаточным владением умениями межкультурного общения.

Ключевые слова: обучение иностранным языкам, межкультурная компетенция, начальное образование, обучение аудированию.

Для цитирования: Шимичев А.С. Формирование межкультурной компетенции младших школьников при обучении иноязычному аудированию // *Этническая культура*. – 2020. – № 2 (3). – С. 83-87. DOI:10.31483/r-75021.

Formation of Intercultural Competence of Primary Schoolchildren in Mastering Listening Comprehension Skills

Alexey S. Shimichev
FSBEI of HE “N.A. Dobrolubov State Linguistics University of Nizhny Novgorod”, Nizhny Novgorod, Russian Federation.
https://orcid.org/0000-0001-6526-4080, e-mail: alexshim@list.ru

Abstract: The article is devoted to the issue of teaching how to master listening comprehension skills while learning a foreign language in order to form the intercultural competence of primary schoolchildren. The relevance of the study is due to the need to create a fundamental basis for giving possibility to pupils to master communication skills in order being able to communicate effectively in a foreign language at a cross-cultural level, which is one of the strategic goals of modern linguistic education. The technology of phased work with authentic texts for mastering listening comprehension skills, including the stage of preliminary work and smoothing difficulties, the stage of listening and working with the text, the stage of post-listening and doing creative tasks based on the text is presented in the article.

Research methods: scientometric analysis of scientific sources, pedagogical modeling, analysis of educational programs and standards, educational documentation and educational information on research studied, diagnostic methods, such as survey, experimental learning.

Results. It is proposed to solve the problem by listening to authentic texts, as a purposeful process of mastering not only the linguistic, but also the cultural code of a foreign language, which is necessary to realize the principle of cultures’ dialogue. The educational goals in teaching primary schoolchildren how to master listening comprehension skills while learning a foreign language, as well as the methodological arguments for teaching listening comprehension as an independent type of speech activity are highlighted.

It is concluded that this is not always the case when having a high level of foreign language communicative competence, students can achieve successful interaction at the intercultural level due to insufficient intercultural communication skills.

Keywords: foreign language teaching, intercultural competence, primary education, mastering listening comprehension skills..

For citation: Shimichev A.S. (2020). Formation of Intercultural Competence of Primary Schoolchildren in Mastering Listening Comprehension Skills. *Etnicheskaya kultura = Ethnic Culture, 2(3)*, 83-87. (In Russ.) DOI:10.31483/r-75021.

CC BY

Введение

Специфика предмета «Иностранный язык» предполагает овладение учащимися иноязычной коммуникативной компетенцией как инструментом межкультурного общения. Важно отметить, что в современном информационном мире дети имеют множество возможностей познакомиться и приобщиться к зарубежным культурным фондам благодаря сети Интернет, иностранным фильмам, музыкальным произведениям, иноязычным печатным изданиям, путешествиям с родителями в другие страны, каникулярному отдыху в международных лагерях, обучению в международных языковых школах и т. д. Не всегда опыт межкультурного общения ребят носит положительный характер, многие аспекты вызывают у них недоумение и непонимание, так как владение картиной мира у них ограничено лишь реалиями родной культуры. Все это делает очевидным необходимость формирования и развития уже у младших школьникам способности и готовности к опосредованному и непосредственному общению на межкультурном уровне. Такая способность и готовность обеспечивается уровнем сформированности у обучающихся межкультурной компетенции, которую мы определяем, как *способность воспринимать, осознавать и интерпретировать родную и иноязычную картины мира, учитывать лингвокультурные различия в процессе межъязыкового взаимодействия с представителями иного лингвокультурного сообщества* [10].

Необходимо осознавать важность создания у учащихся фундаментальной основы для овладения реальным иноязычным речевым общением в межкультурном пространстве на иностранном языке, поскольку это является одной из стратегических целей современного образования в целом [1]. Особую роль в межкультурной коммуникации играют опосредованные формы интеракции, среди которых аудирование выделяется определенным набором трудностей социокультурного и лингвистического характера.

Не всегда, обладая высоким уровнем иноязычной коммуникативной компетенции, достигается успешное взаимодействие на межкультурном уровне. Чаще всего это происходит в силу столкновения с различными социокультурными трудностями, которые имеют лингводидактический характер. В целях успешной реализации процесса межкультурного взаимодействия неотъемлемыми качествами коммуникантов являются способность вырабатывать двойное видение ситуации и умение адекватно принимать другую культуру, не теряя своей собственной национально-культурной идентичности [5].

Методы

При рассмотрении вопроса формирования межкультурной компетенции младших школьников в процессе обучения аудированию на иностранном языке нами использовалась совокупность взаимодополняющих и взаимопроверяющих методов исследования, а именно:

– наукометрический анализ научных источников по проблемам настоящего исследования;

– педагогическое моделирование при разработке методического алгоритма формирования межкультурной компетенции при обучении аудированию;

– анализ образовательных программ и стандартов, учебно-методической документации и учебной информации по вопросам исследования;

– диагностические (опрос, опытное обучение).

Степень разработанности проблемы

В основе ФГОС начального образования лежит системно-деятельностный подход, декларирующий, в области обучения иностранным языкам, воспитание и развитие качеств личности на основе принципа «диалога культур» и уважения многонационального и поликультурного общества. Говоря о предметных результатах освоения основной образовательной программы начального образования, одним из результатов обучения является сформированность дружелюбного отношения и толерантность к носителям другого языка. Данные качества вырабатываются как на основе знакомства с жизнью своих сверстников в других странах, так и на основе знакомства с детским фольклором и доступной литературой [8].

Среди задач обучения иностранным языкам в области межкультурного и межэтнического взаимодействия одними из базовых являются:

– умение употреблять иностранный язык в аутентичных ситуациях межкультурного общения, избегая различные внутренние и внешние конфликты;

– усвоение культуры, традиций, обычаев и особенностями менталитета представителей страны изучаемого языка;

– расширение индивидуального восприятия мира за счет знакомства с иноязычными и инокультурными реалиями [2].

В целях уточнения современного целеполагания учебного процесса по иностранным языкам в начальной школе, представляется необходимым рассмотреть подробно структуру межкультурной компетенции, в которой мы можем выделить следующие компоненты:

1. Лингвистический компонент, включающий в себя знания о способах представления ценностных ориентаций конкретной культуры в изучаемом языке, владение системой иностранного языка, применительно к различным видам речевой деятельности.

2. Когнитивный компонент, предполагающий использование иностранного языка в качестве инструмента познания иной лингвокультуры и средства развития межкультурной компетенции.

3. Аффективный компонент, характеризующийся умениями интерпретировать полученные знания через призму родной культуры и предполагающий развитие личностных характеристик, лежащих в основе психологической готовности к межкультурному взаимодействию.

Важно отметить, что вопрос содержательного аспекта межкультурной компетенции связан с авторским пониманием соотношения межкультурной и коммуникативной компетенции в процессе обучения иностранным языкам. В отличие от коммуникативной, межкультурная компетенция является категорией более высокого уровня владения способами осуществления межкультурной коммуникации между партнерами по общению, представителями различных культур и социумов [7].

CC BY

Межкультурная коммуникация – явление достаточно сложное по своей сути и весьма трудоемкое для овладения. Для вступления в межкультурную коммуникацию требуется серьезная детальная подготовка и опыт владения лингвистическим и культурным кодом изучаемого языка [9].

Несомненно, аудирование на английском языке является одним из ключевых стратегических компонентов, с помощью которого достигается высокий уровень межкультурной коммуникации [6] на основе использования различных аутентичные аудио и видеоматериалов.

Аудирование – сложная рецептивная мыслительная деятельность, связанная с восприятием, пониманием и активной переработкой информации, содержащейся в устном речевом сообщении. Естественно, как самостоятельный вид речевой деятельности, аудирование имеет свои цели, задачи, предмет и результат.

Цели аудирования – это планируемые результаты овладения учащимися иностранным языком.

В качестве основных целей обучения аудированию выдвигаются способности:

– развивать иноязычную коммуникативную компетенцию в совокупности с речевой, языковой, компенсаторной, социокультурной и учебно-познавательной деятельностью;

– понимать высказывания собеседника, пытаясь избегать различного рода трудности, принимая участие во всевозможных социальных ролях в условиях непосредственного общения;

– уметь быть готовым полностью понимать аутентичные аудио- и видеоматериалы с разной степенью сложности и глубиной проникновения в их содержание.

Согласно Н.Д. Гальсковой, по окончании обучения аудированию в младшем звене, учащиеся должны быть способны наглядно понимать основное содержание аудио- и видеоматериалов с опорой на паралингвистические тексты. Очень важно, чтобы материал отвечал всем требованиям языковой подготовки учащихся, их возрастным и индивидуальным особенностям, иначе результат не будет приносить видимые результаты, которые можно было бы с успехом применять на практике [3].

Необходимость обучения аудированию как отдельному, самостоятельному виду речевой деятельности обусловлена следующими факторами:

– через слух поступают образцы иноязычной речи, отражающие социокультурные явления, которые, являясь эталонами, закладываются в долговременную память, где и хранятся;

– слуховой анализатор – компонент, без которого нельзя научить другим ВРД, так как все слухо-рече-моторные образы входят во все ВРД;

– у слушателя развивается слуховой контроль, который входит во все ВРД, т.е. человек, когда говорит/пишет или читает, контролирует себя через слух;

– развивается слуховая память, без которой, естественно, нельзя овладеть иностранным языком в совершенстве и быть готовым воспринимать иноязычную речь, также, если слуховая память у учащегося недостаточно развита, то успешная учебная деятельность невозможна.

Для того, чтобы учащиеся в процессе аудирования могли лучше познакомиться с иноязычной культурой, сформировать у себя межкультурную компетенцию, уже на ранних этапах обучения в специализированных школах учителям необходимо использовать аутентичные тексты. Использование таких видов текстов имеет ряд существенных преимуществ:

– аутентичные текстовые образцы изобилуют явлениями социокультурной реальности изучаемого языка, которые учащиеся анализируют, сравнивают с аналогичными явлениями в своей культуре, усваивают ситуации общения, в которых возможно применение полученных межкультурных знаний;

– аутентичные материалы характеризуются авторской индивидуальностью, разнообразием лексических и грамматических форм;

– такие тексты демонстрируют использование языка в естественном социальном контексте, в форме, принятой его носителями;

– аутентичные тексты имеют разнообразные стили и тематики.

Работа на уроке с аутентичными текстами позволяет учащимся увидеть страну изучаемого языка глазами представителя другой национальности и формирует у них реалии страны изучаемого языка [4].

Критериями отбора аутентичных аудио и видеоматериалов являются:

1) аутентичность;

2) межкультурная вариативность и разножанровость речевого материала для обучения аудированию как форме межкультурной коммуникации;

3) тематичность;

4) доступность;

5) соответствие материала содержанию и требованиям действующих учебных программ;

6) соответствие возрастным особенностям учащихся.

Результаты

Технология работы по формированию межкультурной компетенции учащихся должна быть интегрирована в процесс формирования умений аудирования аутентичных текстов. Традиционная модель обучения аудированию включает три этапа: (1) подготовительный, (2) этап прослушивания, (3) после прослушивания [3]. Мы, не отрицая их априорной значимости, считаем целесообразным включение в каждую из перечисленных стадий, культурного компонента, направленного на формирование основ межкультурной компетенции младших школьников

Данные этапы соответствуют стадиям работы с текстом. Каждый этап имеет цель, содержание и определённую технологию работы.

Целью первого этапа является создание ситуации и мотива общения, и формулировка коммуникативной задачи, а также преодоление трудностей восприятия и понимания сообщения, в том числе связанных с культурным содержанием.

Второй этап ориентирован на восприятие и понимание текста и извлечение нужной информации.

Третий этап служит для контроля понимания смысла текста.

Этап 1: Подготовительный.

До прослушивания аудиофрагмента педагогу необходимо создать ориентировочную основу с целью ак-

CC BY

туализации имеющихся у учащихся знаний в родной культуре. Для этого мы советуем использовать проблемные вопросы, наталкивающие учащихся на размышления о том, как они поступают в той или иной ситуации. Также, немаловажным аспектом на данном этапе является снятие трудностей как языковых, так и лингвострановедческих. Подобная работа наиболее результативно протекает с использованием средств наглядности (ключевые слова, таблицы, картинки, карточки), с помощью которых ученики могут построить догадки относительно сюжета и содержания текста. На наш взгляд, для учащихся начальной школы такие пособия необходимо использовать как можно чаще, так как они способствуют развитию наглядно-понятийного аппарата. Заключительная часть этапа – предъявление учащимся установки перед прослушиванием текста.

Несомненно, что подготовительный этап является стратегически важным в процессе работы с аудиоматериалом, поскольку от него зависит дальнейшая успешность проведения урока. Основная цель на данной стадии – тщательное и глубокое знакомство учащихся с предстоящим аудиофрагментом. Данная цель может быть достигнута путем выполнения нижепредставленных упражнений:

Пример проблемного вопроса:

Представь себе, что через неделю у тебя день рождения и ты хочешь пригласить друзей к себе на праздник. Подумай и скажи, как ты можешь это сделать? / Для подготовки к празднику тебе нужно сходить в магазин за продуктами. Подумай, чем ты будешь угощать своих гостей и какие продукты тебе понадобятся?

Пример упражнения для создания коммуникативной ситуации:

Посмотрите следующие изображения и скажите, о чём пойдёт речь в аудиофрагменте, определите её тему (приём зрительных опор с целью актуализации знаний учащихся).

Введение новых слов и снятие языковых трудностей:

Предпочтительнее осуществлять снятие трудностей беспереводным путем, используя приёмы толкования, синонимов, использования наглядных материалов.

Формулирование предваряющего задания:

1. Таблицы: посмотрите предложенную таблицу и заполните её в ходе прослушивания аудиофрагмента.

2. Верно-неверно: прочитайте фразы и отметьте, соответствует ли утверждение содержанию прослушанного фрагмента.

3. Ответы на вопросы после первого прослушивания текста.

Этап 2: Прослушивание.

В зависимости от сложности предлагаемого аудитивного материала возможно однократное или двукратное прослушивание. Поскольку многократное прослушивание не свойственно естественному общению, не рекомендуется часто его использовать. Однако, с позиций заявленных условий обучения, когда речь идет о младших школьниках, необходимо прослушивать аудиофрагмент дважды для полного понимания полученной информации. После прослушивания представляется возможным вернуться к проблемным вопросам, поставленным в водной беседе и попросить учащихся прокомментировать то, как они бы поступили в той или иной ситуации в сравнении с тем, как поступили герои текста. При этом акцент смещается с языковой составляющей прослушанного на анализ обычаев, привычек, норм социального поведения, свойственных представителям иной лингвокультурной общности. Таким образом, в сознании обучающихся срабатывают механизмы компарации, способствующие пониманию и правильной интерпретации поведенческих и культурно обусловленных реалий, являющихся неотъемлемым компонентом межкультурной компетенции.

Упражнения, используемые на этапе прослушивания текста:

1. Прослушайте и ответьте на представленные вопросы.

2. Выберите тот ответ, который соответствует действительности. Во время или после перового прослушивания поставьте T (True) рядом с предложениями, которые верны и F (False), рядом с теми, которые не соответствуют содержанию текста.

3. Закончите предложения, используя информацию из прослушанного аудиофрагмента.

4. Для развития умений слушать и слышать собеседника мы также рекомендуем использовать задания по принципу «снежный ком», когда каждый последующий учащийся повторяет высказанные идеи и продолжает цепочку.

Этап 3: После прослушивания.

Данный этап подразделяется на две стадии: понимание текста и его интерпретация. Работая на этапе после прослушивания аудиофрагмента, перед учителем стоит стратегически важная задача – формирование аудитивных навыков, обучение интонации, развития внимания и концентрации.

Прослушав аудиофрагмент, учитель предлагает ряд заданий на работу с аудированием как видом речевой деятельности, например, упражнения на полное или частичное понимание содержания аудиофрагмента, после которого учащиеся могут использовать информацию текста для дальнейшего развития коммуникативных умений. Эффективным приемом на данном этапе является составление рассказа. Во время прослушивания текста, учащиеся могут делать определенные заметки, на основе которых составляют собственный рассказ, используя лексические и грамматические средства из прослушанной записи. При этом, как показывает практика, рассказы получаются абсолютно разными, в соответствии с особенностями восприятия и интерпретации учащимися полученной информации.

Также, после прослушивания аудиозаписи учителем могут быть предоставлены упражнения на говорение или письмо.

Предлагается использовать следующие типы и виды заданий:

1. Составление собственного монологического / диалогического высказывания на основе прослушанной аудиозаписи.

2. Задание в вопросно-ответной форме между партнерами.

3. Круглый стол, ролевая игра, телепередача.

CC BY

Выводы

Резюмируя, скажем, что формирование межкультурной компетенции возможно, в большей степени, при прослушивании аутентичных текстов, так как аутентичные материалы представляют собой образец иноязычной речи, который представлен носителями культуры изучаемого языка. Организация интегрированной работы по обучению аудированию и формированию межкультурной компетенции младших школьников способствует развитию следующих качеств личности обучающихся:

– способность сопоставлять факты родной культуры с фактами культуры страны изучаемого языка;

– способность выделять общие четы и особенности, обусловленные национальными факторами;

– способность слышать и слушать партнера по коммуникации;

– способность понимать и принимать различия родной и изучаемой культур.

Тем самым, работая с аутентичными аудио- и видеоматериалами, обеспечивается знакомство с иноязычной культурой, традициями, обычаями и способность к межкультурному взаимодействию.

Список литературы

1. Викулина М.А. Аудирование и чтение при формировании иноязычной межкультурной компетенции [Текст] // Язык и культура. – 2017. – С. 154–173.
2. Гальскова Н.Д. Современная методика обучения иностранным языкам [Текст]: пособие для учителя. – М.: Аркти, 2011. – 195с.
3. Гальскова Н.Д. Методика обучения иностранным языкам [Текст]: учебное пособие / Н.Д. Гальскова, А.П. Василевич, Н.В. Акимова. – Ростов н/Д: Феникс, 2017. – 350 с.
4. Горлова Н.А. Методика обучения иностранному языку [Текст]: учеб. пособие для студ. вузов. В 2 ч. – М.: Академия, 2013. – 272 с.
5. Мильруд Р.П. Параметры аутентичного учебного текста [Текст] / Р.П. Мильруд, Е.В. Носонович // Иностранные языки в школе. – 2017. – №1. – С. 11–18.
6. Обдалова О.А. Обучение аудированию как средство развития коммуникативного потенциала обучаемых [Текст] // Вестник Томского государственного университета. – 2003. – №277. – С. 224–226.
7. Рудакова А.В. Обучение коммуникативной компетенции на иностранном языке [Текст] / А.В. Рудакова, В.А. Тюльнина. – М.: LAP Lambert Academic Publishing, 2014. – 606 с.
8. Тер-Минасова С.Г. Язык и межкультурная коммуникация [Текст]: учеб. Пособие. – М.: Слово, 2013. – 624 с.
9. Шимичев А.С. Моделирование и формирование лингвокультурных концептов на занятиях по иностранному языку на начальном этапе обучения в вузе [Текст] // Проблемы модернизации современного высшего образования: лингвистические аспекты. Лингвометодические проблемы и тенденции преподавания иностранных языков в неязыковом вузе: материалы IV Международной научно-методической конференции. – Омск, 2018. – С. 360–363.
10. Шимичев А.С. Подготовка будущего учителя иностранного языка к межкультурной коммуникации на основе веб-квест технологии [Текст] // Языковая политика и лингвистическая безопасность: материалы I Междунар. образов. форума. – Н. Новгород, 2018. – С. 233–237.

References

1. Vikulina, M. A. (2017). Listening and reading comprehension as objects of perceptive-semantic activity when forming students' foreign-language intercultural competence. Language and Culture, 154-173.
2. Galskova, N. D. (2011). Modern methods of teaching foreign languages., 195. Moscow: Arkti.
3. Galskova, N. D., Vasilevich, A. P., & Akimova, N. V. (2017). Metodika obucheniia inostrannym iazykam [Methods of teaching foreign languages]., 350. Rostov on-Don: Feniks.
4. Gorlova, N. A. (2013). Methods of teaching a foreign language., 272. Moscow: Akademiia.
5. Milrud, R. P., & Nosonovich, E. V. (2017). Parameters of an authentic educational text. Foreign languages at school, 1, 11-18.
6. Obdalova, O. A. (2003). Teaching listening comprehension as a means of learners' communicative potential development. Tomsk State University Journal, 277, 224-226.
7. Rudakova, A. V., & Tiul'nina, V. A. (2014). Obuchenie kommunikativnoi kompetentsii na inostrannom iazyke., 606. Moscow: LAP Lambert Academic Publishing.
8. Ter-Minasova, S. G. (2013). Language and Intercultural Communication., 624. Moscow: Slovo.
9. Shimichev, A. S. (2018). Modelirovanie i formirovanie lingvokul'turnykh kontseptov na zaniatiiakh po inostrannomu iazyku na nachal'nom etape obucheniia v vuze. Problemy modernizatsii sovremennogo vysshego obrazovaniia: lingvisticheskie aspekty[Problems of Modernization of Current Higher Education: Linguistic Aspects]. Lingvometodicheskie problemy i tendentsii prepodavaniia inostrannykh iazykov v neiazykovom vuze, 360-363. Omsk.
10. Shimichev, A. S. (2018). Podgotovka budushchego uchitelia inostrannogo iazyka k mezhkul'turnoi kommunikatsii na osnove veb-kvest tekhnologii. Language Policy and Linguistic Security, 233-237. Nishny Novgorod.

Информация об авторе

Шимичев Алексей Сргеевич – канд. пед. наук, заместитель декана, старший научный сотрудник лаборатории ФГБОУ ВО «Нижегородский государственный лингвистический университет им. Н.А. Добролюбова», Нижний Новгород, Российская Федерация

Information about the author

Alexey S. Shimichev – candidate of pedagogical sciences, deputy dean, senior research fellow of laboratory of FSBEI of HE “N.A. Dobrolubov State Linguistics University of Nizhny Novgorod”, Russia, Nizhny NovgorodFederation

CC BY

Опыт формирования культуры межнациональных отношений у студентов и школьников

DOI 10.31483/r-74936
УДК 37.035.6:[37.036:78]:[372.3/.4+373+378]

Шишлянникова Н.П.
ФГБОУ ВО «Хакасский государственный университет им. Н.Ф. Катанова»,
Абакан, Российская Федерация.
https://orcid.org/0000-0002-2175-6857, e-mail: geran07@mail.ru

Резюме: Автор статьи уделяет особое внимание тому, что в современном мире в связи с массовой эмиграцией народов, формированием планетарного информационного пространства обострилась угроза возникновения межэтнических конфликтов на фоне неприятия другой культуры. Автор подчеркивает, что причина появления негативных явлений в обществе лежит в недостатках воспитания культуры межэтнических отношений в семье, в дошкольном и школьном образовании и воспитании. Рассматривается проблема предупреждения межэтнических конфликтов путем создания среды позитивного межнационального общения на принципах толерантности, понимания другого, непохожего, принятия ценностей гуманистического подхода к этническим проблемам в школьной и студенческой среде путем знакомства обучающихся разных национальностей с самобытной музыкальной культурой хакасского этноса, воспитание интереса к ней, любви и привязанности к малой родине. Решение проблемы предлагается средствами музыкального искусства в процессе подготовки будущего педагога – музыканта к работе в поликультурной среде.

Цель статьи – рассмотрение формирования культуры межнациональных отношений у студентов и школьников.

Методы. Показана практическая реализация воспитательного потенциала произведений хакасского музыкального творчества на уроках музыки в общеобразовательной школе. Дано описание разработки урока музыки на региональном материале о Хакасии, проведенного студенткой во время педагогической практики. На уроке показан видеоклип о природе Хакасии под звучание самобытных народных хакасских инструментов. После прослушивания пьесы «Солярный знак» из цикла детских пьес «Солнечный чатхан» Т. Шалгиновой состоялся разбор особенностей сомобытного музыкального языка произведения, разучена песня «Материнская земля» Г. Челборакова, первого хакасского композитора.

Результаты. По окончании цикла уроков, посвященных Хакасии, студенткой проведено исследование среди школьников. Результаты исследования подтвердили правомерность общего методологического подхода к формированию культуры межнациональных отношений в студенческой и ученической среде.

Ключевые слова: культура, взаимодействие, межнациональные отношения, Хакасия, школьная практика студентов, урок музыки.

Для цитирования: Шишлянникова Н.П. Опыт формирования культуры межнациональных отношений у студентов и школьников // *Этническая культура*. – 2020. – № 2 (3). – С. 88-91. DOI:10.31483/r-74936.

Experience of the International Cultural Relations Formation in Students and Pupils

Nina P. Shishliannikova
FSFEI of HE "Katanov Khakass State University",
Abakan, Russian Federation.
https://orcid.org/0000-0002-2175-6857, e-mail: geran07@mail.ru

Abstract: The author of the article pays special attention to the fact that in modern world with its mass migration of the peoples as well as the formation of the international information sphere, the threat of the interethnic conflicts in the frame of rejecting another culture has become aggravated. The author outlines that motive for appearance of the negative phenomena in society is underlined in shortcomings of education of interethnic culture in family, in primary and secondary education in school. The problem of ethnic conflicts prevention by the formation of the sphere of positive international relationship on the base of tolerance, understanding each other, reception of the values of the human approach to the ethnic problems in school and university surroundings introducing the students of different nations to the music culture of the Khakass people, upbringing interest in it, love and affection to little motherland is reviewed in the article. It is suggested to solve the problem by the means of the musical art in process of preparing future teacher – musician for the work in multicultural sphere.

The purpose of the article is to consider the formation of international cultural relations among students and schoolchildren.

Methods. The practical implementation of the educational potential of the Khakass music at the music lessons in general school is demonstrated. The description of the preparation to the music lesson on the base of material of the Khakass Region, which was presented by the student-teacher is pointed out. The video clip about Khakass nature accompanied by the sounds of the original national Khakass Instruments was shown. After listening the piece “Solar sign” from the cycle of children pieces “Sunny chathan” by composer T. Shalginova, the discussion about original music language of the piece took place, and then the lyrics of the song “Land of mother” by the first local professional composer G. Chelborakov were learnt by heart.

Results. At the end of the cycle of the lessons dedicated to Khakassia, the student held the survey in school classes. The results of the survey confirmed the validity of the general methodological approach to the formation of interethnic cultural relations in the student and school environment.

Keywords: culture, interaction, international relationship, Khakassia, school practice of students, music lesson.

For citation: Shishliannikova N.P. (2020). Experience of the International Cultural Relations Formation in Students and Pupils. *Etnicheskaya kultura = Ethnic Culture, 2(3)*, 88-91. (In Russ.) DOI:10.31483/r-74936.

CC BY

Выводы

В современных условиях мирового развития, характеризующихся процессами глобализации, расширились возможности взаимосвязей и взаимодействий людей и целых государств, благодаря чему происходит массовая эмиграция, формирование планетарного информационного пространства, с одной стороны, и с другой стороны, возникает угроза безопасности в результате межэтнических конфликтов на фоне неприятия другой культуры. Не менее важной является проблема межэтнических отношений внутри многонациональной страны, такой, как наша. Это обусловливает необходимость формирования культуры межнациональных отношений подрастающих поколений в духе толерантности, понимания и приятия ценностей другого народа, проживающего рядом, на одной территории, на основе признания ценностей гуманистического подхода к этническим проблемам.

Ключевое слово в этих процессах – общение. По мнению К.И. Султанбаевой, в процессе общения происходит взаимодействие людей не только как представителей определенной социальной группы, но и как представителей этноса, представителей культуры. Результат такого общения она называет межнациональным общением, которое является важной составляющей сегодняшней жизни, поскольку «человек живет в многонациональном и поликультурном обществе, в котором ежедневно вступает во взаимодействие с представителями разных этнических групп» [3, с. 9].

Культура межнационального общения, по мнению З.Т. Гасанова, «зависит от общего уровня обучающихся, от их умения воспринимать и соблюдать общечеловеческие нормы и мораль» [1, с. 11], из чего следует необходимость создания благоприятной среды для воспитания общей культуры и уважения к людям разных национальностей, к их языкам, нравственным и культурным ценностям, проявления непримиримого отношения к национализму и расизму в межнациональных отношениях.

По наблюдениям ученых и педагогов-практиков, неприятие других, непохожих, все чаще проявляется в школьной среде, что провоцируется отсутствием культуры взаимоотношений, отчасти средствами массовой информации, а также семейным окружением детей. Известно, что культура межличностных отношений, в том числе межэтнических, у человека воспитывается с раннего детства. Для нивелирования конфликтных ситуаций на межэтнической почве необходимо уже в начальной школе уделять особое внимание взаимоотношениям детей разных национальностей, используя воспитательные средства школьных предметов.

Богатым воспитательным потенциалом для этого обладает музыка. Реализация этого потенциала возможна при условии компетентности учителя в вопросах знакомства с образцами народной и композиторской музыки и других видов искусства разных народов, населяющих многонациональную Россию и республику Хакасия. Но особого внимания в наших условиях заслуживает изучение вопросов музыкальной культуры коренного населения – хакасов.

Методы

При подготовке будущих учителей музыки в институте искусств Хакасского государственного университета им. Н.Ф. Катанова используются различные пути и возможности. Во-первых, в вариативную часть учебного плана подготовки педагогов-музыкантов входит курс по выбору «Музыкальная культура Хакасии», обеспеченный полным учебно-методическим комплексом, что позволяет студентам получить представление о культурном своеобразии и специфике традиционной и современной культуры хакасского народа, в том числе музыкальной культуры. Дисциплины музыкально-исполнительской и музыкально-педагогической подготовки также содержат региональный материал, а на занятиях по методике преподавания музыки студенты осваивают методы и приемы работы с музыкальным материалом, затем апробируют его во время педагогической практики в школе.

В частности, подспорьем для студентов в подготовке уроков с региональной тематикой служит учебно-методическое пособие «Хакасское музыкальное творчество на уроках музыки в школе» (авторы-составители Н.П. Шишлянникова, Л.Ю. Мазай), в котором отражены региональная специфика общего музыкального образования в Хакасии, сформулированы цель и принципы структурирования музыкального материала с учетом требований ФГОС ОО и федеральных программ по музыке. Предложена примерная тематика занятий с учащимися с учетом региональной специфики, которая отражена в теоретическом разделе, а также перечень музыкальных произведений для слушания и исполнения с детьми на уроках.

В качестве методических рекомендаций по организации и проведению уроков музыки с региональной тематикой нами предлагаются два варианта структурирования учебного материала: в форме образовательного модуля на основе интеграции музыки с литературой и изобразительным искусством, а также путем равномерного распределения учебного материала в течение учебного года в соответствии с тематикой федеральных программ по музыке. Реализация обоих вариантов имеет место в практике работы учителей музыки республики Хакасия, в том числе на базах педагогической практики в школах г. Абакан.

В пособии приводится примерный перечень вокальных и инструментальных сборников хакасских композиторов для использования на уроках музыки, а также стихотворения о Хакасии, в которых воспевается музыка и природа родного края. Пособие снабжено нотным приложением, в котором имеются произведения А. Кенеля, Г. Челборакова, Н. Катаевой, Ю. Киштеева, Т. Шалгиновой, А. Токмашова и др. Л. Киштеевой изданы другие репертуарные сборники хакасских композиторов, которыми пользуются студенты.

На протяжении последних лет студенты направления подготовки «Педагогическое образование» профиль «Музыка» разрабатывают не только уроки, но посвящают данной проблематике выпускные квалификационные работы, в которых показаны данные исследований по освоению материала регионального

CC BY

значения на занятиях музыкой в школе. В качестве примера приведем описание одного из уроков студентки в 4 классе Лицея г. Абакан.

Целевой установкой занятия было знакомство учащихся с самобытной музыкальной культурой хакасского народа, воспитание в детях интереса к ней, любви и привязанности к малой родине, патриотических и интернациональных чувств. Художественно-педагогической идеей урока стали слова Д.Б. Кабалевского: «Русские ребята не могут полноценно расти и духовно развиваться, оставаясь глухими к музыке того народа, с которым постоянно общаются, чью разговорную и музыкальную речь постоянно слышат вокруг себя» [2, с. 11], что обусловлено тем, что класс, в котором он проводился, в основном русскоязычный.

К уроку студенткой был собран иллюстративно-наглядный материал о символике Хакасии, выучены произведения хакасских композиторов: пьеса «Солярный знак» из цикла детских пьес «Солнечный чатхан» Т. Шалгиновой и песня «Материнская земля» Г. Челборакова. Характерно, что песня «Материнская земля» входит в репертуар учебного хора студентов, что облегчило подготовку к уроку музыки с детьми.

Урок начинался с просмотра учениками небольшого видеоклипа о Хакасии, который сопровождался звучанием самобытной народной и композиторской музыки. Это позволило быстро погрузить учащихся в художественный контекст урока и создать благоприятную атмосферу. По завершении просмотра учащиеся самостоятельно сформулировали тему урока – «Музыка Хакасии». На экране появляется солярный знак. Ребята узнают его, поскольку он является символом республики Хакасия, но никто из детей не смог ответить, что означает солярный знак, какой смысл в нем зашифрован. Возникает проблемная ситуация. Учащимся предлагается узнать о смысловом значении солярного знака из звучания музыки в исполнении учителя (Т. Шалгинова «Солярный знак» из цикла детских пьес «Солнечный чатхан»).

После выяснения общего впечатления следует анализ произведения. Студентка проигрывает фрагменты, обращаясь к детям с вопросами, которые позволяют глубже проникнуть в художественно-образное содержание пьесы. Например, в одном из фрагментов учащиеся услышали суровую таинственность, почувствовали погружение в старину, так как музыка звучала медленно, в низком регистре, таинственно и настороженно. В другом фрагменте представили противостояние светлого и темного, добра и зла через изменение тембровой окраски мелодии. Контрастом прозвучали интонации, напоминающие игру природных стихий (журчание воды, переливы света, порывы ветра и т. д.). Затем сравнили начало произведения и его окончание. Оказалось, что они схожи по звучанию. С чего звучание пьесы началось, тем и закончилось.

Студентка рисует на доске круг – символ бесконечности, в котором есть верх, низ, правая и левая стороны. Ребята соотносят их с четырьмя сторонами света, четырьмя временами года, четырьмя стихиями (земля, вода, воздух, огонь). В музыке они услышали смену движения, природных стихий, времен года и пришли к выводу, что автор этой музыки знает древнюю историю своей земли, с любовью воспевает ее самобытную красоту и величие.

После анализа произведения на экране появляется герб Хакасии с солярным знаком, студентка вместе с ребятами комментирует значение каждого элемента и символа в целом, показывая взаимосвязь между музыкальными ассоциациями, возникшими при прослушивании, и смысловым наполнением элементов символа, который видим на гербе, национальных хакасских костюмах и украшениях. Дети очень тонко почувствовали музыку и сами раскрыли смысловое значение солярного знака из содержания музыкального произведения.

Затем учитель знакомит учеников с еще одним хакасским композитором, Г. Челбораковым, и предлагает послушать песню «Материнская земля» на хакасском языке. Учащиеся характеризуют музыку по ее интонации (нежная, певучая; поется о родной земле, о любви к Хакасии). После озвучивания перевода следует разучивание и исполнение песни учащимися на языке оригинала, хотя в классе в основном русскоязычные дети.

Обобщая урок, на вопрос: «Что объединяет пьесу Т. Шалгиновой с песней Г. Челборакова», дети отвечают: «их объединяет тема малой родины»; «в них запечатлены музыкальные образы Хакасии»; «передана любовь к родной земле и ее народу», «мы понимаем язык музыки, независимо от того, какому народу она принадлежит», «язык музыки – это язык дружбы», «язык музыки нам понятен без перевода, мы его чувствуем и представляем то, что чувствуем». Так ненавязчиво, через погружение в сопереживание художественных образов формируется интерес к культуре другого народа, находятся связи и общие черты с аналогичными образами в других культурах, воспитывается «родственное внимание» к другому народу.

Результаты исследования

Позднее, после проведения цикла уроков, посвященных малой родине, в этом классе было проведено небольшое исследование, которое показало следующие результаты. На вопрос, в чем ребята видят отличие своего народа от других народов, самый популярный ответ: «в языке». Затем идут ответы: «в обрядах и традициях», «в пище», «в жилище», «в одежде». У небольшого количества детей был ответ: «особенности в поведении, например, хакасы более стеснительные, молчаливые, чем, например, русские».

На вопрос: «Что придумано людьми, чтобы понимать друг друга», ответили все, и самый популярный ответ: «язык и музыка». Другие ответы: «речь», «жесты», «любовь», «дружба», «учителя», «уроки», «переводчик», «интернет».

На вопрос «Что нужно предпринять, чтобы не было межнациональных конфликтов», большинство написали: «никого не обзывать, не дразнить; «учиться понимать других»; «уметь уладить ссоры», «прийти к согласию в споре»; «соблюдать законы»; «дружить родами»; «жить в мире», «уважать другие народы», «лишь дружба и добро всегда победят зло»; «петь вместе песни,

CC BY

когда поем, мы все – как один», «жениться на хорошей девушке, как мои папа и мама, дедушки и бабушки. Я их всех люблю».

На вопросы: «Знаком ли ты с произведениями композиторов других народов», «Любишь ли ты петь песни своего народа» все ребята дали положительные ответы, а на вопрос: «Знаком ли ты с песнями других народов и с какими», ребята написали песни, пройденные за все годы обучения, например, «Перепелочка» (белорусская народная песня), «Братец Яков» (французская народная песня), «Тонкая рябина» (русская народная песня), «Хозанах» (хакасская народная пеня) и др.

Заключение

Ответы учащихся говорят о том, что вопросам воспитания культуры межнационального общения на уроках музыки в Лицее отводится серьезное внимание. Дети проявили наблюдательность, знание музыкального материала, ответили на многие вопросы анкеты, пусть с детской наивностью, но со временем, будем надеяться, это станет их гражданской позицией.

Таким образом, мы показали систему работы по формированию культуры межнациональных отношений в студенческой и ученической среде как общий методологический подход, на основе которого происходит знакомство с музыкальной культурой разных народов, и дает положительные результаты.

Список литературы

1. Гасанов З.Т. Особенности формирования культуры межнационального общения в многонациональном регионе [Текст] // Педагогика. – 1994. – №5. – С. 12–17.
2. Кабалевский Д.Б. О применении принципов и методов программы по музыке в школах союзных республик [Текст] // Музыка в школе. – 1985. – №1. – С. 11–13.
3. Султанбаева К.И. Педагогика межнационального общения: учебно-методический комплекс по дисциплине: учебное пособие [Текст]. – Абакан: Изд-во Хакасского государственного университета им. Н.Ф. Катанова, 2017. – 96 с.

References

1. Gasanov, Z. T. (1994). Osobennosti formirovaniia kul'tury mezhnatsional'nogo obshcheniia v mnogonatsional'nom regione. Pedagogy, 5, 12-17.
2. Kabalevskii, D. B. (1985). O primenenii printsipov i metodov programmy po muzyke v shkolakh soiuznykh respublik. Music at school, 1, 11-13.
3. Sultanbaeva, K. I. (2017). Pedagogika mezhnatsional'nogo obshcheniia: uchebno-metodicheskii kompleks po distsipline., 96. Katanov Khakass State University.

Информация об авторе

Шишлянникова Нина Петровна – д-р пед. наук, профессор ФГБОУ ВО «Хакасский государственный университет им. Н.Ф. Катанова», Абакан, Российская Федерация

Information about the author

Nina P. Shishliannikova – doctor of pedagogical sciences, professor of FSFEI of HE "Katanov Khakass State University", Abakan, Russian Federation

CC BY

Методологические основания изучения национальной кухни как феномена гастрономической культуры

DOI 10.31483/r-75332
УДК 167:641.5

Яковлева Е.Л.
ЧОУ ВО «Казанский инновационный университет им. В.Г. Тимирясова (ИЭУП)»,
Казань, Росийская Федерация.
https://orcid.org/0000-0003-1799-0883, e-mail: mifoigra@mail.ru

Резюме: Автор подчеркивает, что в «текучей современности» (З. Бауман) среди актуальных проблем исследования можно назвать традицию, являющуюся фундаментом культуры. Многие ее компоненты относятся к числу трудно постижимых, и к ним причислим национальную кухню.

Методы исследования. В представленной статье национальная кухня исследуется через призму аналитического метода, позволяющего выявить аутентичные способы ее изучения и показа многогранности. В ходе исследования был проведен теоретический анализ методологических оснований исследования национальной кухни как феномена гастрономической культуры.

Отмечается, что как уникальный феномен традиционной культуры этноса, национальная кухня обладает собственным гастрономическим кодом и содержит в себе информацию о специфике бытия народа, зашифрованную посредством процессов, связанных с пищей и ее приготовлением. Автор уделяет особое внимание тому факту, что наиболее эффективными методами исследования национальной кухни являются структурный, феноменологический и герменевтический. Они помогают выявить конструкции и выделить структурные компоненты национальной кухни (кулинарную культуру, культуру принятия еды и гастрономическую рефлексию), изучить и проанализировать их с помощью чувств и опыта как непосредственного подключения к каждому из них, осмыслить процесс приготовления блюд на основе кулинарного рецепта и процесс вкушения, раскрыть символические значения элементов национальной кухни и установить их истоки.

Результаты исследования. Одновременное использование феноменологического, структурного и герменевтического методов способствует постижению гастрономического кода народа и особенностей его кухни. Полученные знания позволяют интерпретировать не только секреты национальной кухни, но и историю и культуру этноса с новых позиций.

Ключевые слова: традиция, национальная кухня, гастрономическая культура, гастрономический код, феноменологический подход, структурный подход, герменевтический подход, кулинарная культура, культура принятия еды, гастрономическая рефлексия.

Для цитирования: Яковлева Е.Л. Методологические основания изучения национальной кухни как феномена гастрономической культуры // *Этническая культура*. – 2020. – № 2 (3). – С. 92-96. DOI:10.31483/r-75332.

Methodological Bases of Studying National Cuisine as a Phenomenon of Gastronomic Culture

Elena L. Iakovleva
PEI of HE "Kazan Innovative University named after V. G. Timiryasov (IEML)",
Kazan, Russian Federation.
https://orcid.org/0000-0003-1799-0883, e-mail: mifoigra@mail.ru

Abstract: The author outlines that in “current modernity” (Z. Bauman), among the urgent problems of research, one can name tradition, which is the foundation of culture. Many of its components are among those that are difficult to comprehend, and national cuisine is among them.

Methods of research. In the presented article, national cuisine is examined through the prism of an analytical method that allows you to identify authentic ways of studying and showing its versatility. In the course of the research, a theoretical analysis of the methodological basis for the study of national cuisine as a phenomenon of gastronomic culture was carried out.

It is noted that being a unique phenomenon of the traditional ethnic culture, national cuisine has its own gastronomic code and contains information about the specifics of the people’s life, encrypted through processes related to food and its preparation. The author pays special attention to the fact that the most effective methods of researching national cuisine are structural, phenomenological and hermeneutic. They help to identify designs and highlight the structural components of national cuisine (culinary culture, culture of eating and gastronomic reflection), study and analyze them with the help of feelings and experience as a direct connection to each of them, comprehend the process of cooking based on the culinary recipe and the process of tasting, reveal the symbolic meanings of the elements of national cuisine and establish their origins.

Results of research. The simultaneous use of phenomenological, structural and hermeneutic methods contributes to the comprehension of the gastronomic code of the people and the peculiarities of their cuisine. The knowledge gained allows us to interpret not only the secrets of national cuisine, but also the history and culture of the ethnos from new perspectives.

Keywords: tradition, national cuisine, gastronomic culture, gastronomic code, phenomenological approach, structural approach, hermeneutic approach, culinary culture, food culture, gastronomic reflection.

For citation: Iakovleva E.L. (2020). Methodological Bases of Studying National Cuisine as a Phenomenon of Gastronomic Culture. *Etnicheskaya kultura = Ethnic Culture, 2(3)*, 92-96. (In Russ.) DOI:10.31483/r-75332.

Введение

В современности все большее число исследователей сосредотачивают свое внимание на этнической культуре. И это неслучайно. Кристаллизуясь на протяжении довольно длительного промежутка времени, она вбирала в себя коллективный опыт народа и способствовала появлению *традиции*. К ней мы относим мироощущение и предания, обряды и обычаи, привычки и навыки, образ(ц)ы и нормы, передававшиеся из поколения в поколение. Именно этническая культура

CC BY

и традиция оказываются фундаментом современной культуры: в них хранятся основные архетипы и матрицы, темы и образ(ц)ы, схемы и алгоритмы проявлений человечества. Но в условиях инновационного развития и быстроменяющихся ситуаций современности возникает проблема стирания традиции, что таит в себе определенные опасности и риски. Необходимо признать, благодаря различным исследованиям и расширению методологического аппарата научного познания этническая культура и традиция не только (с)охраняются, но и открываются новые страницы из жизни этноса. Их интерпретируют с необычных позиций, тем самым углубляя знания об этнической культуре, способствуя их фиксации, а также встраиванию традиции в современный ландшафт. Но некоторые аспекты традиции, ввиду их сложности, остаются малоизученными. К их числу можно отнести *национальную кухню*, занимающую особое место в жизни народа, его этнической культуре и традиции. Целью представленной статьи является поиск аутентичных методологических принципов изучения национальной кухни, способствующих показу ее многогранности.

Материалы и методы

В научном дискурсе национальная кухня имеет множество трактовок. И среди них важными в наших рассуждениях являются ее определения как «еды, пищи, выполнения различных работ на кухне»; «совокупности кулинарных приемов и блюд, присущих определенной общности людей» [15, с. 29]. Национальная кухня включает в себя множество взаимосвязанных между собой компонентов: коллективные представления и вкусовые предпочтения, обусловленные средой обитания, культурой и религиозными требованиями, перечень блюд (повседневных, праздничных, детских, взрослых и пр.), животноводческую продукцию, характерную для региона, выращиваемые в пространстве нахождения этноса сельскохозяйственные и плодовые культуры, способы их обработки, технологии приготовления, кухонную утварь, этикетные правила. Национальная кухня является составной частью гастрономической культуры как «сложной культурной, структурирующе-дисциплинирующей и рационализирующей системы, удовлетворяющей биологическую потребность человека в контексте определенных символов и значений» [15, с. 31].

Сегодня появляются работы, в которых анализируются различные аспекты национальной кухни. О пищевых моделях пишет С.А. Арутюнов [1], о национальной кухне – Г.Д. Гачев [5], о гастрономической культуре – М.В. Капкан и Л.С. Лихачева [6], о культурном коде – Е.М. Маркова, У. Эко [9; 13], о гастрономическом коде культуры – И.В. Сохань [10; 11] и Е.Л. Яковлева [14], что значительно расширяет методологическую базу исследований. Опираясь на представленные работы, осуществим теоретический анализ методологических оснований исследования национальной кухни как феномена гастрономической культуры.

Результаты

Несмотря на точное понимание *объекта исследования* (национальная кухня), тем не менее, его анализ заставляет затрагивать и сопряженные с ним феномены, такие как национальная культура, национальная традиция, повседневность, гастрономическая культура, культурный код, гастрономический код, кухонное пространство, женское, гастрономический вкус и пр. Каждый из них имеет свою специфику, расширяя поле исследований в области национальной кухни.

Как известно, именно национальная кухня оказывается одним из мощных показателей *прилаженности* этноса к природной среде, демонстрируя его уклад жизни и хозяйственную деятельность, религиозные верования и культуру. Л. Габдрафикова заметила, «особенности питания складывались в зависимости от географического расположения той или иной этнической группы, от рода занятий и образа жизни, определялись требованиями веры, а также сложившимися еще в языческую пору традициями» [4, с. 74]. Учитывая многообразие сред обитания народов мира, их культур, верований, типов хозяйствования и др., можно сделать вывод: кухня как мощный конструирующий фактор культуры этноса помогает выявить его специфику, непохожесть и отличие от других. Подобную точку зрения можно обнаружить у С.А. Арутюнова, заключившего, что «пища – это тот элемент материальной культуры, в котором более других сохраняются традиционные черты, с ним более всего связаны представления народа о своей национальной специфике» [1, с. 10]. Необходимо признать, кухня этноса меньше всего подвержена переменам, что говорит о сохранении в ней чистоты и даже архаичности традиций. Данное обстоятельство служит основанием для ее исследования с целью познания страниц истории и культуры прошлых периодов развития, а также выявления *гастрономического кода этноса*. Под последним мы понимаем, «кулинарный упорядоченный образ пищи, обусловленный средой обитания, культурно-историческим развитием, религиозным компонентом» и включающий в себя «определенные продукты питания, способы их обработки, технологии приготовления, рецепты блюд и их названий, объединяя в себе природное и культурное, материальное и духовное, внешнее и внутреннее, характерное для определенного сообщества» [15, с. 31].

Трактовка национальной кухни в качестве кода неслучайна. Об этом писали многие исследователи. Так, антрополог Э. Лич считал, что пища и процессы, связанные с ее приготовлением, «организованы в модельные конфигурации так, чтобы включать закодированную информацию по аналогии со звуками, словами обычного языка» [8, с. 16]. Данное рассуждение указывает, что питание является не только кодом, но и невербальной коммуникацией, обладающей значением, что требует дешифровки. П. Бурдье говорил об устойчивом характере практик питания, обусловленных опытом прошлого как «приобретенной системой порождающих схем» [2, с. 14]. В этой системе для него значимыми оказываются стиль жизни и иерархия питания, критерием которых выступает статус людей: «для

CC BY

высших классов в потреблении продуктов питания гораздо важнее форма, тогда как для низших классов – содержание» [3, с. 187]. Исходя из этого следует, что практики питания, олицетворяющие уровни престижа, наделяются символическим смыслом. Данное обстоятельство также свидетельствует о кодировании информации, требующей впоследствии ее расшифровки и интерпретации в рамках гастрономического дискурса.

Понимание гастрономического кода связано с феноменом культурного кода: это – «модель, являющаяся результатом ряда условных упрощений, производимых ради того, чтобы обеспечить возможность передачи тех или иных сообщений» [13, с. 65]. Его характеризуют как «нормативно-ценностную символическую систему вторичного означивания», которая начинает кристаллизоваться «в процессах категоризации и концептуализации действительности» [9]. Благодаря культурному коду, функционирующему в качестве своеобразной сетки, феномен членится, категоризируется, структурируется и оценивается [7, с. 232]. В этом коде скрываются шифры миропредставления народа, его символов и образов. При этом в каждой национальной культуре можно обнаружить собственную систему кодов, в том числе пространственно-временных, событийных, телесных, поведенческих, художественных и гастрономических, что свидетельствует о различии их кухонь.

Исследование национальной кухни и ее гастрономического кода рождает проблему поиска адекватной методологической базы, позволяющей многоаспектно проанализировать феномен, выявляя в нем черты спецификации этнической культуры. На наш взгляд, к числу наиболее интересных подходов, способных раскрыть аутентичность национальной кухни и ее гастрономического кода, можно отнести *феноменологический, структурный* и *герменевтический*. Каждый из них имеет свою специфику, но только в совокупности они помогают многогранно рассмотреть особенности национальной кухни с выявлением ее гастрономического кода. Более того, использование одного метода влечет за собой подключение других.

Так, феноменологический подход позволяет проанализировать явление посредством подключения к связанному с ним опыту, его созерцания и переживания в собственном психическом бытии исследователя. В результате этого оказывается возможным беспредпосылочное описание непосредственного опыта интенциональной данности мира, раскрывающейся в сознании ученого. В рамках феноменологического подхода понимание национальной кухни как явления влечет за собой его изучение в качестве кода с выявлением составляющих (структурный подход). Код требует расшифровки его структурных элементов, с целью поиска в них символических значений и обнаружения их смыслов (герменевтический метод). Как мы писали, пища представляет собой феномен национальной культуры. Это особая гастрономическая конструкция, корни которой связаны с историей и формированием традиций этноса. Герменевтический метод способствует пониманию и интерпретации национальной кухни и ее составляющих через призму гастрономического кода. В результате применения трех подход можно выстроить оригинальную концепцию.

В качестве примера приведем интерпретацию восприятия национальной кухни в концепции Г.Д. Гачева [5]. В его понимании еда оказывается значимым символом Родины, содержащим в себе в свернутом виде информацию о географическом положении, природных ресурсах, укладе жизни, повседневных/праздничных практиках вкушения этноса. Следуя логике Г. Гачева, в еде закодирован Космо-Психо-Логос народа, то есть его национальное тело, дух и душа. Приготавливаясь в Космосе (в лоне природного ландшафта, из соответствующих ему ингредиентов), еда оказывается микрокосмосом, связанным с бытием личности (ее Психея демонстрируется в психологии готовящего еду и вкушающих ее). Логос явлен в рационализации процесса приготовления блюда на основе рецепта и попытках рефлексии над съеденным вкушающих. Одновременное пересечение Космоса, Психеи и Логоса можно обнаружить в рецепте. Он являет собой специфический *мыслеобраз* (Г.Д. Гачев), благодаря которому осуществляются кухонные метаморфозы: (воображаемое) блюдо, фиксированное в записи, посредством навыков, вдохновения, ингредиентов, посуды, специальных манипуляций и технологий приготовления приобретает телесность, к которой можно приобщиться в процессе вкушения [5]. Подход Г.Д. Гачева позволяет детально исследовать национальную кухню, анализируя ее особенности в структурной матрице Космо-Психо-Логос.

Структурный метод помогает выявить конструкцию феномена и охарактеризовать его элементы. В гастрономическом коде шифруется гастрономическая культура. Структурный метод анализа, предложенный М.В. Капкан, Л.С. Лихачевой, И.В. Сохань, позволяет выделить в гастрономической культуре три составляющие – *кулинарную культуру, культуру принятия еды и гастрономическую рефлексию* [6]. И.В. Сохань расширяет данную структуру гастрономической культуры, добавляя к перечисленному *предкулинарную стадию*, связанную с выращиванием и обработкой ингредиентов, попадающих на кухню [11]. Структурный анализ перечисленных компонентов и их описание затрудняет тот факт, что каждый из них включает в себя чувственную и интуитивную природу. Например, кулинарная культура и культура принятия еды согласно структурному анализу систематичны и содержат в себе «набор основных продуктов и типы блюд, наличие тех или иных дополнительных компонентов (приправ и специй), способы обработки продуктов и приготовления блюд, пищевые ограничения и предпочтения, правила поведения, связанные с приемом пищи» [1, с. 10–11]. Помимо этого, в них пересекаются две системы: *человек-еда* (включает рацион, регулярность пищевых практик, ингредиенты и их сочетания, перечень блюд), *человек-человек* (в перечень параметров входят нравственные и этикетные нормы, эстетичность практик вкушения, степень престижности). Но при этом в кулинарной культуре и культуре принятия еды высвечивается уровень воспитания и образования личности (готовящей/вкушаю-

CC BY

щей), ее мировидение и духовное развитие. Она включает в себя «взаимодействие участников, включенных в процедуры, связанные с питанием; ритуально-обрядовые действия и иные социальные практики, в которых пища выполняет определенные роли» [12, с. 10]. Перечисленное обладает чувственно-эмоциональной природой, что заставляет к структурному методу подключить феноменологический подход с его интенциональностью и герменевтический, позволяющий раскрыть содержательно-смысловой аспект гастрономического дискурса.

Еще сложнее складывается ситуация в отношении исследования *гастрономической рефлексии.* Ее анализ требует в большей степени феноменологического подхода, чтобы достигнуть уровня *философской концептуализации* [11]. Частично гастрономическая рефлексия демонстрируется в кулинарных книгах, что позволяет изучить кухню этноса на основе рецептов. Необходимо подчеркнуть, что *кулинарный рецепт* является наиболее распространенной формой экспертного знания о кухне, лежащего в основе кулинарной книги. Анализ рецептов представляет собой рационализированный процесс и допускает структурный подход. В кулинарной книге фиксируется «нормативность кулинарного и гастрономического» в виде «формы экспертного знания в отношении культуры еды», что свидетельствует о пищевых практиках определенной кухни (национальной, изысканной, советской и пр.) [11]. В качестве практического руководства по приготовлению определенного блюда рецепт кодирует логику технологий приготовления. Но необходимо обратить внимание на одно мистическое свойство гастрономической культуры, трудно поддающееся рефлексии. Это – *повторяемая неповторяемость/неповторяемая повторяемость* практик приготовления и вкушения пищи. Несмотря на фиксированность рецепта блюда и технологий его приготовления, каждый раз результат воспроизведения будет иным. Данный факт обусловлен множеством причин, в том числе качеством продуктов, психологическим состоянием готовящего и его импровизационностью действий, связанных с желанием сделать вкус блюда лучше, настроением вкушающего и пр.

Помимо этого, гастрономическая рефлексия связана со *вкусом*. Несмотря на его физиологичную структурированность, многие аспекты гастрономического вкуса до сих пор остаются не проясненными. Дело в том, что по отношению к гастрономической культуре вкус выполняет не только физиологическую, но и социально-культурную функцию. Сам процесс принятия пищи затрагивает помимо вкуса и другие органы – зрение, обоняние, осязание, слух. Как известно, *схема вкуса* выстраивается на основе зрительного восприятия (внешний вид блюда), обоняния (вдыхания ароматов) и непосредственной реакции во рту от вкушения «(сладкое, горькое, кислое, острое и их смешение), обусловленное температурой (горячее/холодное), текстурой еды (жесткое/мягкое, хрустящее/нежное, сухое/сочное, маслянистое/рассыпчатое), сроком приготовления (свежестью/давностью)» [15, с. 75]. Только в совокупности органы чувств способны представить всеобъемлющую картину вкушения и впечатления о ней. Синтез ощущений вызывает ассоциации, позволяющие составить представление о вкушаемом и дать ему оценку. Но данный отзыв всегда носит субъективный характер, зависит от атмосферы/настроения/компании сотрапезников и пр. Оценка блюда и процесса вкушения носит неполный характер. Парадоксальным оказывается то, что выразить вербально вкусовые ощущения о ежедневных практиках вкушения оказывается невозможным. Даже существующая схема вкуса не способствует многогранному описанию палитры чувств и эмоций, вызываемых едой. Язык не способен адекватно и многогранно передать впечатления о еде, что требует помимо феноменологического подхода подключения к нему герменевтической интерпретации.

Обсуждение и заключение

Расширение в современности гастрономических практик людей, увеличение предприятий общественного питания, популярность гастрономического туризма, желание приобщиться к экзотике посредством вкушения приводят к исследовательскому интересу в области гастрономической культуры и ее компонента – национальной кухни. Среди проблем, затрагиваемых учеными, стоит проблема выявления гастрономического кода этноса, дающего ключи к пониманию сущности национальной кухни, а также новым трактовкам истории и культуры народа через призму еды. Наиболее предпочтительными методами исследования гастрономического кода можно назвать структурный, феноменологический и герменевтический. В совокупности они помогают выявить упорядоченный образ мироздания этноса, раскрыть через практики вкушения страницы истории культуры, интерпретировать связь блюд с укладом жизни и особенностями культуры, с помощью рецептов выявить особенности питания, предпочитаемые блюда и их ингредиенты, технологии приготовления. Структурный метод позволяет выделить элементы гастрономической культуры и ее национальной кухни, включающие в себя кулинарную культуру, культуру принятия еды и гастрономическую рефлексию. Феноменологический и герменевтический подходы расширяют знания о структурных уровнях, помогая обнаружить спецификацию кухни этноса и ее смысловую наполненность. Благодаря этому увеличивается исследовательское поле в области изучения этнической культуры и традиции, появляются новые темы для дальнейших научных изысканий.

Список литературы

1. Арутюнов С.А. Основные пищевые модели и их локальные вариации у народов России [Текст] / С.А. Арутюнов // Традиционная пища как выражение этнического самосознания. – М.: Наука, 2001. – С. 10–17.
2. Бурдье П. Практический смысл [Текст] / П. Бурдье. – СПб.: Алетейя, 2001. – 562 с.
3. Бурдье П. Социальное пространство и символическая власть [Текст] / П. Бурдье // Пьер Бурдье. Начала. – М.: Socio-Logos, 1994. – 288 с.

CC BY

4. Габдрафикова Л. Татарское буржуазное общество: стиль жизни в эпоху перемен (вторая половина XIX – начала XX века) [Текст] / Л. Габдрафикова. – Казань: Татарское книжное изд-во, 2015. – 367 с.
5. Гачев Г.Д. Космо-Психо-Логос: Национальные образы мира [Текст] / Г.Д. Гачев. – М.: Академический проект, 2015. – 511 с.
6. Капкан М.В. Гастрономическая культура: понятие, функции, факторы формирования [Текст] / М.В. Капкан, Л.С. Лихачева // Известия Урал. гос. ун-та. Сер. Гуманитарные науки. Вып. 15. – 2008. – №55. – С. 34–43.
7. Красных В.В. Этнопсихолингвистика и лингвокультурология [Текст] / В.В. Красных. – М.: Гнозис, 2002. – 284 с.
8. Лич Э. Культура и коммуникация: логика взаимосвязи символов [Текст] / Э. Лич. – М.: Восточная литература, 2001. – 141 с.
9. Маркова Е.М. Кулинарный код культуры во вторичных номинациях русского и чешского языков: лингвистический и методический аспекты [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://cyberleninka.ru/article/n/kulinarnyy-kod-kultury-vo-vtorichnyh-nominatsiyah-russkogo-i-cheshskogo-yazykov-lingvisticheskiy-i-metodicheskiy-aspekty
10. Сохань И.В. Женщина и гастрономический код культуры [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://cyberleninka.ru/article/n/zhenschina-i-gastronomicheskiy-kod-kultury
11. Сохань И.В. Как исследовать гастрономическое? К вопросу о дефинициях и подходах [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://cyberleninka.ru/article/n/kak-issledovat-gastronomicheskoe-k-voprosu-o-definitsiyah-i-podhodah
12. Столярова Г.Р. Религиозные детерминанты культуры питания современных городских мусульман [Текст] / Г.Р. Столярова, Н.В. Рычкова, С.Ю. Рычков. – Казань: Грумант, 2018. – 320 с.
13. Эко У. Отсутствующая структура. Введение в семиологию [Текст] / У. Эко. – М.: Петрополис, 1998. – 432 с.
14. Яковлева Е.Л. Реконструкция гастрономического кода татарской национальной кухни [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://e-notabene.ru/ca/article_26945.html
15. Яковлева Е.Л. Татарская кухня в контексте повседневности [Текст]: учебное пособие с элементами хрестоматии. – Казань: Изд-во «Познание» Казанского инновационного ун-та им. В.Г. Тимирясова, 2019. – 372 с.

References

1. Arutjunov, S. A. (2001). Osnovnye pishhevye modeli i ih lokal'nye varianty u narodov Rossii [The main food models and their local variants among the peoples of Russia]. Tradicionnaja pishha kak vyrazhenie jetnicheskogo samosoznanija [Traditional food as an expression of ethnic identity]., 10–17. Moscow: Nauka.
2. Bourdieu P. (2001). Le sens pratique., 562. Saint Petersburg: Aletejja.
3. Bourdieu P. (1994). Espace social et pouvoir symbolique., 288. Moscow: Socio-Logos.
4. Gabdrafikova, L. (2015). Tatarskoye burzhuaznoye obshchestvo: stil' zhizni v ehpohu peremen (vtoraya polovina XIX -nachalo XX veka) [Tatar bourgeois society: Lifestyle in an era of change (the second half of the 19 th -early 20 th century)]., 367. Kazan': Tatarskoe knizhnoe izd-vo.
5. Gachev, G.D. (2015). Kosmo-Psikho-Logos Natsionalnye obrazy mira [Cosmo-psycho-logo national images of the world]., 511. Moscow: Akademicheskij proekt.
6. Kapkan, M.V., Likhacheva, L.S. (2008). Gastronomicheskaya kul'tura: ponyatie, funktsii, faktory formirovaniya [Gastronomic Culture: Concept, Functions, and Factors of Formation]. Izvestiya Ural'skogo gosudarstvennogo universiteta. Series 2. Gumanitarnye nauki, 15 (55), 34-43.
7. Krasnyh, V.V. (2002). Etnopsikholingvistika i lingvokulturologiia [Ethnopsycholinguistics and Linguoculturology]. 284. Moscow: Gnozis, 2002.
8. Lich, E. (2001). Culture Communication Logic Which Symbols are Connected, 141. Moscow: Vostochnaja literatura.
9. Markova, E.M. (2017). Culinary Culture Code in the Secondary Naming of the Russian and Czech Languages: Linguistic and Methodological Aspects. Retrieved from https://cyberleninka.ru/article/n/kulinarnyy-kod-kultury-vo-vtorichnyh-nominatsiyah-russkogo-i-cheshskogo-yazykov-lingvisticheskiy-i-metodicheskiy-aspekty
10. Sohan', I.V. (2010). Zhenshhina i gastronomicheskij kod kul'tury. Retrieved from https://cyberleninka.ru/article/n/zhenschina-i-gastronomicheskiy-kod-kultury
11. Sohan', I.V. (2013). How to Research the Gastronomic? to the Question of Definitions and Approaches Retrieved from https://cyberleninka.ru/article/n/kak-issledovat-gastronomicheskoe-k-voprosu-o-definitsiyah-i-podhodah
12. Stoljarova, G.R., Rychkova, N.V., Rychkov, S.Ju. (2018). Religioznye determinanty kul'tury pitanija sovremennyh gorodskih musul'man, 320. Kazan': Grumant.
13. Eko, U. (1998). Missing structure. Introduction to semiology, 432. Moscow: Petropolis.
14. Iakovleva, E.L. (2019). Reconstruction of gastronomic code of the Tatar national cuisine. Retrieved from http://e-notabene.ru/ca/article_26945.html
15. Iakovleva, E.L. (2019). Tatarskaja kuhnja v kontekste povsednevnost, 372. Kazan: Izd-vo “Poznanie” of Kazan Innovative University named after V. G. Timiryasov.

Информация об авторе

Яковлева Елена Людвиговна – д-р филос. наук, канд. культурологии, профессор, заведующая кафедрой ЧОУ ВО «Казанский инновационный университет им. В.Г. Тимирясова (ИЭУП)», Казань, Российская Федерация

Information about the author

Elena L. Iakovleva – doctor of philosophic sciences, candidate of cultural studies, professor, head of department of PEI of HE "Kazan Innovative University named after V. G. Timiryasov (IEML)", Kazan, Russian Federation

CC BY

Реабилитационные ресурсы новгородской считалки в логопедической коррекции моторной алалии

DOI 10.31483/r-75016
УДК 376.37

Александрова Л.Ю.[a], **Ваторопина С.В.**[b]
ФГБОУ ВО «Новгородский государственный университет им. Ярослава Мудрого»,
Великий Новгород, Российская Федерация.
[a] https://orcid.org/0000-0003-2412-3913, e-mail: l_y_aleksandrova@mail.ru
[b] https://orcid.org/0000-0002-9747-8160, e-mail: svevator@mail.ru

Резюме: В статье дается краткая сущностная характеристика моторной алалии. *Цель статьи* – показать возможности использования малых фольклорных форм в качестве средства коррекции и реабилитации моторной алалии. Приводятся данные исследования специалистов в области логопедии, использовавших новгородский детский фольклор в качестве средства реабилитации дошкольников с тяжелыми нарушениями речи в условиях «Реабилитационного центра для детей с ОВЗ» в г. Великий Новгород.

Методы. Основными методами исследования были критериальный анализ лингвистической, логопедической, педагогической и этнографической литературы, а также констатирующий и формирующий эксперименты в границах эмпирического исследования.

Проверялась *гипотеза* о том, что эффективным средством коррекции алалии у дошкольников в структуре комплексного метода могут быть использованы малые фольклорные формы.

Результаты. Малые фольклорные формы рассматриваются как продуктивные когнитивно-семантические категории, которые, при правильно выстроенной коррекционной работе с дошкольниками-алаликами, могут способствовать формированию у них языковой компетентности. Структурируются проблемы и значительные реабилитационные ресурсы детского фольклора в логопедической коррекции моторной алалии у дошкольников. Представлены трудности использования детского фольклора в качестве речевого материала в процессе логопедической коррекции, а также значительные реабилитационные ресурсы малых фольклорных форм. Проанализирован клинический случай успешного выхода пятилетней девочки из состояния моторной алалии посредством использования считалок.

Делается вывод о том, что малые фольклорные формы могут быть использованы в качестве эффективного средства коррекции моторной алалии у дошкольников в структуре комплексной реабилитации.

Ключевые слова: малые фольклорные жанры, считалки, пестушки, дразнилки, потешки, логопедическая коррекция, реабилитационные ресурсы, моторная алалия, просодический потенциал детского фольклора.

Для цитирования: Александрова Л.Ю. Реабилитационные ресурсы новгородской считалки в логопедической коррекции моторной алалии / Л.Ю. Александрова, С.В. Ваторопина // *Этническая культура*. – 2020. – № 2 (3). – С. 97-100. DOI:10.31483/r-75016.

Rehabilitation Resources of the Novgorod Counting-Out Rhyme in the Speech Therapy Correction of Motor Alalia

Lada Y. Aleksandrova[a], **Svetlana V. Vatoropina**[b]
FSBEI of HE "Yaroslav-the-Wise Novgorod State University",
Novgorod the Great, Russian Federation.
[a] https://orcid.org/0000-0003-2412-3913, e-mail: l_y_aleksandrova@mail.ru
[b] https://orcid.org/0000-0002-9747-8160, e-mail: svevator@mail.ru

Abstract: A brief essential characteristic of motor alalia is described in the article. *The purpose of the article* is to show the possibilities of using small folklore forms as a means of correction and rehabilitation of motor alalia. The research data of specialists in speech therapy who have used Novgorod children's folklore as a means of rehabilitation for preschoolers with severe speech impairment in the conditions of the “Rehabilitation Center for Children with Disabilities” in Veliky Novgorod is presented.

Methods. The criteria analysis of linguistic, speech therapy, pedagogical and ethnographic literature, as well as summative and formative assessment within the framework of empirical research were main research methods.

The *hypothesis* on effective means of correcting alalia in preschoolers in the structure of the complex method that can be used in small folklore forms was tested.

Results. Small folklore forms are considered as productive cognitive and semantic categories, which, in properly built correctional work with preschoolers with motor alalia, can contribute to the formation of their language competence. The problems and significant rehabilitation resources of children's folklore in the speech therapy correction of motor alalia in preschoolers are structured. The difficulties of using children's folklore as speech material in the process of speech therapy correction are presented. And also, significant rehabilitation resources of small folklore forms are pointed out. A clinical event of a five-year-old girl's successful getting rid of motor alalia by using of counting-out rhyme was analyzed.

It is concluded that small folklore forms can be used as an effective means of correcting motor alalia in preschoolers in the structure of comprehensive rehabilitation.

Keywords: small genres of folklore, counting-out rhyme, pestushki, teasing rhyme, nursery rhymes, speech therapy correction, rehabilitation resources, motor alalia, prosodic potential of children's folklore.

For citation: Aleksandrova L.Y., & Vatoropina S.V. (2020). Rehabilitation Resources of the Novgorod Counting-Out Rhyme in the Speech Therapy Correction of Motor Alalia. *Etnicheskaya kultura = Ethnic Culture, 2(3)*, 97-100. (In Russ.) DOI:10.31483/r-75016.

CC BY

Введение

Моторная алалия – системное недоразвитие детской речи, связанное с органическим поражением речевых зон коры головного мозга в доречевой период развития. Исторически ее понимали как немоту при сохранном биологическом слухе.

Моторная алалия связана с несформированностью у ребенка языковых операций в области порождения речи. При этом импрессивно-смысловые языковые операции относительно сохранны. Среди причин алалии исследователи называют внутриутробное неблагополучие, родовые травмы, асфиксии плода, травмы головы, менингиты, энцефалиты и др. [2; 7].

Синдром моторной алалии изучался в широком поле междисциплинарных исследований Г. Гутцман (1894), А. Либманн (1900), М.В. Богданов-Березовский (1909), Э. Фрешельс (1931). Отечественные традиции исследования моторной алалии связаны с именами М.Е. Хватцева, Н.Н. Трауготт, В.К. Орфинской, Р.Е. Левиной, Л.В. Мелеховой, Е.Ф. Соботович, В.А. Ковшикова, В.К. Воробьевой и др.

В связи с рядом факторов (возможность выхаживания глубоко недоношенных младенцев, повышение возраста матерей, заболеваемость и т. д.) частота встречаемости алалии в последние десятилетия увеличилась [2; 6].

Это обусловливает необходимость поиска эффективных средств комплексной коррекции моторной алалии.

Зарубежный и отечественный опыт коррекционной работы с алаликами дошкольного возраста позволил структурировать и апробировать ряд эффективных логопедических технологий: дидактическая игра, логоритмика, сенсорная интеграция, эвритмика [1–3; 6; 8]. Однако их эффективность требует высокой систематичности логопедической коррекции.

Для значительного количества семей выполнение этого условия оказывается невозможным. Семьи проживают далеко от центров, где специалисты могли бы оказать логопедическую помощь ребенку. Их собственные компетенции оказываются недостаточными для стимулирования речи дошкольника с алалией.

В нашем исследовании, проходившем в период с 2014 года по 2019 год в 10 районах Новгородской области, приняли участие 76 дошкольников с моторной алалией. Лишь 8 дошкольников имеют доступ к необходимой логопедической коррекции в своем районе. Для остальных детей единственно возможной системой помощи является стационарная реабилитация на базе ОАУСО «Реабилитационный центр для детей с ОВЗ» в Великом Новгороде.

Период реабилитации составляет 21 день. Периодичность реабилитационных сессий – два раза в год. За этот короткий срок необходимо решить задачи поиска и апробации эффективных педагогических средств помощи дошкольникам с моторной алалией.

Гипотеза

Проверялась гипотеза о том, что использование малых фольклорных форм в структуре комплексного метода является эффективным средством коррекции алалии у дошкольников.

Наше гипотетическое предположение было обусловлено пониманием малых фольклорных форм как продуктивных когнитивно-семантических категорий, освоение которых может способствовать формированию языковой компетентности дошкольника. Эти качества обусловливаются коммуникативной направленностью, значительными когнитивными ресурсами и яркими просодическими свойствами детского фольклора [4; 7; 8].

Методы исследования

В качестве основных методов исследования применялся критериальный анализ лингвистической, логопедической, педагогической и этнографической литературы, а также констатирующий и формирующий эксперименты в границах эмпирического исследования.

Результаты исследования

Реабилитационный центр находится на берегу былинного новгородского озера Ильмень, коллектив сотрудников много лет поддерживает и развивает традиции русской народной педагогики. В этих условиях попытки использовать малые фольклорные формы в качестве средства коррекции алалии представляются достаточно гармоничными.

Анализ фольклорных традиций Новгородской земли, представленных в классических исследованиях конца XIX – начала XX века (П.В. Киреевский, П.В. Шейн, Е.В. Барсов.и др.), результатах собирательской работы конца XX века (Т.И. Орнатская, В.В. Коргузалов, В.В. Митрофанова и др.) и современных публикациях (О.С. Бердяева, В.И. Жекулина и др.) [4; 5; 8], позволил предположить, что малые фольклорные жанры могут быть использованы в качестве эффективного средства коррекции речи детей с моторной алалией.

Для проверки выдвинутой гипотезы нами было проведено научное изучение эффективности логопедической коррекции алалии с использованием малых фольклорных форм в структуре комплексного метода реабилитации.

В ходе исследования были выявлены трудности использования детского фольклора в качестве речевого материала в процессе логопедической коррекции. Среди них:

– нарушение языкового анализа и синтеза алаликов;

– непонимание переносного значения слов;

– расстройство считывания просодических и семантических характеристик;

– трудности отнесения фольклорного текста к конкретной жизненной ситуации;

– стремление подменить вербальный знак кинетическим или визуальным.

В то же время были выявлены и значительные реабилитационные ресурсы малых фольклорных форм:

– мощный коммуникативный посыл;

– четкий ритм;

– возможность произнесения в индивидуальном, доступном темпе;

– краткость;

– эмоциональная насыщенность;

– уместность режима речевого сопряжения.

CC BY

В качестве примера представим опыт реабилитации дошкольника с моторной алалией в ОАУСО «Реабилитационный центр для детей с ОВЗ» в Великом Новгороде через описание клинического случая.

Девочка Аня П. (5 лет 2 месяца) поступила в стационарное отделение Реабилитационного центра с диагнозом «моторная алалия» в октябре 2019 года.

Из анамнестических сведений нам стало известно, что девочка родилась от осложненной беременности на 34 неделе. Мать Ани (в связи со вторым браком) два года назад иммигрировала из России. Ребенка воспитывает бабушка. Маленькая семья, состоящая из бабушки и внучки, проживает в одном из северных районов Новгородской области. Поведение привязанности к бабушке девочка ярко демонстрировала на протяжении всей реабилитационной смены (жестом просила позвонить бабушке, показывала, как та поправляет очки, чистит картошку, обметает снег с обуви).

Дома Аня не имеет возможности посещать детский сад. Из всех форм речевой реабилитации семье доступны лишь эпизодические индивидуальные занятия с логопедом (до районного центра автобусное сообщение существует 2 раза в сутки, кроме вторников, пятниц, весны и осени).

Логопедическая диагностика выявила грубое искажение всех линий речевого развития. Вербальные средства коммуникации у ребенка почти полностью отсутствовали. В экспрессивной речи девочка использовала лишь несколько ономатопей («бай-бай», «ам-ам», «бух», «мяу») и лепетных слов-корней («те», «гуня», «си»). Были очевидны выраженные «ножницы» между трудностями понимания ребенком обращенной речи и сохранной потребностью в коммуникации.

Будучи первично интеллектуально сохранной, девочка преодолевала речевую дефицитарность за счет богато интонированных звуковых рядов, эмоционально-выразительных коммуникативных жестов, системы взглядов и мимических знаков. Так, чтобы выразить радость от прихода медицинской сестры, принесшей детям кислородный коктейль, Аня расширяла глаза, изо всех сил колотила пятками по полу и произносила: «Те… буль-буль… ц-ц-ц» (Тетя Лена несет стаканчики с коктейлем и стучит каблуками по коридору).

Именно название родного района девочки – Пестовского – и навело нас на мысль использовать в коррекционных целях пестушку – одну из наиболее древних форм детского фольклора.

Кроме этого, в процессе коррекционно-развивающих занятий были использованы новгородские колыбельные, заклички, нескладушки, дразнилки, страшилки, считалки [8]. Последние оказались наиболее эффективными для коррекции речи Ани.

Мы использовали мощный коррекционный потенциал считалки – ее четкий ритм, возможность произносить слова отдельно друг от друга, сопряженность слова с движениями ведущей руки, а также высокую коммуникативную обращенность.

Уже к концу первой реабилитационной смены в речевом развитии Ани наметилась стойкая положительная динамика.

Она заключалась, прежде всего, в значительном повышении мотивации к использованию речевых средств коммуникации. Речевая активность ребенка, точно прорвав какое-то заграждение, сделалась постоянной потребностью и доставляла Ане видимую радость и удовольствие.

Несмотря на выраженную дефицитарность вербальной продукции, теперь в речи девочки появилась короткая фраза, в которой угадывался четкий «считалочный» ритм. Аня стала охотно договаривать строчки из детских фольклорных текстов, громко смеялась над нескладушками, напевала колыбельные куклам.

Завершающее логопедическое обследование выявило у девочки положительную динамику преодоления алалии по следующим направлениям: преодоление речевого негативизма, повышение вербальной активности, развитие произвольной речевой моторики, развитие фонематических процессов, формирование речевого ритма, увеличение доли вербальной составляющей в коммуникации. Бабушке, приехавшей забрать Аню в день окончания реабилитационной смены, она без конца повторяла считалки, используя технологию «речевого дирижирования», как учили ее на логопедических занятиях.

Таким образом, мы оказались свидетелями положительного воздействия новгородских считалок на эффективность реабилитации дошкольника с моторной алалией.

Вывод

Переходя от частного примера к обобщенным экспериментальным данным, можно сделать вывод об эмпирическом подтверждении нашего гипотетического предположения.

Критериальный анализ позволяет проследить положительную динамику речевого развития у 76 дошкольников с моторной алалией.

Представим обобщенные данные по каждой из исследуемых линий речевого развития. Стойкие положительные результаты прослеживались в следующих областях. Повышение вербальной активности произошло у 74 детей. Преодоление речевого негативизма было заметно у 67 детей. Развитие произвольной речевой моторики диагностировалось в 62 случаях. Положительная динамика в области развития фонематических процессов была отмечена у 62 детей. Улучшение речевого ритма наблюдалось у 70 детей. Увеличение доли вербальной составляющей коммуникации стало очевидным у 74 детей.

Таким образом, малые фольклорные формы могут быть использованы в качестве эффективного средства коррекции моторной алалии у дошкольников в структуре комплексной реабилитации.

CC BY

Список литературы

1. Бобылова М.Ю. Моторная и сенсорная алалия: сложности диагностики [Текст] / М.Ю. Бобылова, А.А. Капустина, Т.А. Браудо [и др.] // Русский журнал детской неврологии. – 2017. – №12 (4). – С. 32–42.
2. Гриншпун Б.М. О принципах логопедической работы на начальных этапах формирования речи у моторных алаликов [Текст] // Логопедия. Методическое наследие: в 5 кн. Кн. III: Системные нарушения речи: алалия. Афазия / под ред. Л.С. Волковой. – М.: Владос, 2003. – С. 160–171.
3. Захарова О.А. Коррекция алалии. Упреждающее воздействие на нарушенную речевую и психоречевую предпосылку // Дошкольное воспитание. – 2012. – №12. – С. 89–96.
4. Капица Ф.С. Русский детский фольклор [Текст]: учеб. пособ. для вузов / Ф.С. Капица, Т.М. Колядич. – М.: Флинта: Наука, 2002. – 314 с.
5. Ключаева М.А. «На золотом крыльце сидели»: к истории одной считалки // Обсерватория культуры. – 2013. – №1. – С. 122–125.
6. Ковшиков В.А. Экспрессивная алалия и методы ее преодоления [Текст]. – Каро, 2018. – 304 с.
7. Никашина А.А. Педагогическая ценность материнского фольклора в раннем детстве: материалы межрегиональной научной конференции IX Ежегодной научной сессии аспирантов и молодых ученых: в 2-х т. Т. 2. Гуманитарные науки. Педагогические науки. – Вологда, 2015. – С. 451–455.
8. Традиционный фольклор Новгородской области. Сказки. Легенды. Предания. Былички. Заговоры (по записям 1963–1999 гг.) [Текст] / под ред. М.Н. Власова, В.И. Жекулина. – СПб.: Алетейя, 2001. – 534 с.

References

1. Bobylova, M.Yu., Kapustina, A. A., Braudo, T. A., Abramov, M. O., Klepikov, N. I., & Panfilov, E. V. (2017). Motor and Sensory Alalia: Diagnostic Difficulties. Rusian journal of child neurology, 12 (4), 32-42.
2. Grinshpun, B. M. (2003). O printsipakh logopedicheskoi raboty na nachal'nykh etapakh formirovaniia rechi u motornykh alalikov. Logopediia. Metodicheskoe nasledie. Sistemnye narusheniia rechi: alaliia. Afaziia. Volkova L. S. (eds.), 160-171. Moscow: Vlados.
3. Zakharova, O. A. (2012). Korrektsiia alalii. Uprezhdaiushchee vozdeistvie na narushennuiu rechevuiu i psikhorechevuiu predposylku. Preschool education, 12, 89-96.
4. Kapitsa, F. S., & Koliadich, T. M. (2002). Russian children's folklore., 314. Moscow: Flinta: Nauka.
5. Kliuchaeva, M. A. (2013). "Na zolotom kryl'tse sideli": k istorii odnoi schitalki. The Observatory of Culture, 1, 122-125.
6. Kovshikov, V. A. (2018). Expressive alalia and methods to overcome it., 304. Karo.
7. Nikashina, A. A. (2015). Pedagogicheskaia tsennost' materinskogo fol'klora v rannem detstve., 451-455. Vologda.
8. Vlasova, M. N., & Zhekulina, V. I. (2001). Traditional folklore of the Novgorod region. Folk tales. Legends. Traditions. Superstitious. Charms (fieldwork records from 1963-1999)., 534. Saint Petersburg: Aleteiia.

Информация об авторах

Александрова Лада Юрьевна – канд. пед. наук, доцент ФГБОУ ВО «Новгородский государственный университет им. Ярослава Мудрого», Великий Новгород, Российская Федерация

Ваторопина Светлана Витальевна – канд. пед. наук, доцент ФГБОУ ВО «Новгородский государственный университет им. Ярослава Мудрого», Великий Новгород, Российская Федерация

Information about the authors

Lada Y. Aleksandrova – candidate of pedagogical sciences, associate professor of FSBEI of HE "Yaroslav-the-Wise Novgorod State University", Novgorod the Great, Russian Federation

Svetlana V. Vatoropina – candidate of pedagogical sciences, associate professor of FSBEI of HE "Yaroslav-the-Wise Novgorod State University", Novgorod the Great, Russian Federation

CC BY

Работа национальной президентской школы-интерната по удовлетворению языковых прав и этнокультурных потребностей обучающихся

DOI 10.31483/r-74928
УДК 37.01

Иксанова Л.Г.
ФГБОУ ВО «Марийский государственный университет»,
Йошкар-Ола, Российская Федерация.
https://orcid.org/0000-0003-4285-1762, e-mail: ixanova66@mail.ru

Резюме: В статье рассматривается специфика деятельности образовательной организации по удовлетворению языковых прав и этнокультурных потребностей обучающихся на примере Национальной президентской школы-интерната для одаренных детей. Активное обсуждение вопроса изучения родных языков, уменьшение часов для преподавания по национальным языкам в учебном плане общеобразовательных школ, уход духовно-нравственного воспитания на второй план и «сдача позиций» процессу цифровизации, поиск решений и новых моделей «национальных школ» определяет актуальность изучения данного вопроса. Подчеркивается, что в связи с тем, что Россия – многонациональное государство и почти все школы полиязычны и поликультурны в силу динамичного процесса миграции родителей, школам приходится решать проблемы реализации образовательных программ самостоятельно. Также отмечается, что так как процесс удовлетворения языковых прав и этнокультурных потребностей обучающих разных национальностей, их взаимоотношение между собой влечет за собой конфликты и уход в мир социальных сетей и подростковых групп, образовательная (учебная и воспитательная) деятельность требует тщательной проработки. Поэтому внимание исследователей к проблеме удовлетворения языковых прав и этнокультурных потребностей обучающихся обуславливает интерес к проблеме управления этой деятельностью.

Цель статьи – разработать и обосновать организационно-педагогические условия, способствующие эффективному управлению деятельностью образовательной организации по удовлетворению языковых прав и этнокультурных потребностей обучающихся.

Методы исследования: изучение литературы по теме исследования, педагогический опыт автора и педагогических коллективов школ, анализ образовательных программ и учебных планов.

Результаты. В результате исследования нами были выявлены основные пробелы в существующей системе управления деятельностью образовательной деятельностью по удовлетворению языковых прав и этнокультурных потребностей обучающихся, отсутствие гибкой модели управления с адаптивной организационной структурой управления и соответствующих организационно-педагогических условий. Автором предлагается эффективная модель управления деятельностью школы по удовлетворению языковых прав и этнокультурных потребностей обучающихся.

Ключевые слова: образовательная программа, учебный план, урочные и внеурочные занятия, удовлетворение языковых прав, удовлетворение этнокультурных потребностей обучающихся.

Для цитирования: Иксанова Л.Г. Работа национальной президентской школы-интерната по удовлетворению языковых прав и этнокультурных потребностей обучающихся // *Этническая культура*. – 2020. – № 2 (3). – С. 101-106. DOI:10.31483/r-74928.

Work of the National Presidential Boarding School on Establishing Linguistic Rights and Filling Ethno-Cultural Needs of Students

Lidiya G. Iksanova
FSBEI of HE "Mari State University",
Yoshkar Ola, Russian Federation.
https://orcid.org/0000-0003-4285-1762, e-mail: ixanova66@mail.ru

Abstract: The article deals with the specifics of the educational institutions' activities on establishing language rights and filling ethno-cultural needs of students on the example of the National presidential boarding school for gifted children. Active debates of the issue of learning native languages, reducing the hours for teaching national languages in the curriculum of secondary schools, downplaying spiritual and moral education and “giving up positions” to the process of digitalization, the search for solutions and new models of “national schools” determines the relevance of issue studied. It is noted that due to the fact that Russia is a multi-ethnic state and almost all schools are multilingual and multicultural as a result of the dynamic process of migration of parents, schools have to solve the problems of implementing educational programs independently. Also, it is emphasized that since the process of establishing the linguistic rights and filling ethno-cultural needs of students of different nationalities, their relationship with each other entails conflicts and withdrawal to the world of social networks and adolescent groups, educational activities require a careful study. Therefore, the attention of researchers to the problem of establishing the linguistic rights and filling ethno-cultural needs of students causes interest in the problem of managing this activity.

The aim of the article is to develop and justify organizational and pedagogical conditions that contribute to the effective management of educational institutions’ activity on establishing linguistic rights and filling ethno-cultural needs of students.

Research methods: study of the literature on the issue studied, the pedagogical experience of the author and teaching staff of schools, analysis of educational programs and curricula.

Results. As a result of the research, we identified the main gaps in the existing system of management of educational activities on establishing the linguistic rights and filling ethno-cultural needs of students, the lack of a flexible management model with an adaptive organizational structure of management and appropriate organizational and pedagogical conditions. An effective model for managing the school's activities on establishing the linguistic rights and filling ethno-cultural needs of students is proposed in the article.

Keywords: educational program, curriculum, class and extracurricular activities, establishing linguistic rights, filling ethnocultural needs of students.

For citation: Iksanova L.G. (2020). Work of the National Presidential Boarding School on Establishing Linguistic Rights and Filling Ethno-Cultural Needs of Students. *Etnicheskaya kultura = Ethnic Culture, 2(3)*, 101-106. (In Russ.) DOI:10.31483/r-74928.

CC BY

Введение

В современных условиях формирования, функционирования и развития школ с этнокультурным (поликультурным) составом в инновационном режиме особо актуальным является разработка научно-методологического и методического содержания общего (начального и основного) образования на этнокультурной основе, которая опирается как на общечеловеческие ценности, так и на национально-культурные и регионально-этнические традиции. Учитывая то, что многие годы этот процесс шел в направлении заполнения учебных планов национально-региональным компонентом, а также управление этим процессом и его обеспечение.

Особенностью многих образовательных организации с этнокультурным (поликультурным) составом является стремление к обновлению её содержания, касающихся в основном изменений в учебном плане количества часов и использования этнокультурных технологий в воспитательном процессе. Несмотря на возложение многочисленных усилий и использование всевозможных педагогических воздействий, результатом образовательных организаций в лучшем случае являются количественные показатели проведенных часов и мероприятий. К сожалению, качественные показатели намного ниже. Поэтому образовательный процесс по удовлетворению языковых прав и этнокультурных потребностей обучающихся должен иметь свой управленческий механизм.

В образовательной деятельности важно применить принципиально новые модели управления в тех образовательных организациях, где этнокультурный (поликультурный) состав, где учитываются интересы всех участников образовательных отношений. Привыкнув к «советской» системе субъекто-объектных отношений, к административно-командному управлению, педагоги, обучающиеся и родители не хотят менять систему, а руководители не стремятся рушить устоявшуюся систему управления. Во многих школах до сих пор административно-командный стиль управления, зависящий от воли руководителя. В силу быстро меняющегося процесса обновления и внедрения современного педагогического менеджмента необходимо разработать и внедрить новую модель управления образовательных организациях с этнокультурным (поликультурным) составом.

Взаимодействие образовательных организаций, ориентированных на удовлетворение языковых прав и этнокультурных потребностей обучающихся и на формирование их этнокультурных компетентностей, обладает огромным потенциалом, отвечает требованиям времени и является ответом на государственный, социальный, родительский и индивидуальный заказы. Одной из взаимодействий образовательных организаций основного и дополнительного образования (сегодня тесное сотрудничество образовательных организаций основного общего образования и дополнительного очень перспективно и эффективно) является создание полилингвальных и многофункциональных центров для развития одаренных детей. Национальная президентская школа, объединяющая Национальную президентскую школу-интернат и Национальную президентскую школу искусств, является примером такой образовательной организации, которая учитывает потребности каждого ребенка. В нашем центре реализуются основные общеобразовательные программы, через которые в основном происходит удовлетворение языковых прав, и дополнительные общеразвивающие программы, через которые в основном происходит удовлетворение этнокультурных потребностей. Хотя вопрос при создании условий для всестороннего развития одаренных детей с ранней профилизацией решается комплексно.

Поставленные задачи можно решить более эффективно с помощью внедрения управленческого механизма, который даст возможность для совершенствования деятельности образовательных организациях с этнокультурным (поликультурным) составом. Обучающиеся, являясь субъектами образовательных процессов, получат возможность практической реализации умений, знаний, навыков, связанных с этнокультурной и языковой компетентностью с самых ранних лет, что послужит сохранению языка и идентичности.

Изучая опыт создания образовательных комплексов, мы пришли к выводу, что необходимой частью деятельности по удовлетворению языковых прав и этнокультурных потребностей детей является включение в комплексы дошкольную образовательную организацию. Мы имеем в виду охват этой деятельностью детей дошкольного возраста. Раннее развитие детей подразумевает и языковое развитие. Изучение родного языка, его знание и обучение в раннем возрасте влияет на дальнейшую судьбу ребенка. По сути, родитель как законный представитель лишает своего ребенка его «корней». Будучи привлеченным к процессу освоения родного языка в семье и в детском саду как части комплекса, обучающийся чувствовал бы себя комфортно в тех условиях, в которых он оказывается потом. Это сняло бы много негативных последствий.

В связи с этим проблема управления деятельностью образовательных организации по удовлетворению языковых прав и этнокультурных потребностей обучающихся требует срочного решения. Она способствует формированию этнокультурной компетентности школьников, является чрезвычайно актуальной, а сам процесс требует научного обоснования и методического обеспечения в силу недостаточной изученности, определения теоретической и практической значимости.

Что касается системы преподавания родных языков в рамках выполнения законодательных актов и свободного и добровольного выбора родителей обучающихся, то она ставит в тупик администрацию многих школ, т.к. раньше родные языки ассоциировались с национальными языками, а русский язык, являясь государственным языком Российской Федерации, не рассматривался таковым. Наиболее важной проблемой на данный момент мы считаем вопрос составление образовательной программы ОО и принятие такого учебного плана, который смог бы удовлетворить языковые права и этнокультурные потребности как обучающихся, так и их законных представителей, т. е. родителей.

Цель исследования: на основе учебно-воспитательной деятельности ГБОУ Республики Марий Эл «Национальная президентская школа-интернат» и ГБУ ДО Республики Марий Эл «Национальная президентская школа искусств» разработать систему работы по удовлетворению языковых прав и этнокультурных потребностей обучающихся.

Материалами и методами исследования стали: изучение литературы по теме исследования, педагогический опыт автора данной статьи и педагогических коллективов двух школ, анализ образовательных программ

CC BY

и учебных планов, теоретическое и практическое моделирование системы ОО по удовлетворению языковых прав и этнокультурных потребностей обучающихся и апробация реализации учебного плана школы.

Результаты исследования, обсуждения

Образовательная система ГБОУ Республики Марий Эл «Национальная президентская школа-интернат» является сложившейся системой функционирования и развития в общей региональной и российской системе образования. Сегодня во многих «национальных» республиках образовательные организации (далее ОО), являясь частью единого образовательного пространства Российской Федерации и неся статус национальной школы, имеют многонациональный состав и относятся к поликультурному типу образовательных учреждений. Поэтому образовательная программа ОО как в части обучения, так и в части воспитания, так или иначе поликультурна. «Цель поликультурных программ воспитания в национальной школе – сохранение и развитие культуры каждого этноса. Причем, поликультурность основывается на таких принципах, как: быть равным, но другим; быть интегрированным, но уважаемым; сохранять «равенство неравного» (этнического национального, единство в многообразии и т. д.)» [1, с. 247].

Поликультурный состав субъектов образовательной деятельности «диктует» создание этнокультурной модели с гибкой образовательной системой, способной к саморазвитию. Сама «поликультурная среда школы создает условия для освоения универсальных, одинаковых для любого этноса, способов познания окружающей действительности, а, с другой, возникает возможность диалога разных культур на эмоциональном уровне, что способствует развитию каждой культуры в отдельности» [2, с. 1].

Этнокультурная модель Национальной президентской школы-интерната строится на удовлетворении языковых прав и этнокультурных потребностей всех участников образовательных отношений. Федеральный закон от 29.12.2012 №273-ФЗ (ред. от 06.02.2020) «Об образовании в Российской Федерации» определил, что «участники образовательных отношений – обучающиеся, родители (законные представители) несовершеннолетних обучающихся, педагогические работники и их представители, организации, осуществляющие образовательную деятельность» [3, с. 13]. Тем не менее, главным заказчиком образовательных услуг ОО являются родители. Родительский заказ наших родителей: удовлетворение языковых прав и этнокультурных потребностей их одаренных детей и воспитание успешной творческой личности. Если учесть, что миссией школы-интерната является подготовка творческих кадров и национальной элиты, то над «созданием» нашей образовательной программы (ООП НОО и ООО ООО) трудятся, соответственно, на правах коллегиальных органов управления родительский комитет и социальные партнеры в рамках реализации интегрированных образовательных программ по договору о сетевом взаимодействии и сотрудничестве.

Национальная президентская школа-интернат и Национальная президентская школа искусств образуют Республиканский центр для одаренных детей. Центр полностью оправдывает свое назначение и выполняет свою миссию: создает этнокультурную образовательную среду и осуществляет полноценную обучающую, воспитательную и развивающую деятельность, формирует духовно развитую, интеллектуальную, нравственно личность с чувством патриотизма к малой и большой родине. Одна из «главных задач – выявление одаренных детей и подготовка творческих и национальных кадров для Республики Марий Эл» [4, с. 32].

Полиэтнический состав обучающихся является отличительной чертой всех образовательных учреждений РФ. В школе-интернате в 2019–2020 учебном году учится 321 ученик 7 национальностей, и полиэтническая образовательная среда нашей школы также диктует строительства особой системы. Для развития талантов и удовлетворения образовательных потребностей наших одаренных детей нами были созданы все условия. И прежде всего это школьная система по «этнокультурному образованию». Под термином «этнокультурное образование» понимается система обучения и воспитания, направленная на сохранение этнокультурной идентичности личности путем приобщения к родному языку и культуре с одновременным освоением ценностей мировой культуры» [1, с. 25]. Педагогический коллектив попытался создать на территории ОО систему обучения, воспитания и развития, базирующейся на основе культурного и лингвистического плюрализма, который сочетает современный уровень технической, информационной оснащенности образования с традиционными культурными ценностями. Основными условиями реализации нашей идеи является признание и обеспечение для одаренной личности безусловного приоритета родного языка и культуры, вариативность, мобильность и непрерывность образования по реализации этнокультурных интересов, запросов, предпочтений; общедоступность и дифференцированность образовательных и культурных услуг.

Основой этнокультурного образования обучающихся является создание и развитие этнокультурного образовательного пространства школы. Мы понимаем, что «национальная школа», претендуя на такой статус, обязана заполнить все компоненты образовательного процесса соответствующим содержанием. И прежде всего это преподавание родного языка и родной литературы, а затем и историю и культуру народов региона и страны. Образовательная программа ОО по современным требованиям невозможна без внеурочной составляющей, а развитие обучающегося – без системы дополнительных общеразвивающих программ.

В школе-интернате с 1 по 9 класс 100% обучающихся изучают марийский язык. Мы предлагаем образовательные услуги, в том числе обучение на родном языке, обучение и воспитание на родном языке в соответствии с законами Российской Федерации и Республики Марий Эл. Учитывая то, что 68% обучающихся и 86% сотрудников, в т.ч. 91% педагогов, школы марийской национальности, внеурочные занятия (50%) проводятся на марийском языке. Это является и выполнением Указа Главы Республики Марий Эл от 19.04.2016 г. №89 «Об утверждении Положения об использовании государственных языков Республики Марий Эл и иных языков при организации и проведении культурно-массовых мероприятий в Республике Марий Эл» в том числе.

В школе-интернате вопрос удовлетворения языковых прав решен прежде всего благодаря «сбалансированной» и «выверенной» образовательной программе ГБОУ Республики Марий Эл «Национальная президент-

CC BY

Таблица 1

Количественный состав обучающихся, изучающих предметы этнокультурного цикла

Table 1

Number of students studying subjects of the ethno-cultural cycle

Учебный год	Изучают родной русский язык	Изучают родную русскую литературу	Изучают родной марийский язык	Изучают родную марийскую литературу	Изучают марийский государственный язык	Изучают историю и культуру народов республики
2018–2019	42	42	78	78	232	310
2019–2020	238	238	81	81	238	319

ская школа-интернат» (как ООП НОО, так и ООО ООО). Например, «целью реализации основной образовательной программы начального общего образования является обеспечение планируемых результатов по достижению выпускником начальной общеобразовательной школы целевых установок, знаний, умений, навыков и компетенций, определяемых личностными, семейными, этнокультурными, общественными, государственными потребностями и возможностями ребёнка младшего школьного возраста, индивидуальными особенностями его развития и состояния здоровья» [4, с. 5].

Учебный план, являясь неотъемлемой частью образовательной программы ОО, через которую в основном реализуется право обучающегося на удовлетворение его языковых прав, дает ему возможность для изучения родных языков: русского и марийского. Согласно заявлениям родителей (законных представителей) обучающихся на сегодняшний день языковые права наших учеников удовлетворяются на 100%. Количественный состав обучающихся, изучающих предметы этнокультурного цикла, предоставлены в таблице 1.

Учебные планы начального (1–4 кл.) и основного (5–9 кл.) общего образования в части изучения родных языков и культуры представлены в таблицах 2 и 3 (соответственно порядку).

Главным показателем исполнения требований законодательства является выполнение статьи 14 Федерального закона «Об образовании в Российской Федерации» от 29.12.2012 г. №273-ФЗ: «граждане Российской Федерации имеют право на получение дошкольного, начального общего и основного общего образования на родном языке из числа языков народов Российской Федерации, а также право на изучение родного языка из числа народов Российской Федерации» [5, с. 29]. Языком обучения согласно Уставу ГБОУ Республики Марий «Национальная президентская школа-интернат» является русский язык, язык изучения выбирается как в начале учебного года, так и в течение учебного года согласно заявлениям родителей как законных представителей обучающихся.

Школа-интернат была создана в 1960 году для обучения и воспитания талантливых детей мари из дальних деревень республики, за все время существования марийский язык как язык титульной нации республики преподавался всегда. Необходимо отметить, что по марийскому языку и марийской литературе все эти годы обучающиеся сдавали государственный экзамен. С 2015 года обучающиеся по выбору начали сдавать государственный экзамен по учебному предмету «марийский государственный язык».

Вопрос удовлетворения этнокультурных потребностей связан и с преподаванием учебного предмета «История и культура народов, проживающих в Республике Марий Эл» (ИКН). В школе-интернате он преподается с 2000 года во всех классах и охватывает 100% обучающихся.

Образовательная программа ОО, имея Программу воспитательной деятельности, обогащается внеурочной деятельность. Десять часов, «обещанных» федеральными государственными образовательными стандартами, не были «закреплены» за школой финансово, поэтому учителями Программа внеурочной деятельности реализуется в рамках образовательной программы школы в основном так же, как и в других школах, т. е. за счет возмещения учительского труда из стимулирующей части ОО. Что касается содержания этой програм-

Таблица 2

Учебный план начального (1–4 кл.) общего образования в части изучения родных языков и культуры

Table 2

Curriculum of primary (1-4 grades) general education on the study of native languages and culture

Предметные области	Учебные предметы / Классы	Количество часов в неделю I	II	III	IV	Всего
Обязательная часть						
Русский язык и литературное чтение	Русский язык	4	4	4	4	16
	Литературное чтение	3	3	3	3	12
Родной язык и литературное чтение	Родной (русский) язык	1	1	1	1	4
	Родной (мариский) язык	-	-	-	-	-
	Литературное чтение на родном (русском) языке	1	1	1	1	4
	Литературное чтение на родном (марийском) языке	-	-			-
Часть, формируемая участниками образовательных отношений		-	3	3	2	8
Марийский (государственный) язык		-	1	1	2	4
История и культура народов Марий Эл		-	1	1	-	2

CC BY

Таблица 3

Учебный план основного (5–9 кл.) общего образования в части изучения родных языков и культуры

Table 3

Curriculum of basic (5-9 grades) general education on the study of native languages and culture

Предметные области	Учебные предметы / Классы	Количество часов в неделю					
		V	VI	VII	VIII	IX	Всего
Обязательная часть							
Русский язык и литература	Русский язык	5	6	4	3	3	21
	Литература	3	3	2	2	3	13
Родной язык и литература	Родной (русский) язык	0/0,5	0/0,5				0/1
	Родной (мариский) язык	2/0	2/0	2/0	2/0	2/0	10/0
	Родная (русская) литература	0/0,5	0/0,5				0/1
	Родная (марийская) литература	1/0	1/0	1/0	1/0	1/0	5/0
Часть, формируемая участниками образовательных отношений		1/3	1/3	2/5	2/5	2/5	8/21
Русский язык				1	1	1	3
Марийский (государственный) язык		0/1	0/1	0/2	0/2	0/2	0/8
История и культура народов Марий Эл		0/1	0/1	0/1	0/1	0/1	0/5

мы, то это полностью лежит на выборе педагогического коллектива. В связи с тем, что у нас интегрированная программа со школой искусств и обучающиеся у нас живут, учатся и воспитываются в режиме полного дня, в первую половину дня они осваивают общеобразовательную программу, а во второй половине дня занимаются по дополнительным общеразвивающим программам по следующим направлениям: музыкальное, художественное, хореографическое, декоративно-прикладное, театральное, литературное. Надо отметить, что все программы сформированы с этнокультурным уклоном в силу специфики школы-интерната. «Марийская классическая музыка», «Марийская национальная вышивка», «Резьба по дереву», «Национальные танцы», «Артисты национального театра им. М. Шкетана», «Марийская народная песня» и многие другие внеурочные занятия работают на формирование этнокультурной идентичности обучающихся.

Одной из особенностью образовательной программы школы-интерната является работа по индивидуальным образовательным программам: наши одаренные дети специализируются на обучении какого-нибудь музыкального инструмента, в числе которых народные музыкальные инструменты, например, марийские гусли. Это тесно связано с их предпрофессиональной подготовкой.

Образовательная программа ОО претерпела большие изменения в последнее время. Это прежде всего изменение содержания этнокультурного образовательного процесса, который в свою очередь потребовал включения новых реальностей, в том числе и качественного изменения обучающих технологий и методов, а также подготовки педагогических кадров и управленческого персонала. Инновационный подход в подготовке преподавателей качественно влияет на этнокультурное образование обучающихся. «Существование» в учебном плане учебных предметов этнокультурного цикла прямо зависит от этнокультурной компетентности преподавателей, от их курсовой подготовки и повышения квалификации. Активное освоение учителями родного языка информационных технологий, ЭОР и ЦОР и активное их применение в учебном и образовательном процессах дают возможность учащимся по-новому представлять изучаемый материал, систематизировать его. Для учителя – это расширение возможности применения на уроке наглядности при помощи мультимедийного проектора. Целью инновационной деятельности педагога является качественное изменение личности выпускника школы: «отличная профессиональная подготовка, повышение его культурного уровня, умение правильно вести себя в обществе, уметь видеть ситуацию, решать самостоятельно проблемы. Но это станет возможным только при мастерском использовании преподавателями и педагогами тех или иных инновационных методов» [1, с. 1].

Повышение своей квалификации и подготовки к современному преподаванию урочных и внеурочных занятий и освоение ИКТ-компетенций для повышения уровня своей этнокультурной компетентности является одной из главных задач в программе повышения квалификации педагогов школы-интерната. Необходимость объединять, комбинировать различные источники, привлекать к анализу материалы и выводы многих наук и дисциплин – этнопедагогики, этнологии, этнографии, этнопсихологии, социологии, физической антропологии, географии, археологии, истории, лингвистики «заставляет» наших учителей и воспитателей как педагогов национальной школы учиться в магистратуре, аспирантуре, на очных и заочных курсах переподготовки (из 31 педагога 89% находятся в статусе учащегося).

Таким образом, реализация образовательной программы национальной школы невозможна на современном этапе развития российского образования без создания единого коллектива педагогов, обучающихся, родителей и социальных партнеров и создания интегрированных совместных программ урочных и внеурочных занятий. Так как основной целью нашей образовательной системы является сохранение и трансляция духовного и культурно-исторического наследия народов, проживающих на территории Республики Марий Эл и Российской Федерации, подготовка конкурентоспособной личности, способной реализовать себя в современных условиях и обеспечение наиболее полного удовлетворения этнокультурных, языковых, образовательных потребностей и интересов обучаю-

CC BY

щихся различных национальностей, в т. ч. марийской национальности, мы прежде всего «выстроили» учебный план, учитывающий интересы всех субъектов образовательной деятельности. Это закреплено уставом школы, а образовательная программа школы является стержнем этнокультурной модели современной национальной школы.

Заключение

Изучение, моделирование и апробация системы деятельности ОО по удовлетворению языковых прав и этнокультурных потребностей обучающихся является сегодня одной из главных проблем ОО в их образовательных программах.

Теоретическая и практическая значимость состоит в том, что результаты исследования, можно использовать во многих школах, особенно в так называемых «национальных» школах, образовательная программа и учебный план как её часть могут послужить основой для ООО НОО (основной общеобразовательной программы начального общего образования) и ООО ООО (основной общеобразовательной программы основного общего образования) общеобразовательных школ многих регионов. Результатом является готовый учебный план для начальной и основной школ по УЯПиЭПО. Использование материалов исследования в учебно-воспитательном процессе ОО поможет решить проблему межнациональных и межконфессиональных конфликтов. Научная новизна состоит в том, что система преподавания родных языков учитывает преподавание предмета русский родной язык. Автором проведена научно-исследовательская работа по удовлетворению языковых прав и этнокультурных потребностей обучающихся (УЯПиЭПО) в Национальной президентской школе-интернате Республики Марий Эл. Изучена образовательная программа и учебный план как часть этой программы и инструмент реализации программы по УЯПиЭПО школы-интерната, адаптированный к современным условиям и отвечающий требованиям времени. Программа составлена с учетом потребностей обучающихся и родителей как их законных представителей, а также под социальный и государственный заказ. В статье нашли отражение изменения в образовательной программе школы после внесенных в Федеральный закон от 3 августа 2018 г. №317-ФЗ «О внесении изменений в статьи 11 и 14 Федерального закона «Об образовании в Российской Федерации». Учебный план образовательной организации (ОО) обеспечивает возможность получения образования на родном языке из числа языков народов Российской Федерации, изучение государственного языка республики Российской Федерации, родного языка из числа языков народов Российской Федерации, в том числе русского языка «как родного языка». Показана система преподавания родных языков: русского и марийского, учебного предмета ИКН (истории и культуры народов, проживающих в республике) в рамках требований федеральных государственных образовательных стандартов. Также раскрывается возможность реализации программы воспитательной деятельности по удовлетворению языковых прав и этнокультурных потребностей обучающихся через систему внеурочных занятий, в т. ч. используя базу Национальной президентской школы искусств по договору о сетевом взаимодействии и сотрудничестве. В исследовании показан системный подход в работе нескольких педагогических коллективов в реализации интегрированных образовательных программ с целью обучения, воспитания и развития одаренных обучающихся.

Список литературы

1. Федорова С.Н. Системный подход к этнокультурологической подготовке будущих педагогов: монография. – Йошкар-Ола: Изд-во ГОУ ВПО «Марийский государственный университет», 2008. – 436 с.
2. Косогова А.С. Поликультурная среда в многонациональной школе как условие успешной адаптации выпускников / А.С. Косогова, М.Б. Дьякова // Современные проблемы науки и образования. – 2008. – №3 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.science-education.ru/ru/article/view?id=735 (дата обращения: 01.03.2020).
3. Федеральный закон от 29.12.2012 №273-ФЗ (ред. от 06.02.2020) «Об образовании в Российской Федерации» (недействующая редакция) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=LAW&n=344846&fld=134&dst=100009,0&rnd=0.5908718882691888#01650913438461592
4. Образовательные организации Республики Марий Эл [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://edu.mari.ru/DocLib36/OU_List.aspx?parentID=1
5. Федеральный закон «Об образовании в Российской Федерации» от 29.12.2012 г. №273-ФЗ (последняя редакция).

References

1. Fedorova, S. N. Sistemnyi podkhod k etnokul'turologicheskoi podgotovke budushchikh pedagogov., 436.
2. Kosogova, A. S., & D'iakova, M. B. (2008). Polycultural Environment in Multinational School as a Condition of Successful Adaptation of Leavers. Modern problems of science and education, 3. Retrieved from http://www.science-education.ru/ru/article/view?id=735
3. Federal'nyi zakon ot 29.12.2012 273-FZ (red. ot 06.02.2020) "Ob obrazovanii v Rossiiskoi Federatsii" (nedeistvuiushchaia redaktsiia). Retrieved from http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=LAW&n=344846&fld=134&dst=100009
4. Obrazovatel'nye organizatsii Respubliki Marii El. Retrieved from http://edu.mari.ru/DocLib36/OU_List.aspx?parentID=1
5. Federal'nyi zakon "Ob obrazovanii v Rossiiskoi Federatsii" ot 29.12.2012 g. 273-FZ (posledniaia redaktsiia).

Информация об авторе

Иксанова Лидия Геннадьевна – аспирант ФГБОУ ВО «Марийский государственный университет, Йошкар-Ола, Российская Федерация

Information about the author

Lidiya G. Iksanova – postgraduate student of FSBEI of HE "Mari State University", Yoshkar Ola, Russian Federation

CC BY

Организационно-педагогические условия развития научно-исследовательской деятельности студентов вуза

DOI 10.31483/r-74918
УДК 378.1

Качалова С.М.
ФГБОУ ВО «Липецкий государственный технический университет»,
Липецк, Российская Федерация.
https://orcid.org/0000-0003-4334-6290, e-mail: smkachalova@mail.ru

Резюме: Автор подчеркивает, что в связи с необходимостью развития у студентов умений и навыков организации самостоятельной научно-исследовательской деятельности, произведен психолого-педагогический анализ организации исследовательской деятельности студентов высшего учебного заведения, сформулированы базовые задачи развития способности обучающихся к научно-исследовательской работе.

Методы исследования. Для диагностики развития данного качества использованы такие методы исследования, как анкетирование, изучение документации, тестирование, анализ и сравнительная оценка.

В результате исследования определены качества, опираясь на которые можно вызвать интерес к исследовательской деятельности – способность к познавательной активности, осознанность действий, самостоятельный подход к решению творческих задач, стремление к саморазвитию и самообразованию у обучающихся. Отмечается, что для развития умений и навыков научно-исследовательской работы рекомендуется вовлекать студентов в решение проблемных задач, помогать им анализировать качественные изменения и прогнозировать результаты развития того или иного процесса. В ходе опытно-экспериментальной работы, проводимой преподавателями Липецкого государственного технического университета, были выявлены положительные изменения, свидетельствующие о развитии способности к исследовательской деятельности у обучающихся в процессе, организованном для приобщения к исследовательской работе студентов на разных этапах их обучения.

Ключевые слова: научно-исследовательская деятельность, развитие, организационно-педагогические условия, творческое мышление, творческие способности, личностные качества, совместная деятельность, самостоятельность, активность.

Для цитирования: Качалова С.М. Организационно-педагогические условия развития научно-исследовательской деятельности студентов вуза // *Этническая культура*. – 2020. – № 2 (3). – С. 107-110. DOI:10.31483/r-74918.

Organizational and Pedagogical Conditions for the Development of Research Activities of University Students

Svetlana M. Kachalova
FSBEI of HE “Lipetsk State Technical University”,
Lipetsk, Russian Federation.
https://orcid.org/0000-0003-4334-6290, e-mail: smkachalova@mail.ru

Abstract: The author outlines that in connection with the need to develop students' abilities and skills for organizing independent research activities, a psychological and pedagogical analysis of the organization of university students' research activities is made, and the basic tasks of developing the students' ability to do research work are formulated.

Methods of research. To diagnose the development of this quality, research methods such as questionnaires, analysis, and comparative evaluation were used.

The study defined quality, based on which we can generate interest in students to do research activities – the ability to cognitive activity, awareness of actions, independent approach to creative problem solving, commitment to self-development and self-education. It is noted that for development of skills for doing research work it is recommended to engage students in the situations where it is necessary to find the solution to problems, help them to analyze qualitative changes and to predict the results of a particular process development. In the course of experimental work carried out by lecturers of the Lipetsk State Technical University, positive changes, indicating the development of the ability in students to do research activity in the process, organized to introduce students to research work at different stages of their training were identified.

Keywords: research activity, development, organizational and pedagogical conditions, creative thinking, creative abilities, personal qualities, joint activity, independence, activity.

For citation: Kachalova S.M. (2020). Organizational and Pedagogical Conditions for the Development of Research Activities of University Students. *Etnicheskaya kultura = Ethnic Culture, 2(3)*, 107-110. (In Russ.) DOI:10.31483/r-74918.

Введение

В связи с необходимостью развития у студентов умений и навыков организации самостоятельной научно-исследовательской деятельности мы произвели психолого-педагогический анализ организации исследовательской деятельности студентов специальности «Реклама и связи с общественностью» Липецкого государственного технического университета, сформулировали базовые задачи развития способности обучающихся к научно-исследовательской работе. При этом было установлено, что единого подхода среди специалистов к дефиниции данного термина не имеется. Разные авторы связывают исследовательскую деятельность с такими категориями, как интеллектуальные качества личности, учебная деятельность, творческое мышление [5, с. 197; 8, с. 495]. Наиболее оптимальным, с нашей точки зрения, является подход П.В. Замкина, Л.Г. Паршиной, В.В. Мирошкиной, Е.Ю. Кашниковой, которые изучают исследовательскую деятельность в аспекте ее принадлежности к разновидности образовательной деятельности студенобучающихся. Базовые задачи в этом случае оказываются связаны с развитие

CC BY

способности к исследовательской деятельности, формирование и развитием творческого потенциала учащихся благодаря их вовлечению в решение творческих задач [3, с. 34]. Исследователи считают, что, вовлекая студентов в исследовательскую деятельность, они способствуют формированию их знаний и навыков, усвоению знаний и таким образом совершенствуют их способность к организации исследовательской деятельности.

Опираясь на положение о том, что исследовательская деятельность – это разновидность образовательной деятельности, задачей которой является развитие творческих способностей в частности и личностных качеств в целом благодаря вовлечению студентов в разрешение проблемных ситуаций и решение исследовательских задач, мы решили выявить организационно-педагогические условия, который способствует развитию исследовательских навыков и умений студентов.

Методы

При осуществлении опытно-экспериментальной работы на первом этапе мы осуществили диагностику уровней развития способности к исследовательской деятельности у студентов. При этом мы рассматривали сформированность таких необходимых для осуществления исследовательской деятельности качеств, как способность к познавательной активности, осознанность действий, самостоятельный подход к решению творческих задач, стремление к саморазвитию и самообразованию у обучающихся [2, с. 42].

При этом нужно было выявить условия, которые способствуют формированию способности к исследовательской деятельности, которая осуществляется благодаря вовлечению студентов в образовательный процесс в высшем учебном заведении. Мы обследовали 26 преподавателей и 68 студентов-магистрантов, обучающихся в Липецком государственном техническом университете (ЛГТУ), используя такие эмпирические методы, как анкетирование, изучение нормативной документации, тестирование, анализ и сравнительная оценка. В поле нашего зрения были включены также продукты учебной-методической деятельности участников образовательного процесса, среди которых мы подвергли анализу рабочие программы, учебно-методические комплексы, отчёты по научно-исследовательской работе, индивидуальные планы и прочее.

Результаты

Было установлено, что только к 11% опрошенных нами студентов имеют способность к самообразованию и саморазвитию на оптимальном уровне. 35% учащихся при этом продемонстрировали результаты, свидетельствующие об ограниченном уровне развития способности к самообразованию и саморазвитию. Когнитивный компонент достаточно развит по 52% опрошенных, результаты которых мы расценивали как нахождение на допустимом уровне. Творческий потенциал достаточно развит у 63% студентов, а оптимального уровня достигли только 24% опрошенных, при этом 13% студентов продемонстрировали владение способностью к творчеству на ограниченном уровне.

Производя анализ исследовательских навыков студентов, мы выяснили, что определять свои приоритеты, ставить цели осознанно, планировать и организовывать свою исследовательскую работу способны только 62% студентов. 18% опрошенных продемонстрировали достаточно развитый навык прогнозирования, способность к оценке результатов, принятию и исполнению решения. Организацией взаимодействия, способностью к управлению своими действиями на достаточном уровне владеет только 57% студентов. Способность видеть противоречия и выявлять проблему, выдвигать идеи, формулировать гипотезу могут только 11% обучающихся. 46% опрошенных продемонстрировали способность к анализу ситуации, систематизированию, сравнению и обобщению имеющихся данных. 26% респондентов продемонстрировали способность к рефлексии, 17% студентов заявили, что никогда не ставили себе подобную задачу.

В результате анализа полученных на стадии констатирующего эксперимента результатов мы пришли к мысли о том, что роль преподавателей в развитии способности к исследовательской деятельности обучающихся в вузе неизмеримо велика, в связи с чем были сформулированы такие задачи:

– выявить условия, которые способствуют развитию исследовательской деятельности студентов;

– изучить проблемы и препятствия, затрудняющие процесс, связанный с исследовательской деятельностью обучающихся в вузе.

Опросив 79 преподавателей ЛГТУ, мы выяснили, что многие из них применяют развивающие методы обучения, но исследовательский метод обучения и метод «погружения» практически никто из респондентов не использует в своей практике [4, с. 94].

В формирующий эксперимент было включено 6 преподавателей кафедры культуры ЛГТУ и 46 студентов, обучающихся по программе подготовки «Реклама и связи с общественностью».

Осуществляя развитие исследовательских навыков учащихся, преподаватели выстраивали лекции таким образом, чтобы студенты не получали готовых ответов, действовали с позиции сотрудничества, выходили на обратную связь, чтобы преподаватели могли воздействовать на познавательную активность, н студентов, включать их в совместную деятельность, направленную на добывание знаний, в том числе и частично самостоятельно. В этом случае построение процесса познания приближалось к исследовательскому поиску [1, с. 23]. В то время как студенты осуществляли поиск необходимых знаний, у них формировалось и ценностное отношение к самому процессу познания, активизировался их творческий потенциал. Преподаватель, осуществляя организацию самостоятельного поиска ответов, старался учитывать интересы студентов и формулировал проблемные вопросы, опираясь на их жизненный опыт. Анализируя проблему, студенты должны были предположить, какие причины способствовали ее возникновению, а также должны были сформулировать вопрос, нуждающийся в разрешении. Именно так возникала проблемная задача.

CC BY

Кроме того, в учебный процесс включалось игровое моделирование с целью развития навыков исследовательской деятельности студентов, что давало возможность «ввести знание в смысловой контекст, обеспечить вариативность образования в совместной деятельности» [10, с. 7]. Это осуществлялось благодаря погружению студентов в определенную ситуацию, которая была специально смоделирована педагогом в учебных, развивающих или воспитательных целях.

Учитывая, что индивидуальная образовательная траектория каждого студента отличается от способов, которые годятся для других студентов [7, с. 2529], педагоги предлагали обучающимся индивидуальные творческие задания, при выполнении которых студенты должны были анализировать качественные изменения и прогнозировать результаты развития того или иного процесса. Самообучение в этом случае преобладало над обучением, что способствовало вовлечению студентов в творческую исследовательскую деятельность. Благодаря осуществлению обратной связи у преподавателя появлялась возможность контролировать познавательную активность каждого студента, стимулировать её, включать каждого в обсуждения проблемы и обучать студентов самостоятельно отвечать на проблемные вопросы [9, с. 186].

Благодаря повышению уровня мотивации к обучению формировался аксиологический компонент знаний, развивался интерес к обучению, вырастал уровень познавательной активности на занятиях, увеличивалась способность к генерации идей, вырастал уровень самостоятельности студентов вплоть до уровня проявления инициативы, когда студенты самостоятельно осуществляли выбор стратегии и тактики решение задания.

Во время спецсеминара по научно-исследовательской работе, который логически завершал цикл дисциплин, способствующих формирование навыков научно-исследовательской деятельности, осуществлялась самостоятельная работа студентов при подготовке к семинарам. Свои наработки студенты оформляли в форме доклада о выполненном исследования, готовили презентацию по изученной проблеме. Обязательным компонентом доклада было осуществление рефлексии, осуществляя которую студенты должны были ответить на вопросы, чему они научились во время поиска ответа на проблемные вопросы, в чём заключались трудности, что для себя нового они открыли, какие составляющие исследовательской деятельности при этом получили у них развитие при работе над исследуемой проблемой, над чем, по их мнению, важно было продолжить работу, а также студенты должны были дать ответ на вопрос, какие у них формировались знания, умения, какой опыт появлялся во время выполнения самостоятельной работы.

Выводы

Благодаря описанному подходу к обучению студенты получали возможность, осуществляя самооценку, проанализировать собственный уровень развития исследовательской деятельности, проследить самостоятельно процесс приращения знаний, дать оценку собственным умениям и навыкам, которые они приобрели в процессе выполнения заданий, связанных с научно-исследовательской деятельностью [6, с. 12].

Таким образом, развитие навыков и умений исследовательской деятельности обучающихся вуза происходило при опоре на вышеизложенные принципы. В ходе опытно-экспериментальной работы, проводимой преподавателями Липецкого государственного технического университета, были выявлены положительные изменения, свидетельствующие о развитии способности к исследовательской деятельности обучающихся в процессе, организованном для приобщения к исследовательской работе студентов на разных этапах их обучения.

Список литературы

1. Аришина Э.С. Сотворчество студентов и преподавателей вуза как условие формирования готовности к профессиональной деятельности [Текст] / Э.С. Аришина // Инновационные проекты и программы в психологии, педагогике и образовании: сборник статей Международной научно-практической конференции (15 декабря 2017 г., г. Уфа). В 2 ч. Ч. 1. – Уфа: Аэтерна, 2017. – С. 21–24.

2. Демченко З.А. Интерактивное обучение научно-исследовательской деятельности студентов в образовательном пространстве современного университета (из опыта работы) [Текст] // Концепция устойчивого развития науки третьего тысячелетия: сборник научных статей по итогам международной научно-практической конференции. – СПб., 2016. – С. 42–44.

3. Замкин П.В. Организационно-педагогические условия развития научно-исследовательской деятельности студентов в процессе практико-ориентированной подготовки в вузе [Текст] / П.В. Замкин, Л.Г. Паршина, В.В. Мирошкин // Гуманитарные науки и образование. – 2018. – Т. 9, №4 (36). – С. 31–40.

4. Качалова С.М. Об особенностях использования моделей дистанционного обучения в техническом вузе [Текст] // Вестник Липецкого государственного технического университета. – 2016. – №2 (28). – С. 93–96.

5. Кашникова Е.Ю. Организация участия студентов вуза в исследовательской деятельности как значимый фактор профессионально-личностного развития [Текст] // Категория «социального» в современной педагогике и психологии: материалы 5-й Всероссийской научно-практической конференции (заочной) с международным участием / отв. ред. А.Ю. Нагорнова. – 2017. – С. 197–199.

6. Малукова Н.С. Развитие научно-исследовательского потенциала студентов на основе их вовлечения в инновационную деятельность профильных кафедр вуза [Текст] // Актуальные проблемы современного гуманитарного знания: материалы II Всероссийской научно-практической конференции с международным участием / под общ. ред. З.А. Медведевой, О.Э. Васькиной. – 2019. – С. 12–13.

CC BY

7. Микиденко Н.Л. Научно-исследовательская работа студентов в региональном вузе: оценка возможностей, достижений, опыта и практик участия [Текст] / Н.Л. Микиденко, С.П. Сторожева // Профессиональное образование в современном мире. – 2019. – Т. 9, №1. – С. 2528–2538.

8. Сайтбагина Л.А. Сценарный подход в управлении развитием исследовательской деятельности студентов вуза [Текст] / Л.А. Сайтбагина, Л.А. Шипилина // Проблемы педагогической инноватики в профессиональном образовании: материалы XVIII Международной научно-практической конференции / отв. ред. Е.И. Бражник, Н.Н. Суртаева. – 2017. – С. 494–497.

9. Хабибулаев, О.А. Готовность студентов к научно – исследовательской работе [Текст] / О.А. Хабибулаева, Э.М. Ахмедова // Инновационные проекты и программы в психологии, педагогике и образовании: сб. статей Международной научно-практической конференции: в 2 ч. – 2017. – С. 185–188.

10. 1Чаленко А.В. Организация научно-исследовательской деятельности учащейся молодежи [Текст] / А.В. Чаленко, Е.И. Харченко, Е.Ю. Поляченко // Экономика. Менеджмент. Инновации. – 2017. – №4 (10). – С. 3–9.

References

1. Arishina, E. S. (2017). Sotvorchestvo studentov i prepodavatelei vuza kak uslovie formirovaniia gotovnosti k professional'noi deiatel'nosti. Innovatsionnye proekty i programmy v psikhologii, pedagogike i obrazovanii, 21-24. Ufa: Aeterna.

2. Demchenko, Z. A. (2016). Interaktivnoe obuchenie nauchno-issledovatel'skoi deiatel'nosti studentov v obrazovatel'nom prostranstve sovremennogo universiteta (iz opyta raboty). Kontseptsiia ustoichivogo razvitiia nauki tret'ego tysiacheletiia, 42-44. SPb.

3. Zamkin, P. V., Parshina, L. G., & Miroshkin, V. V. (2018). Organizatsionno-pedagogicheskie usloviya razvitiya nauchno-issledovatelskoy deyatelnosti studentov v protsesse praktiko-orientirovannoy podgotovki v vuze [Organizational educational conditions for development of students' research activities within practice-prioritizing academic training]. Gumanitarnye nauki i obrazovanie, 9, 4 (36), 31-40.

4. Kachalova, S. M. (2016). Features of the use of distance learning models in technical University. Bulletin of the Lipetsk State Technical University, 2 (28), 93-96.

5. Kashnikova, E. Iu. (2017). Organizatsiia uchastiia studentov vuza v issledovatel'skoi deiatel'nosti kak znachimyi faktor professional'no-lichnostnogo razvitiia. Kategoriia "sotsial'nogo" v sovremennoi pedagogike i psikhologii, S. 197.

6. Malukova, N. S. (2019). Razvitie nauchno-issledovatel'skogo potentsiala studentov na osnove ikh vovlecheniia v innovatsionnuiu deiatel'nost' profil'nykh kafedr vuza. Aktual'nye problemy sovremennogo gumanitarnogo znaniia Materialy II Vserossiiskoi nauchno-prakticheskoi konferentsii s mezhdunarodnym uchastiem, S. 12.

7. Mikidenko, N. L., & Storozheva, S. P. (2019). Students' Research Work at a Regional University: Opportunities, Achievements, Experiences and Practices of Participation. Professional education in the modern world, 9, 1, 2528-2538.

8. Saitbagina, L. A., & Shipilina, L. A. (2017). Stsenarnyi podkhod v upravlenii razvitiem issledovatel'skoi deiatel'nosti studentov vuza. Problemy pedagogicheskoi innovatiki v professional'nom obrazovanii, S. 494.

9. Khabibulaev, O. A., Khabibulaeva, O. A., & Akhmedova, E. M. (2017). Gotovnost' studentov k nauchno. Innovatsionnye proekty i programmy v psikhologii, pedagogike i obrazovanii: sb. statei Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii, S. 185.

10. Chalenko, A. V., Kharchenko, E. I., & Poliachenko, E. Iu. (2017). Organizatsiia nauchno-issledovatel'skoi deiatel'nosti uchashcheisia molodezhi. Ekonomika. Menedzhment. Innovatsii, 4 (10), 3-9.

Информация об авторе

Качалова Светлана Михайловна – канд. пед. наук, доцент ФГБОУ ВО «Липецкий государственный технический университет», Липецк, Российская Федерация

Information about the author

Svetlana M. Kachalova – candidate of pedagogical science, associate professor of FSBEI of HE "Lipetsk State Technical University", Lipetsk, Russian Federation

CC BY

Методика выстраивания и проведения интерактивной этнографической экскурсии в музее образовательного учреждения

DOI 10.31483/r-75035
УДК 39

Куликова И.Г.[a], **Ахмадуллин Ф.Р.**[b]
ФГБОУ ВО «Самарский государственный университет путей сообщения»,
Самара, Российская Федерация.
[a] https://orcid.org/0000-0002-7872-8814, e-mail: zampovr@mail.ru
[b] https://orcid.org/0000-0002-3481-4374, e-mail: fanis83ar@mail.ru

Резюме: В работе рассматриваются методические приемы проведения интерактивной этнографической экскурсии в музее образовательного учреждения. Высказана гипотеза, согласно которой введение в структуру этнографической экскурсии элементов интерактива и иммерсивности позволит прочнее и глубже усвоить материал экскурсии. С целью подтверждения гипотезы проведен анализ теоретического материала по теме исследования, выявлен современный взгляд на музей образовательного учреждения, как на объект по передаче культурного опыта, как на хранителя исторической памяти.

Методы. Исследование проводилось с помощью следующих методов: анализа теоретического материала, опроса участников музейно-педагогического процесса с целью выявления наиболее действенных методов функционирования музея, моделирование, предполагающее организацию различных форматов деятельности музея образовательного учреждения, а также методов эмпирического уровня – наблюдения, описания, эксперимента.

Результаты исследования, приведенные в работе, подтвердили, что в отличие от традиционной экскурсии, предполагающей пассивное участие обучающихся, интерактивные экскурсии позволяют вовлечь обучающихся в активное взаимодействие с экскурсоводом, мотивировать их к «самостоятельному» исследованию и рассмотрению экспонатов музея. Опрос участников музейно-педагогического процесса подтвердил, что эмоциональное проживание материала экскурсии способствует лучшему её усвоению и запоминанию.

Ключевые слова: интерактивное экскурсионное мероприятие, методика проведения, музей образовательного учреждения.

Для цитирования: Куликова И.Г. Методика выстраивания и проведения интерактивной этнографической экскурсии в музее образовательного учреждения / И.Г. Куликова, Ф.Р. Ахмадуллин // *Этническая культура*. – 2020. – № 2 (3). – С. 111-114. DOI:10.31483/r-75035.

Methods of Composing and Conducting an Interactive Ethnographic Excursion in the Museum of an Educational Institution

Irina G. Kulikova[a], **Fanis R. Akhmadullin**[b]
FSBEI of HE "Samara State University of Railway Transport",
Samara, Russian Federation.
[a] https://orcid.org/0000-0002-7872-8814, e-mail: zampovr@mail.ru
[b] https://orcid.org/0000-0002-3481-4374, e-mail: fanis83ar@mail.ru

Abstract: The methodological techniques for conducting an interactive ethnographic excursion in the museum of the educational institution are reviewed in the article. It has been hypothesized that the introduction of elements of interactivity and immersivity into the structure of an ethnographic excursion will allow for a stronger and deeper learning of the material of the excursion. In order to confirm the hypothesis, an analysis of theoretical material on the topic of the study was carried out, a modern view of the museum of the educational institution as an object for transmitting cultural experience, as a guardian of historical memory was revealed.

Methods. The research was carried out using the following methods: analysis of theoretical material, survey of participants of the museum and pedagogical process in order to identify the most effective methods of functioning of the museum, modeling, involving organization of various formats of activity of the museum of the educational institution, as well as methods of empirical level – observation, description, experiment.

The results of the study, given in the work, confirmed that unlike the traditional excursion, which involves passive participation of students, interactive excursions allow to involve students in active interaction with the guide, motivate them to “independent” study and consideration of exhibits of the museum. The survey of participants of the museum and pedagogical process confirmed that emotional immersion in the material of the excursion contributes to its better learning and memorization.

Keywords: interactive excursion activities, methods of conducting, museum of an educational institution.

For citation: Kulikova I.G., & Akhmadullin F.R. (2020). Methods of Composing and Conducting an Interactive Ethnographic Excursion in the Museum of an Educational Institution. *Etnicheskaya kultura = Ethnic Culture, 2(3)*, 111-114. (In Russ.) DOI:10.31483/r-75035.

Введение

Процесс становления информационного общества, в котором в настоящее время мы пребываем, зрелищность и доступность информационных средств, в корне поменяло подрастающее поколение – потенциальных посетителей музеев. Нынешний экскурсант не желает пассивно принимать информацию, не имея возможности влиять на ход событий.

С другой стороны, быстрая смена приоритетов современного общества, привела музеи к вступлению в конкуренцию с разнообразными досуговыми учреждениями, поэтому задача привлечения в музей современного посетителя стала весьма актуальной.

Оба этих обстоятельства вызывают смену приоритетных направлений деятельности музея, перемеще-

CC BY

ние в сторону активного взаимодействия, внедрение в экспозицию подвижных элементов, сопровождение звуковыми и шумовыми эффектами, введение театрализации, анимации и интерактивности. Представители цифрового общества, привыкшие к новым формам подачи информации, современные обучающиеся сложно воспринимают историю и культуру страны с помощью способов и приемов, которые были эффективны ранее. Для изучения истории, культурного наследия своего народа требуются новые активные педагогические технологии. И музеи предлагают целую серию экскурсионных мероприятий с введением интерактивности, где все ответы можно получить самостоятельно, в живом общении с экспонатами.

Гипотезой исследования является предположение, что введение в структуру экскурсии интерактива и иммерсивности позволит прочнее и глубже усвоить материал экскурсии, а эмоциональное проживание экскурсии будет способствовать лучшему запоминанию.

Методы исследования

Проведение исследования выполнялось с опорой на следующие методы: анализ теоретического материала, опрос участников музейно-педагогического процесса с целью выявления инновационных методов функционирования музея, моделирование, предполагающее организацию различных вариантов деятельности музея образовательного учреждения, а также на методы эмпирического уровня – наблюдение, описание, эксперимент.

Результаты исследования

Анализ теоретического материала по теме показал, что вопросами педагогической деятельности музеев образовательных учреждений в разное время занимались Г.Ю. Элькин, З.А. Огризко, В.Г. Белинский, К.Д. Ушинский, А.П. Питкевич, Т.Х. Шацкий. В работах М.Ю. Юхневича, Т.Ю. Юреневой, Б.А. Столярова представлены фундаментальные основы деятельности музеев образовательных учреждений. Авторы А.Н. Сарапулов, Д.В. Шмуратко в своих статьях уделили внимание методике проведения экскурсионного мероприятия.

Современный музей образовательного учреждения представляет собой уникальное место объединения культуры и образования. Так называемая «музейность» здесь приобретает новое качество – передачу социальной памяти, что составляет сущность любого музея [2]. В словосочетании «музей образовательного учреждения» ключевым словом является музей, потому что он обладает большинством его функций, но функции эти выполняются не профессиональными музейными работниками, а обучающимися. Самобытность музея образовательного учреждения в его своеобразии, он является музеем особого типа. Являясь частью музейно-педагогического процесса, он предназначен аудитории подростков и молодежи, имеет четкую образовательную направленность, выстраивает работу на основе активного вовлечения в познавательную деятельность обучающихся.

Основным принципом музейной деятельности является принцип историзма. Он обеспечивает соблюдение следующих условий: рассмотрение явлений и предметов с точки зрения их места в общеисторическом, цивилизованном процессе, изучение истории в свете современности, формирование и сохранение исторической памяти [3].

Историческая память формируется на основе народного творчества, исторических преданий, сказаний, легенд, героического эпоса, сказок, составляющих неотъемлемую часть духовной жизни каждого народа как один из способов его самовыражения и проявления черт национального характера. В народном творчестве воспевается мужество и героизм предков, трудолюбие, победа добра над злом [1]. Интерактивная этнографическая экскурсия стимулирует интерес к прошлому своего народа, выполняет передачу культурного опыта, превращает музей как бы в посредника между экскурсантом и культурной средой.

Выстраивание сценария интерактивной этнографической экскурсии в музее образовательного учреждения предполагает наличие настойчивости, специальных знаний и навыков. К сожалению, оборудованием интерактивными досками и стендами, интерактивными картами и залами, образовательное учреждение располагать не может, но внести элемент интерактивности в экскурсию способно. Введение элементов интерактивности позволяет сделать этнографическую музейную экскурсию активной, эффективной и равно обогащающей ее участников.

Первым и главным правилом интерактивной экскурсии является вовлечение в работу всех участников. В ходе интерактивного экскурсионного мероприятия экскурсанты находятся в постоянной активной позиции. При этом игровой сценарий интерактивного экскурсионного мероприятия совсем не перечеркивает образовательный эффект от посещения музея, а многократно усиливает его.

При разработке интерактивной экскурсии рекомендуется принять во внимание пункты:

– цель экскурсии должна быть четко определена;
– продумано оборудование и раздаточные материалы;
– намечены задаваемые вопросы;
– структурирован материал экскурсии;
– учтен возраст обучающихся, под их возраст и интересы, специально для них разработаны задания и маршрутный лист;
– продумано время проведения;
– подготовлены примеры из жизни.

Использование интерактивной модели этнографического экскурсионного мероприятия предполагает выстраивание, моделирование различных жизненных ситуаций, использование сюжетно-ролевых игр, применение театрализации, совместное решение проблем. На экспозиции экскурсантам можно познакомиться со старинными вещами, о которых они слышали в русских народных сказках, познакомиться с традициями и бытом своего народа. Конечно, некоторые образы прошлого утрачивают свое историческое значение, ценность, однако, несмотря на это, они могут оставаться в сознании общества в качестве исторической памяти, исторических фактов [1].

CC BY

К инновационным активным формам работы музея образовательного учреждения можно отнести:

1. Виртуальную экскурсию – предполагает возможность наглядной и увлекательной демонстрации конкретного реального места (страна, город, музей, место сражения) или временного отрезка. Возможности музея образовательного учреждения позволяют проведение виртуальной экскурсии, по форме напоминающей слайд – показы.

К преимуществам виртуальной экскурсии можно отнести:

– доступность – возможность в любое время виртуального путешествия во времени и по миру;

– возможность многоразового просмотра и пересмотра экскурсии или особо заинтересовавших ее эпизодов.

Опубликовав виртуальную экскурсию музея на сайте образовательного учреждения, можно рассказать о его экспонатах, выставках, экспозициях. Это позволит представить музей образовательного учреждения для более широкой аудитории: для родителей, обучающихся, местного населения. Виртуальные экскурсии позволяют экскурсантам попробовать себя в качестве экскурсовода.

Наконец, выложенная на сайте образовательной организации виртуальная экскурсия музея может применяться в целях дистанционного обучения обучающихся с ОВЗ.

2. Квест – предполагает сочетание классической экскурсии и игры/

3. Экскурсия-спектакль (театрализованная экскурсия) – это новый вид экскурсий, который очень быстро набирает популярность благодаря яркости и эмоциональной насыщенности. В ходе театрализованных, с элементами иммерсивности, экскурсий оживают страницы истории, персонажи и сюжеты. Театрализованная экскурсия превращает экскурсантов не только в зрителей, но и в непосредственных участников описываемых событий экскурсии. В помощь эмоциональному проживанию того или иного события направляется весь спектр выразительных средств театра – свет, музыка, шумы, костюмы, декорации, грим и т. д. Театрализованная экскурсия способствует лучшему погружению экскурсанта в тему проводимой экскурсии, более глубокое эмоциональное ее проживание. Привлечение к музейным занятиям всех творческих объединений образовательного учреждения так же расширяет границы музея.

4. Экскурсия «мастер-класс» – предполагает активное использование музейных предметов или их копий, ознакомление с принципами и методами изготовления этих предметов, что позволяет посетителю стать активным участником экспозиционной работы.

5. Музейный праздник – как бы раздвигает границы музея, так как музейное значение приобретают духовные традиции народа, мастерство, обряды и ритуалы, культурное наследие.

6. Музейные акции – смысл в повышении привлекательности музея для посетителей.

Успешность интерактивного этнографического экскурсионного мероприятия зависит от дифференцированного подхода к экскурсантам, выполнения принципа индивидуализации, раскрытия способностей каждого экскурсанта. Интерактивная экскурсия должна стать посильным примером самостоятельной поисково-исследовательской работы каждого обучающегося. Поэтому, при разработке интерактивных этнографических экскурсий необходимо проследить, чтобы ее тема соответствовала возрасту экскурсантов, была приближена к их жизненному опыту. Обычно различаются экскурсии для возрастных категорий: 1–4 классы, 5–8 классы, 9–11 классы.

Наблюдение показало, что особо продуктивными интерактивные этнографические экскурсии являются в младшем и среднем школьном возрасте. Музейный экспонат собирает в себе знания представителей той или иной эпохи, способен представлять портрет своего хозяина, свидетельствовать о его социальной роли, жизненных ценностях. Познание ребенком окружающей действительности происходит не только путем визуального восприятия, но и при помощи тактильного контакта. Дети – экскурсанты предпочитают быть не только зрителями, но и участниками исторических событий. Это помогает раскрывать экскурсантам предметный мир, заставляет активно действовать внутри интерактивной этнографической экскурсии, активно и подробно отвечать на вопросы.

Рассматривая экспозицию посредством народных сказок, обучающиеся получают знания о бытовом обустройстве, занятиях, орудиях труда, одежде, пище, досуге представителей родного края, заостряет внимание на заботливом отношении к природе родного края и людям, проживающим в нем, народным промыслам, обычаям и традициям.

А «перевоплощение» экскурсовода в представителя той или иной этнографической группы путем облачения в костюм, вызывает у детей самые сильные чувства. Сквозь призму времени они становятся очевидцами далеких событий. Историческое прошлое приближается к сознанию экскурсантов, превращаясь в реальную действительность.

Применение метода моделирования подтвердило, что интерактивные экскурсии, обеспечивая создание условий, максимально приближенных к жизненным ситуациям, делают запоминание – непроизвольным, а восприятие – непринужденным. Это увеличивает остроту восприятия материала интерактивной этнографической экскурсии и делает ее выразительной и надолго запоминающейся.

Заключение

Итак, гипотеза подтвердилась. В результате посещения интерактивной этнографической экскурсии экскурсант знакомится с культурным наследием и самобытностью творчества соотечественников активно и действенно. При этом любая информация, поднесенная в ходе интересной игры, лучше воспринимается и запоминается, закладываясь ближе к подсознанию. А выразительные образы способствуют лучшему запоминанию на эмоционально-чувственном уровне.

Экскурсионное мероприятие с использованием активных форм работы, таким образом, способствует:

1. Интенсивности процесса понимания, усвоения и творческого применения полученных на экскурсии знаний вследствие более активного вовлечения обучающихся в сотворческую деятельность.

CC BY

2. Увеличению мотивации экскурсантов к участию в решении обсуждаемых на экскурсии проблем и последующей поисковой активности обучающихся.

3. Росту определенных знаний, совершенствованию умений, навыков, способов деятельности и коммуникации, раскрытию творческого потенциала обучающихся.

Традиционная экскурсия, как правило, предполагает пассивное участие обучающихся в экскурсионной деятельности: экскурсанты знакомятся с материалом, перемещаются по объекту, иногда весьма поверхностно воспринимая увиденное.

Интерактивные экскурсии, напротив, позволяют вовлечь обучающихся в активное взаимодействие с экскурсоводом и мотивировать их к «самостоятельному» исследованию и рассмотрению экспонатов музея. Принимая деятельностное участие в проведение экскурсии, экскурсанты получают знания, возможность получить которые представляется только на данной экскурсии. Непосредственное участие многократно повышает эмоциональную остроту восприятия материала экскурсии, делает его более действенным и запоминающимся.

Задача исследования корней и культурного наследия своего народа представляется чрезвычайно важным. Народ, воспитывающий молодежь на примере своей истории и традиций, может с уверенностью смотреть в будущее. И интерактив в музейных этнографических экскурсиях в полной мере способствует выполнению данного положения.

Список литературы

1. Куликова И. Г. Сохранение исторической памяти как фактор гражданского и нравственного становления молодого человека [Текст] / И.Г. Куликова, Ф.Р. Ахмадуллин // Теоретический и практический потенциал современной науки: сборник материалов II Международной научно-практической конференции (Таганрог, 19.03. 2019 г.). – Таганрог, 2019.

2. Макеева И.А. Школьный музей: история и перспективы развития [Текст] // Педагогика: традиции и инновации: материалы II Международной научной конференции (Челябинск, октябрь 2012 г.). – Челябинск: Два комсомольца, 2012. – С. 125–127.

3. Сарапулов А.Н. Школьный музей: общее и особенное // Вестник музея археологии и этнографии Пермского Предуралья. – 2014. – №4.

References

1. Kulikova, I. G., & Akhmadullin, F. R. (2019). Sokhranenie istoricheskoi pamiati kak faktor grazhdanskogo i nravstvennogo stanovleniya molodogo cheloveka. Teoreticheskii i prakticheskii potentsial sovremennoi nauki. Taganrog.

2. Makeeva, I. A. (2012). Shkol'nyy muzey: istoriya i perspektivy razvitiya [School Museum: history and development prospects]. Pedagogika: traditsii i innovatsii, 125-127. Cheliabinsk: Dva komsomol'tsa.

3. Sarapulov, A. N. (2014). School Museum: general and special. Vestnik muzeya arkheologii i etnografii Permskogo Predural'ya, 4.

Информация об авторах

Куликова Ирина Геннадьевна – старший преподаватель ФГБОУ ВО «Самарский государственный университет путей сообщения», Самара, Российская Федерация

Ахмадуллин Фанис Ринатович – канд. техн. наук, доцент ФГБОУ ВО «Самарский государственный университет путей сообщения», Самара, Российская Федерация

Information about the authors

Irina G. Kulikova – senior lecturer of FSBEI of HE "Samara State University of Railway Transport", Samara, Russian Federation

Fanis R. Akhmadullin – candidate of engineering sciences, associate professor of FSBEI of HE "Samara State University of Railway Transport", Samara, Russian Federation

CC BY

Преподавание русского языка как родного в начальной школе: проблемы и пути их решения

DOI 10.31483/r-75007
УДК 372.8

Яшина Н.Ю.
ГБОУ ДПО «Нижегородский институт развития образования»,
Нижний Новгород, Российская Федерация.
https://orcid.org/0000-0001-5716-600X, e-mail: yashina-nata58@mail.ru

Резюме: В статье раскрывается актуальность изучения русского языка как родного для формирования у младших школьников национальной самоидентификации, духовно-нравственных ценностей и коммуникативно-речевых умений. *Цель статьи* – обозначить пути преодоления проблем содержательно-методического характера в преподавании нового предмета «Родной русский язык» педагогами начальной школы.

Методы. Методы анализа содержания базового курса русского языка, обобщение педагогической практики и научно-исследовательской деятельности кафедры начального образования ГБОУ ДПО «Нижегородский институт развития образования» по проблеме формирования коммуникативно-речевых умений у младших школьников и развития коммуникативной компетентности педагога позволили определить приоритетные задачи, содержательные блоки, практико-ориентированную и региональную направленность программы учебного предмета.

Результаты. В результате исследования выделены целесообразность национально-культурного и регионального характера содержания и эффективные технологические приемы.

Делается вывод о том, что учет особенностей реализации программы, правильно отобранное педагогами актуальное и соответствующее потребностям младших школьников содержание учебного материала, а также эффективные методы обучения и задания способствует решению проблем, осознанию обучающимися национальной самобытности русского языка, культурных традиций и духовных ценностей своего народа и сохранению языкового разнообразия нашей страны.

Ключевые слова: родной язык, народ, культура, традиции, духовные ценности, национальная самобытность, коммуникативно-речевые умения.

Для цитирования: Яшина Н.Ю. Преподавание русского языка как родного в начальной школе: проблемы и пути их решения // *Этническая культура*. – 2020. – № 2 (3). – С. 115-118. DOI:10.31483/r-75007.

Teaching the Russian Language as a Native at Elementary School: Problems and Ways of Their Solution

Natalya Y. Yashina
SBEI of SVE “Nizhny Novgorod Institute of the Education Development”,
Nizhny Novgorod, Russian Federation.
https://orcid.org/0000-0001-5716-600X, e-mail: yashina-nata58@mail.ru

Abstract: The relevance of studying the Russian language as a mother tongue for the formation of national identity, spiritual and moral values, and communication and speech skills in younger schoolchildren is reviewed in the article. *The purpose of the article* is to identify ways to overcome the problems of a substantive and methodical nature in teaching of the new subject “Native Russian Language” by primary school teachers.

Methods. Methods of analyzing the content of the basic course of the Russian language, a generalization of pedagogical practice and research activities of the Primary Education Department of SBEI of SVE “Nizhny Novgorod Institute of the Education Development” on the problem of the formation of communication and speech skills in primary schoolchildren and the development of communicative competence of a teacher, allowed identifying priority tasks, substantive blocks, practice-oriented and regional orientation of the program of the subject.

Results. As a result of the study, the feasibility of the national and cultural and regional nature of the content and effective technological methods are highlighted.

It is concluded that taking into account the specifics of the program, correctly selected by teachers relevant and appropriate content of educational material that meet the needs of younger schoolchildren, as well as effective teaching methods and tasks, contributes to solving problems, awareness of the national identity of the Russian language, cultural traditions and spiritual values of their people by students, and preserving the linguistic diversity of our country.

Keywords: native language, people, culture, traditions, spiritual values, national identity, communication and speech skills.

For citation: Yashina N.Y. (2020). Teaching the Russian Language as a Native at Elementary School: Problems and Ways of Their Solution. *Etnicheskaya kultura = Ethnic Culture, 2(3)*, 115-118. (In Russ.) DOI:10.31483/r-75007.

Введение

Конституция Российской Федерации, стратегия государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 г. и другие законодательные акты направлены на укрепление единства многонационального российского общества. В современных социальных условиях важно сохранить языковое и этнокультурное разнообразие нашей страны. Родной язык является основой национальной самоидентификации, хранилищем культурных традиций каждого народа. Русский язык как государственный является духовной основой культурно-исторического единства народов России, условием формирования российской гражданской идентичности.

Изменения, внесенные в Федеральный закон «Об образовании в Российской Федерации», имеют целью обеспечить возможность получения образования на родных языках из числа языков народов Российской Федерации, в том числе русского языка как родного. Решению проблем при преподавании родных языков

CC BY

должна способствовать и концепция преподавания родных языков народов России, утвержденная Министерством просвещения Российской Федерации [2].

На основании поручений Президента Российской Федерации и приказа Министерства образования и науки России от 31 декабря 2015 г. №1576 «О внесении изменений в федеральный государственный образовательный стандарт начального общего образования» в 2019–2020 учебном году введена как самостоятельная и обязательная для изучения предметная область «Родной язык и литературное чтение на родном языке». Она представлена в учебном плане предметами «Родной язык (русский)» и «Литературное чтение на родном языке (русском)».

В общеобразовательных организациях Нижегородской области преподавание нового предмета осуществляется учителями начальных классов по рабочим программам, составленным в соответствии с рекомендациями, разработанными преподавателями кафедры начального образования Нижегородского института развития образования на основе научных исследований [1; 3; 4; 5].

Методы

В исследовании использовались метод анализа содержания базового курса русского языка, описательный метод результатов научно-исследовательской деятельности и педагогической практики.

Научные исследования по проблеме формирования коммуникативно-речевых умений у младших школьников (см. работы С.К. Тивиковой, О.В. Колесовой) и проблеме развития коммуникативной компетентности педагога (см. работы С.К. Тивикова, О.Ю. Дедовой, Н.Ю. Яшиной) выявили непосредственную зависимость уровня коммуникативно-речевых умений школьников от степени сформированности коммуникативной компетентности самих педагогов, а также необходимость развития профессиональных умений по применению личностно-ориентированных технологий, связанных с исследовательской, коммуникативно-речевой, проектной деятельностью младших школьников в области изучения языка [1; 5].

При введении нового учебного предмета педагоги столкнулись с рядом проблем: отсутствием утвержденной примерной программы по учебному курсу «Русский родной язык» и учебных пособий, недостаточным количеством часов в учебном плане для полноценного изучения нового предмета. В связи с этим возникла необходимость адаптации информации из сети интернет в соответствии с возрастными особенностями, познавательными интересами и потребностями младших школьников.

Результаты исследования показали, что направленность учебного содержания на изучение языка как инструмента познания национальной культуры в разных учено-методических комплексах по предмету «Русский язык» выражена в разном объеме, полноте и системности. Наиболее удачными в этом плане, на наш взгляд, являются комплексы «Планета знаний» (авторы Л.Я. Желтовская, О.Б. Калинина) и «Перспектива» (авторы Л.Ф. Климанова, Т.В. Бабушкина). Следует отметить, что на уроках русского языка школьники получают первоначальные, отрывочные представления о возникновении письменности на Руси, знакомятся с культурой русского народа, правилами речевого этикета, основанными на национальных традициях, изучают правила русской орфографии.

Однако на практике дети часто не соблюдают правила речевого общения, не умеют выражать свои мысли и грамотно оформлять их в письменной речи. В связи с этим программа по новому учебному предмету «Родной язык (русский)» должна быть ориентирована на сопровождение и поддержку основного, базового учебного предмета «Русский язык», соотноситься с основными содержательными линиями курса русского языка в начальной школе, но не дублировать их, а содержательный материал должен иметь национально-культурный характер и практико-ориентированную направленность.

Введение преподавания русского языка как родного должно обеспечить решение следующих приоритетных задач:

– формирование у младших школьников представления о родном языке как духовно-нравственной и культурной ценности народа; осознание национальной самобытности русского языка;

– осознание значения русского языка не только как государственного языка Российской Федерации и языка межнационального общения, но и родного языка, с помощью которого можно выражать собственные мысли и чувства;

– формирование познавательного интереса, любви и эмоционально-ценностного, ответственного отношения к сохранению и развитию родного языка, уважения к себе как носителю родного языка;

– совершенствование коммуникативных умений и культуры речи обучающихся, уместного использования языка в различных сферах и ситуациях общения с соблюдением норм литературного русского языка и правил речевого этикета; развитие потребности к совершенствованию устной и письменной речи.

В связи с этим содержание программы по предмету «Родной язык (русский)» нами представлено в трех тематических блоках:

1. «Взаимосвязь языка, культуры и истории народа».
2. «Основные нормы русского литературного языка, приобретение опыта использования языковых норм в речевой практике».
3. «Виды речевой деятельности. Нормы речевого этикета».

По первому блоку «Взаимосвязь языка, культуры и истории народа» изучается материал, связанный с первичным знакомством с фактами из истории русского языка. Педагоги выстраивают систему творческих заданий с первого по четвертый класс по знакомству с историей возникновения письменности на Руси, проводят мини-исследования древнерусского и современного русского алфавита. Дети расширяют свои знания в употреблении устаревших слов в произведениях русских писателей, в былинах, русских народных сказках

CC BY

и других произведениях фольклорных жанров; знакомятся с возникновением неологизмов в русском языке. Под руководством учителя проводятся исследования современных русских имен и фамилий, названий населенных пунктов. Дети учатся не только понимать, но и уместно использовать в различных ситуациях общения фразеологизмы, пословицы и поговорки. По данному блоку программы могут быть выполнены следующие проекты: в первом классе «Словарь в картинках», во втором классе «Почему это так называется?» (фразеологизмы), в третьем классе «Словарь устаревших слов», «Откуда в русском языке эта фамилия», «История моего имени и фамилии», в четвертом классе «Из какого языка пришли слова в русский язык», «Похожие пословицы в языках народов России».

Второй блок «Основные нормы русского литературного языка, приобретение опыта использования языковых норм в речевой практике» направлен на формирование первоначальных представлений о нормах современного русского литературного языка (орфоэпических, орфографических, пунктуационных, лексико-стилистических, грамматико-стилистических и др.), обогащение активного и пассивного словарного запаса (изучение синонимов, антонимов, тематических групп слов). Специальные задания формируют у учащихся потребность и умение пользоваться различными видами школьных словарей в соответствии с конкретной познавательной или коммуникативно-речевой задачей. В четвертом классе детям могут быть предложены проекты «Сравнение толкований слов в словаре В.И. Даля и современном толковом словаре»; «Русские слова в языках других народов».

Третий блок «Виды речевой деятельности. Нормы речевого этикета» направлен на совершенствование основных видов речевой деятельности (слушания, говорения, чтения, письма) в их взаимосвязи, на развитие коммуникативных навыков младших школьников.

Основное содержание данного блока ставит целью развитие умений работы с текстом как с речевым высказыванием. Педагогам рекомендуется использовать художественные и научно-познавательные тексты, раскрывающие духовные ценности традиционной культуры русского народа, описание быта, ремесел, народных праздников, обычаев. Школьники учатся создавать собственные тексты разных типов, жанров, стилей на основе регионального краеведческого материала, например:

– тексты-повествования (сжатые, выборочные и творческие изложения на основе легенд и сказаний Нижегородского края, заметки о посещении краеведческого музея, театра, выставки, рассказ об экскурсии по родному городу, об участии в мастер-классах, связанных с народными промыслами);

– тексты-описания (описание игрушек, созданных мастерами художественных промыслов Нижегородского края, народного праздника, национального костюма, народной игры, картины);

– тексты-рассуждения (на основе пословицы, фразеологического оборота; доказательство правильного выбора поведения в жизненной ситуации и пр.); составление текстов приглашения, объявления, поздравления, рецепты русской кухни, инструкции по изготовлению изделий народных промыслов.

Огромное внимание уделяется педагогами формированию у учащихся навыков культуры речи; применению в практике общения этических и эстетических норм, которые определяются традициями русского народа. Педагоги создают на уроке ситуации речевого общения в школе, в общественных местах, где дети тренируются в использовании формул речевого этикета в общении со сверстниками и взрослыми (приветствие, просьба, извинение, благодарность, поздравление, похвала). Важно научить детей определять цели общения, вести учебный диалог: уметь слушать и задавать вопросы, отвечать на вопросы других, комментировать ответ одноклассника, высказывать и обосновывать свою точку зрения. При этом важно проявлять к собеседнику внимание, терпение, доброжелательность и уважение к его мнению.

Заключение

При подготовке к проведению урока педагогам необходимо опираться на следующие особенности реализации программы:

1) учитывать психолого-возрастные возможности и познавательные интересы детей, использовать информационно-коммуникационные технологии, наглядные средства обучения (фото, репродукции картин, вещи и др.);

2) не перегружать урок историческими сведениями, отбирать интересные сведения из истории языка, доступные для понимания, в сопоставлении их с современностью;

3) осуществлять межпредметную связь с уроками литературного чтения на родном языке через изучение пословиц, фразеологизмов, устаревших слов в сказках, былинах, литературных произведениях;

4) делать акцент на языковое содержание урока, опираться на имеющиеся знания по теории русского языка;

5) развивать языковое чутье ребенка, предупреждать и исправлять речевые ошибки;

6) формировать коммуникативно-речевые умения учащихся в практических формах работы.

Таким образом, правильно отобранное педагогами актуальное и соответствующее потребностям младших школьников содержание учебного материала, а также эффективные методы обучения и задания, предполагающие коммуникативное взаимодействие на уроке, безусловно, будут способствовать осознанию национальной самобытности русского языка, духовных культурных ценностей своего народа и сохранению языкового разнообразия нашей страны.

CC BY

Список литературы

1. Колесова О.В. Реализация коммуникативно-деятельностного подхода к развитию речи учащихся / О.В. Колесова, С.К. Тивикова, Е.И. Фомина // Перспективы науки и образования. – 2018. – №3. – С. 226–231.
2. Концепция преподавания родных языков народов России [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://docs.edu.gov.ru/document/616ab265aa2810f14a2c3fd1203a0aaa/download/2400/
3. Тивикова С. К. Гражданское образование в начальных классах: программа курса / С.К. Тивикова, Н.Н. Деменева, Т.Я. Железнова [и др.]. – 3-е изд., испр. и доп. – Н. Новгород: Изд-во ГБОУ ДПО «Нижегородский институт развития образования», 2013. – 32 с.
4. Тивикова С.К. Развитие речи младших школьников средствами народно-поэтического языка: Автореф. дис. ... канд. пед. наук. – Н. Новгород, 1993. – 18 с.
5. Тивикова С.К. Развитие коммуникативной компетентности педагога в системе дополнительного профессионального образования : монография / С.К. Тивикова, О.Ю. Дедова, Н.Ю. Яшина. – Н. Новгород: Изд-во ГБОУ ДПО «Нижегородский институт развития образования», 2015. – 135 с.

References

1. Kolesova, O. V., Tivikova, S. K., & Fomina, E. I. (2018). Implementation of Communicative-Activity Approach to the Development of Students Speech. Perspektivy nauki i obrazovaniia, 3, 226-231.
2. Kontseptsiia prepodavaniia rodnykh iazykov narodov Rossii. Retrieved from https://docs.edu.gov.ru/document/616ab265aa2810f14a2c3fd1203a0aaa/download/2400/
3. Tivikova, S. K., Demeneva, N. N., Zheleznova, T. Ya., & Yashina, N. Yu. (2013). Grazhdanskoe obrazovanie v nachal'nykh klassakh: programma kursa., 32. Nizhny Novgorod: SBEI of SVE “Nizhny Novgorod Institute of the Education Development”.
4. Tivikova, S. K. (1993). Razvitie rechi mladshikh shkol'nikov sredstvami narodno-poeticheskogo iazyka., 18. Nizhny Novgorod.
5. Tivikova, S. K., Dedova, O. Yu., & Yashina, N. Yu. (2015). Development of communicative competence of the teacher in the system of additional education., 135. Nizhny Novgorod: SBEI of SVE “Nizhny Novgorod Institute of the Education Development”.

Информация об авторе

Яшина Наталья Юрьевна – канд. пед. наук, доцент ГБОУ ДПО «Нижегородский институт развития образования», Нижний Новгород, Российская Федерация

Information about the author

Natalya Y. Yashina – candidate of pedagogical sciences, associate professor of SBEI of SVE “Nizhny Novgorod Institute of the Education Development”, Nizhny Novgorod, Russian Federation

CC BY